

10.335 /
1973 / 2

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ

Литературная

ЖУРНАЛ

12

1973

ქოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-17

№ 12

დეკემბერი, 1973 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДЗЕ

(заместитель редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Георгий ХУЦИШВИЛИ,

Эммануил ФЕЙГИН,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания семнадцатый

*Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются.*

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5. Телефоны: гл редактор — 93-65-15,
зам. гл. редактора — 93-13-57, ответ. секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59,
отдел прозы и очерка — 93-31-43, отдел поэзии и искусства — 93-31-43, отдел
критики и публицистики — 93-65-19.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Раздумья у берегов Ингури. Перевод Михаила Луконина	5
АЛЕКО ШЕНГЕЛИЯ. Звонят солнечные колокола. Перевод Михаила Синельникова. Ореховое дерево. Перевод Сергея Алиханова. На Тетрони. Перевод Наталии Орловой. Нива. Авторизованный перевод Анисима Кронгауза	7
АННА КАЛАНДАДЗЕ. Встреча. Перевод Михаила Синельникова	9
НОДАР ГУРЕШИДЗЕ. Старой гвардии большевики. Рядом с нами они... Перевод Александра Радковского	9
ШАЛВА ЦВИЖБА. Большое и малое. Перевод с абхазского Александра Глезера	33

ПРОЗА

ЭЛИЗБАР ЗЕДГИНИДЗЕ. Весеннее половодье. Роман. Окончание. Авторизованный перевод Веры Киреевой	10
АННА АГЛАДЗЕ. Мышка-Норушка. Рассказ	34

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Широкая панорама грузинского села	43
ЕРЕМИЯ КАРЕЛИШВИЛИ. Путь драматурга	51
СЕРГЕЙ БОНДАРЕВ. Принесение сонета	55
МАРТИН КАРАМЯН. Наш друг Маари...	61
ИРИНА ШЕЛИЯ. Логика реальности против логики идей	64

ОЧЕРК

- ЭДУАРД СИХАРУЛИДЗЕ. Бессмертие Форэ. Окончание 68

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- Н. МЕГУЛИШВИЛИ. «Угрюм-река» на грузинском... 73
- ФЕДОР ДОЛИДЗЕ. «Самый культурный человек на Руси...» 75

О КЛАССИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

- НИКО КИЛАНОВА. Служа высоким идеалам 75

ПУБЛИЦИСТИКА

- ГРИГОРИЙ ЛЕЖАВА. Интернационализация социально-классовой структуры населения Абхазской АССР 78
- ВЛАДИМИР КИКАЛИШВИЛИ. Кузница авиаторов 84

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Особый талант человечности 86

В МИРЕ КНИГ

- ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ. Единство народов, единство литератур 88
- ЛИЯ АНДГУЛАДЗЕ. «Песнь любви»: находки и потери 90
- ЛЕВ АНТОПОЛЬСКИЙ. Свидетельствуют «Приметы»... 91

-
- Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1973 год 93

Раздумья у берегов Ингури

ПРОСЛАВЛЕННОМУ ПРОХОДЧИКУ ИНГУРИГЭССТРОЯ
Шукри АБАКЕЛИЯ

1

Продрог рассвет. В снегах вершины
горные.
Осколки солнца в недоступных безднах.
Полошут водопады горла гордые.
Туман — в долине: на вершинах тесно.

Белейший снег, слепя глаза сиянием,
Ползет по небу, словно плуг вдоль пашни.
Вершины парусят на расстоянии.
И хрусталем зажглись на скалах башни.

Пронзает темноту луч неприкаянный,
Как волчьи морды, скал седых оскалы,
Вершины для людей недосягаемы.
И море не пробьется в эти скалы.

Но воля человека движет кручами,
Хоть возле скал поверить трудно в это.
Ни бура, ни кирпичи, ни средства лучшего...
Бери взрывчатку или стих поэта.

Спускаешься ты в подземелье мглистое,
Себя забыв, подобно Прометею.
Чтоб еще чище стало небо чистое,
Чтобы река зажглась еще светлее.

Гудят машины, Шукри подопечные.
Он хором дирижирует могучим.
Из черной бездны гонит глыбы вечные,
Что надвигаются тяжелой тучей.

Сначала проложить мосты ажурные,
Войти в пещеры, в резкий грохот бури.
В туннели заковать их волны бурные,
По руслам труб чтоб понеслась Ингури.

Летит Ингури и не отступается,
Расплавленный свинец и брызги сеткой.
Жеребчик необъезженный Мерани,
Иль зверь тяжелораненный за клеткой!..

Летит Ингури и не отступается,
Врезаясь в скал необычайный хаос.
И с каменными лбами их сшибается,
И продвигается вперед покамест.

Ингури! Не коленопреклоненная,
Когда в железной лапе исполина
В оковы русла железобетонного
Врывается в ущелье у плотины.

Летит Ингури! Все сметает намертво.
Ей, кажется, передвигаться проще
Вдоль по трубе огромного диаметра
В великолепье вольности и мощи.

Как счастлив человек, довольный
внутренне,
Чья колыбель гора крутая эта.
Пускай не мог уснуть до зорьки утренней,
Он вдохновенья озарился светом.

2

О, наших душ извечное свечение,
Что вьюгами столетия обвито.
Как смерч огня, как будто излучение,
Исполнено значения, сокрыто.

А наши книги светятся, как лампочки,
Питают их бессмертный свет Ингури.
А наши дети, внуки или правнучки
Шагают сквозь немислимые бури.

Однако сложно как добиться этого,
Чтоб в борозду встать сеятелем света.

И нелегко, как ты, лучом согретою,
Естественно исполнить роль поэта.

Пусть неприступных скал ты недра
вычитал,
Был в глубине души, как в преисподней,
Но, сколько ни скитался ты, не высчитал.
Какая недоступней даль сегодня?

И кто провидит глубже: автоматика,
Иль принца датского душа больная?
И как цветок российский мать-и-мачеха,
«Быть иль не быть?» — проблема ль
есть иная?

3

Ингури покорив бетона силами,
 К ней, как Фархад, ты рвешься через
 скалы,
 Чтоб окрылить ее электрокрыльями,
 Чтоб ток ее разлился по каналам.

А проникать в такое подземелье,
 Путь проходить, что темен, неудобен,
 Способен человек с большою целью,
 Лишь с высшей целью человек способен.

4

Как след величия, стоят развалины,
 Позавчерашние творенья с виду,
 И катакомбы старые завалены,
 Лишь тянутся к зениту пирамиды.

И эти катакомбы с коридорами
 Когда-то теплой кровью окропляли.
 И пирамиды высятся, которые
 Веками на костях рабов стояли.

5

Как муравьи, рабы по скалам ползали,
 Согнали их со всех концов планеты.
 И тяжкий груз сгибал их спины голые,
 И все ж ползли на четвереньках к свету.

Конечно, и тогда рождались гении,
 Творить хотели жизни панораму.
 Но разве же раба изображение
 Мог разрешить создать хозяин храма!!

Количеством рабов богатство меряли,
 Ряды редели их.. «Пусть умирают!» —
 Рабовладельцы были изуверами,
 И труд не знал ни чести, ни морали.

И фрески — чудеса нерукотворные —
 Нелегкие творения умельцев
 Хранят в портретах времена позорные
 Лишь изуверов и рабовладельцев.

6

Не ведали века и не увидели,
 Чтоб человек на свет рабом родился.
 Земного шара ожидали жители,
 Чтоб труд в почет и славу превратился.

А у Ингури пламя Прометеево
 Ты похищаешь, чтобы отдать народу.

Наш труд рассвобожденный,
 государственный,
 Презревший навсегда хозяев крохи,
 В стране теперь владычит он и царствует,
 Стал чудом, жизнью, гордостью эпохи.

Над скальными, над громовыми высями
 В дрожащей ослепительной лазури
 Твое, не раб, твое, рабочий, вписано
 Простое имя лампами Ингури.

Царит он над морями и над сушами,
 Век светлого труда отныне пробил,
 И все народы ощущают душами,
 Что он еще на большее способен.

Шукри! Сегодня нет труда в помине
 старого.
 Снесен он силой нынешнего ветра,
 Машинам новым доверяют вспарывать
 Почти доисторические недра.

Шукри! «Шу-у-кри...» — мне вторит эхо.
 Рыться ли

Пришел сюда я не для созерцания,
 Что без меня могли б другие сами,
 Хочу постичь души твоей сияние,
 Чтоб ты моими говорил стихами.

Нам в прошлом, если ты живешь на свете!
 И образ твой, подвижника и рыцаря,
 Давно затмил воспоминанья эти.

Вся жизнь твоя, весь труд нелегких
 промыслов,
 А украшения швырну я сразу наземь.
 Я написать тебя хочу без домслов,
 Поскольку ты без домслов прекрасен.

Не под кнутом, не в страхе
 поднимаешься
 На скалы, чтоб ветрами прознобило.
 Трудом не утомляешься, не маешься.
 Теой меч, Шукри, кирка или зубило.

И если окрыляет что-то мастера.
 Не окрылят меня ни гром, ни бури,
 А чтобы горизонта мне не застило,
 Пусть окрылит меня река Ингури.

Господский гнев, — теперь и нет нигде его,
 И об оковах не слыхали сроду.

Пять стихотворений

Звонят солнечные колокола

Ставлю ногу на ошупь,
Иду, как по краю обрыва,
Спотыкаясь, бреду,
Пряной жгучестью солнца объят.
И в груди моей — Солнце...
И ветра вздымается грива,
И сменяются дали
Как залы пустых анфилад.

Впереди —
Перезвон колокольчиков
маковоцветных,
И звонят, и колышутся солнечные
колокола.

Здесь — моя высота...
Глохнет хор голосов безответных.
Здесь останусь навек...
Глубина небосклона тепла.

Отлетела мечта.
От ее корабля голубого
Я отстал — не догнать...
Паруса превращаются в дым.
До последнего вздоха
Я жду вдохновенного слова —
Приговора к бессмертию,
И трепетом жизни томим.

Я — должник твой,
Отчизна!
Веди меня, Родина, муза,
На вершин крутизну через ливень и
сквозь суховей..

Я шагаю в поту и сгибаюсь под
тяжестью груза,

Так на гребень пригорка
Выносит зерно муравей.

Ставлю ногу на ошупь,
Ступаю по скользкому краю,
Спотыкаюсь под ветром...
Чтоб в новую даль заглянуть,
Книгу жизни моей
Все листаю, листаю, листаю,
Подставляю страницам
Открытую жаркую грудь.

Здесь, на склоне — могила,
И нежные желтые розы
Дарит памяти сына
Одетая в черное мать.
И упали с ресниц
Желтизною сожженные слезы,
Эти жгучие слезы,
Которых ничем не унять.

Вот — немая могила,
Но вечная слава могилам,
Тем, которых не скрыли
История и темнота...
Здесь моя высота...
Шлю привет незакатным светилам,
И приветствую солнце,
И утро целую в уста.

По тернистой тропе
Эта женщина сходит с откоса —
Затмевается свет, и дорога клубится
в пыли.

И колеблется жизнь,
Словно ласточка, взмывшая косо,
Вся она — только камень
На плоской ладони земли.

Но стирается прошлое
В бури пронзительном свисте,
И стихает печаль,
Словно яростный крик на ветру.
Ветер
Падает ниц,
И срываются желтые листья...
По весенней земле,
В синеве
Я иду поутру.

Ставлю ногу на ошупь,
Иду, как по краю обрыва,
Спотыкаюсь под ветром...
Но жгучестью Солнца объят.
И в груди моей — Солнце...
Среди золотого разлива
И безмолвия лета
Недели и годы летят.

Чхороцху¹

Не больше, чем девять,
Не меньше, чем девять,
А именно девять
Ворот отворю.
Не время ли матери петь
И лелеять
Дитя в колыбели,
Встречая зарю?
Качните, качните и к солнцу
подбросьте
Певучую зыбку!..
В тревоге, в пути
Я вспомню о ней в нескончаемом
тосте,
Причастье испив из ручьев девяти.

¹ Городок в Мингрелии.

საქართველოს
რესპუბლიკის
ქვეყნული ბიბლიოთეკა

Анна КАЛАНДАДЗЕ

Встреча

На шатком плетне, под ливнем в Чакве
Сидит соловей, а дождь все длится...
О, если б ручьи сторяча иссякли!
Но ты спросил: «Красива ли птица?»
Я вижу только большого поэта —

И что ему ливень, что град предгрозья.
— Куда полетит он? На край ли света?
— Наверно, к такой же продрогшей розе.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Нодар ГУРЕШИДЗЕ

Старой гвардии большевики

Славные простые старики,
Вас люблю я нежно и глубоко —
Старой гвардии большевики,
Рыцари без страха и упрека.

Кажется, не грех и отдохнуть,
Посидеть над медленной рекою,
Вспоминая легендарный путь...
Только не привычки вы к покою.

Плохо ноги слушаются вас:
Были каменистыми дороги.
Но живут по всей земле сейчас
Ваши мысли, вера и тревоги.

Ваша кровь, как прежде горяча
И глаза, как прежде, молодые,
Старики — гвардейцы Ильича —
Совесть и величие России!

Значит, революция живет.
Значит, вами сделано немало.
В наших жилах ваша кровь течет.
Ваша правда нашей правдой стала.

Славные простые старики,
Вас люблю я нежно и глубоко —
Старой гвардии большевики,
Рыцари без страха и упрека.

Рядом с нами они...

О словах я мечтаю нетленных,
О простых и хороших словах,
Чтобы снова сказать об Арсенах,
Чтобы вспомнить о славных делах

Тот, кто поднял Октябрьское знамя,
Разве может быть нами забыт!
Рядом с нами они! Рядом с нами
Беспокойное сердце стучит.

Тех, кто принял сраженье в Дидгори,
Тех, кто юным погиб в Марабде,
Тех, чьей кровью пропитаны зори,
Тех, кто с нами всегда и везде.

Нам завещено их беспокойство.
Меч они не вложили в ножны.
Нас они призывают к геройству
В годы мира и в годы войны.

В нас живет их любовь к угнетенным,
В нас — их верность родимым краям,
В нас — их ярая ненависть к тронам,
С нами — их беспощадность к врагам.

Вместе с нами в атаки ходили.
Вместе с нами ворвались в Берлин...
Что за надписи там на могиле?!
Живы все они, все как один!

Покоряют просторы вселенной,
Валят лес и ведут поезда
Вместе с нами герои Арсены.
И я верю: так будет всегда!

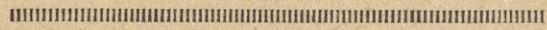
Перевод Александра РАДКОВСКОГО

04935321
3080090933

ГРУЗИНСКОМУ советскому писателю **Элиза-ру** Константиновичу Зедгинидзе исполнилось 70 лет. Он пришел в грузинскую литературу полвека назад и с тех пор без устали служит ей. Он пишет о героическом революционном прошлом Грузии, о Великой Отечественной войне, участником которой был, о жизни колхозников, рабочих, деятелей науки и культуры, о нравах старого Тбилиси. На страницах его произведений идет взволнованный разговор о морально-этических и нравственных проблемах современного советского общества. И чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать рассказы «Серебряный пояс», «Золотая монета», «Под дальним небом», «Жизнь — борьба», «Окно на третьем этаже», «Счастье», романы «Перед восходом солнца», «Горы пробуждаются», «Незабываемое лето», «Весеннее половодье». Плодотворно работает Элишбар Зедгинидзе и в области детской литературы. Сейчас писатель

работает над романом «Страна без господ». Произведения Элишбара Зедгинидзе изданы на русском языке и языках братских народов СССР. Редакция журнала «Литературная Грузия» поздравляет писателя с семидесятилетием и желает ему крепкого здоровья, бодрости духа и больших творческих успехов.

Элишбар ЗЕДГИНИДЗЕ

Весеннее половодье

●
Р о м а н
●

— Ну, мама, — объявил Гигла, — завтра я и Мзия улетаем в Волгоград! Утро следующего дня застало молодых людей уже в самолете: Гигла устроился у окна, Мзия сидела рядом с братом. Послышался гул — заработали моторы, и самолет двинулся с места. Гигла ободряюще пожал руку сестры:

— Ну как, дрожишь?

— Нет.

Мзия прильнула к стеклу.

— Гляди, сестренка, Казбек и Эльбрус встали, чтобы встретить нас.

— И меня тоже? — улыбнулась Мзия.

— Разумеется, тебя-то в первую очередь.

— Какая красота! А вон там, что это — горы или облака?

— Где?

— Да вон же, вон, видишь? Белые.

— Это облака. А ведь и в самом деле похожи на горы.

— Очень уж непривычно, даже как-то странно...

Окончание. Начало в №№ 9, 11.

— А ты знаешь, на какой высоте мы сейчас летим?
— Пусть на самой большой — чем выше, тем лучше!
— Наш самолет, — раздался голос бортпроводницы, — идет на высоте девять тысяч метров, скорость — девятьсот километров в час.
Мзия повернулась к брату.
— Гигла, наклонись ко мне.
— Это зачем?
— Я хочу тебе что-то сказать, — и, притянув к себе Гиглу, она прочла полупешотом:

Да, жить хочу и я!..
Услышь, моя земля, — ведь мне понятен спор
Ручьев, бегущих с гор.
Люблю я трепет звезд и серебро вершин.
Услышь меня, сверши!..
Чтоб вечно видел я простор и свет земной,
Чтоб не был слеп и глух,
Чтоб наполнял мне слух
Хор ласточек весной.

— Как ты умудрилась запомнить? — изумился Гигла. — Ведь с тех пор прошло столько времени!..
— Не знаю... Как-то само собой заломнилось.
— Так-таки само собой?
— Понравилось, вот и запомнила.
— А ты сказала тогда, что стихи плохие. Забыла?
— Нет, не забыла... Но я ошиблась, не поняла. Мне, правда, очень нравятся!..
— Смотри, никому ни полслова!..
— Не бойся, я сохранию твою тайну.
Они умолкли.
— Идем на посадку, пристегните ремни, — предупредила бортпроводница.

* * *

И вот они в Волгограде. Гигла стал вдруг сумрачным, его обычной веселости как не бывало. Устроившись в гостинице и немного отдохнув, брат с сестрой отправились осматривать город. В парке Победы их внимание привлекли фонтан «Искусство» и памятник героям — защитникам Царицына. Видели они и обугленные развалины мельницы и дома Павлова. Два эти здания, опаленные дыханием войны, выглядели особенно удручающе в заново отстроенном, цветущем Волгограде.

Мзия любовалась ухודившим, казалось, в бесконечность проспектом Ленина, его многоэтажными, сияющими белизной домами, где по фасадам лепились балконы и горели на солнце стекла дверей и окон: взгляд ее радовал протянувшийся вдоль улицы бульвар, весь в пышной зелени каштанов, кленов, тополей, акаций и серебристых елей. Гигла, который тоже был здесь в первый раз, полностью разделял восхищение сестры, но был сдержаннее в проявлении своих чувств. За последние месяцы ему пришлось летать во многие города. И все же Волгоград не походил ни на один из них, им нельзя было не восторгаться, этим городом, возродившимся из пепла за какие-нибудь десять лет.

В аллее Героев Гигла и Мзия остановились возле братской могилы, где горит Вечный огонь. Они подошли как раз в тот момент, когда девушка-экскурсовод говорила о тех, кто отдал жизнь, защищая Сталинград. Ее слушали в скорбном молчании. Мужчины обнажили головы перед Вечным огнем. Даже дети притихли.

Тут зазвучала торжественная музыка. Казалось, она вырвалась вместе с языками негасимого пламени из глубин земли, донося до живых голоса ушедших навек — их стоны и проклятия, мольбы о жизни, грозные напоминания о минувшем.

Кто-то не выдержал и зарыдал. Седая, вся в черном, женщина молча вытирала слезы — видно, мать пришла сюда поклониться праху сына. Отставной военный в офицерском кителе наклонился и бережно положил к подножью братской могилы цветы. Выпрямившись и опустив голову, он пристально глядел на колеблющиеся языки огня, отблески которого скользили по его лицу.

Девушка предложила всем подойти к тополи, что рос прямо на дороге, посредине тротуара.

— Неподалеку от этого дерева, — сказала она, — похоронен испанец, сын Долорес Ибаррури — Рубен Руис Ибаррури, павший смертью храбрых,

обороня Сталинград. В тот день, когда его смертельно ранили, весь город был охвачен огнем и пылал, как огромный костер, отблески которого достигали горизонта. Мать Рубена привезла на похороны сына букет красных гвоздик. «Он так любил эти цветы», — сказала она.

Мзия не отрывала взгляда от могилы героя, осыпанной красными гвоздиками, — они алены на мраморе, как кровь, сочащаяся из раны.

— Когда Рубена опустили в могилу, мать обняла дерево и сказала: «Этот тополь был боевым товарищем моего сына, теперь он будет его стражем», — закончила девушка. Немного помолчав, она предложила: — А теперь пойдете к Мамаеву кургану.

Экскурсанты направились к стоявшему поодаль автобусу. Мзия догнала девушку.

— Можно и нам с вами?

— А сколько вас?

Мзия показала на брата — он все еще стоял к ним спиной, пристально глядя на тополь.

Девушка на какой-то миг задумалась — видно было, что она собирается отказать; ведь эти двое не входили в ее группу. Но тут, очень кстати, вмешался мужчина в кителе, положивший цветы на братскую могилу.

— Возьмите их, пусть поедут. Ведь в машине есть свободные места.

Когда все уселись, оказалось, что Мзие досталось место рядом с майором.

— Можно узнать, откуда вы, из каких краев? — поинтересовался ее сосед.

— Из Тбилиси.

— А этот молодой человек, он кем вам приходится?

— Мой брат.

— И что же вы делаете в Волгограде?

— Здесь погиб наш отец...

— Вот как... Понятно, — он умолк, видимо, считая дальнейшие расспросы излишними.

Мзия тоже молчала. Прямая, как стрела, асфальтированная дорога бесконечной серой лентой втягивалась под колеса мчащейся машины.

— Как вас зовут? — снова заговорил майор.

— Мзия.

— Первый раз слышу такое имя. И что же оно значит?

— ...Ничего особенного, просто солнышко. — Сказав это, Мзия вся вспыхнула, словно чувствовала себя виноватой, что у нее такое имя.

— Вот оно что! Но это же чудесно!..

— О чем он тебя спрашивал? — спросил Гигла сестру по-грузински. Сев в автобус, он глубоко задумался и не слышал их разговора.

— Так, пустяки... Спросил, откуда я, как меня зовут.

— Отчего же ты краснеешь, как кумач?

— Не знаю. Я ведь не нарочно!

— А он откуда — не сказал тебе?

— Скажите, пожалуйста, — преодолевая застенчивость, спросила Мзия майора, — а откуда вы сами?

— О, я из очень дальних краев, — добродушно улыбаясь, ответил майор. — До моего города будет с добрый десяток тысяч километров. И все-таки я приезжаю сюда каждый год в отпуск: восемнадцать дней — в дороге, восемь — здесь. Не могу иначе.

— И где же он — этот далекий город?

— Про Комсомольск-на-Амуре слышали?

— Разумеется!.. — Немного помедлив, Мзия спросила: — Почему вы считаете обязательным для себя приезжать сюда из такой дали?

— Именно — обязательным! Я здесь воевал, потерял здесь лучших своих друзей. Если бы вы только знали, сколько тяжелых воспоминаний связано у меня с этим местом, чего я здесь навидался и что пережил!..

Майор говорил с такой горячностью, что Мзия невольно прониклась его чувствами. Она с интересом вглядывалась в своего соседа — какое печальное и доброе лицо! Полный, округлый подбородок майора придавал ему добродушный вид и даже красил его. Левая щека хранила следы ожога, расплывавшегося до самого глаза, который щурился и был меньше правого.

Мзия застенчиво спросила:

— Простите, как вас зовут?

— Борисом Николаевичем, фамилия — Савельев. Но все это очень уж официально. Зовите меня просто дядя Боря.

— Хорошо, если вы разрешите... Дядя Боря, — осмелела девушка, — не оставляйте нас с братом, нам бы хотелось осмотреть город вместе с вами. Можно?

— Разумеется! А скажите, как зовут вашего брата?

— Гигла. Это уменьшительное от Георгий.

Машина остановилась — слева открылся Мамаев курган.

Мзия высунулась в окно:

— Приехали?

— Да, — подтвердил майор.

Когда экскурсанты вышли из автобуса, перед ними раскинулась впечатляющая картина: в память о победе над фашистскими полчищами на Мамаевом кургане воздвигнут монумент-панорама — гигантский архитектурно-строительный ансамбль. Центральная его фигура — Мать-родина — женщина, поднявшая меч. Ее видно далеко-далеко, не только из-за Волги, но и со всех бесчисленных дорог, изрезавших степь. Возносящаяся в небо Мать-родина — кульминация ансамбля. А его начало, так сказать, прелюдия, разворачивается внизу, еще на проспекте Ленина.

Майор подвел своих новых знакомых к барельефам, высеченным в золотистой толще скалы. Люди различных национальностей — мужчины, женщины, старики и дети — скорбной вереницей, с цветами в руках, поднимаются по склону кургана к братской могиле, чтобы почтить память павших в боях. И брат с сестрой и майор, тоже с цветами в руках и полные скорби, словно включились в эту печальную вереницу. Мзия и Гигла искали на барельефах своих сородичей и увидели с радостью — вот старик в чохе, а вот тоненькая девушка; у нее длинные косы и выгнутые, наподобие лука, брови.

— Смотрите-ка, — Борис Николаевич, улыбаясь, оглянулся на Мзию, — да это, никак, вы?!

— Нет, нет, что вы, я совсем на нее не похожа! — Мзия страшно смутилась — девушка на барельефе была такая красавица!

Остались позади аллея серебристых елей и лестница с ее широкими, низкими ступенями; далее экскурсанты миновали площадь Стоявших насмерть. У Мзии захватило дух, когда она увидела высеченного прямо в скале голиафа-бойца. Широкоплечий и широкогрудый с литыми мускулами, он держал в одной руке автомат, а в другой — гранату. Родная земля влила в него могучую силу, и она же призвала его стоять насмерть.

И снова лестница, аллеи, площади, утопающие в зелени.

— Пойдем же, Мзия! — окликнул засмотревшуюся сестру Гигла.

На этот раз лестница привела их в почерневшие, покрытые копотью развалины. Созданные по воле художника, они казались перенесенными сюда прямо из пекла боя — словно только что из-за этих полуразрушенных стен стреляли бойцы; казалось даже — запах пороха стоит в воздухе. Мзия читала как бы нацарапанные штыком боевые призывы: «Только вперед!», «На шею — автомат, в руке — граната, в сердце — мужество!», «Только смерть может сломить нас!».

Отсюда экскурсанты отправились на площадь Героев. Когда они шли вверх по лестнице, Мзия заметила, что Борис Николаевич с трудом поднимает ногу со ступеньки на ступеньку. Он был хром, теперь это бросалось в глаза. Девушка с сочувствием следила за его усилиями, и сердце ее наполнялось жалостью.

Долго не уходили они с площади, и Мзия окончательно расстроилась: тут она впервые увидела в художественных, впечатляющих образах, сколько страданий и горя приносит людям война. Никогда еще не доводилось ей почувствовать это с такой остротой.

— Взгляните, — Борис Николаевич указал вверх, — это символ Матери-родины. Когда на нас напал вероломный враг, она встала во весь рост и, защищаясь, грозно подняла меч. Вы знаете, немцы у себя в Берлине тоже поставили монумент, и там тоже статуя женщины символизирует собою мать-родину, но только меч в ее руке опущен в знак того, что больше она не хочет идти в бой, не желает войны!

Мзия устала, но, когда она попробовала опереться на правую руку майора, то невольно вздрогнула и побледнела — не живую плоть ощутила она локтем, а мертвый, жесткий протез. До сих пор свободный рукав плаща скрывал его. Значит, этот человек с обожженным лицом потерял не только ногу, но и руку, и кто знает, сколько еще отметин оставила на его теле война?!

Наконец они начали спускаться вниз. Гиглу и Мзию, шедших рядом с майором, можно было принять за его детей. А сам он, несмотря на увечье, держался прямо, голову нес высоко, гордо. Глаза его были устремлены вдаль, на Волгу, но едва ли он видел ее такой, какой она была сейчас, — широко и плавно катившей свои воды в спокойных берегах.

Вдруг Борис Николаевич остановился и, обернувшись, сказал:

— Мы жестоко бились на этом кургане за каждый клочок земли... Кто знает, сколько раз один какой-нибудь окоп переходил из рук в руки!..

Гигла воспользовался случаем и спросил:

— Борис Николаевич, а не случилось вам воевать вместе с грузинами?

— Как же, случалось, я встречал много солдат-закавказцев. Всех фамилий сейчас не помню, но людей, с которыми дружил, не забыл, конечно.

Они медленно спускались по лестнице, и Мзия с Гиглой старались незаметно помочь Борису Николаевичу — брат с сестрой видели, каких усилий стоило ему каждое движение.

— А сейчас, — предупредил майор, — мы посетим зал Воинской славы. Как знать, может быть, вы прочтете на его стенах и свою фамилию.

Несмотря на многолюдье, здесь царил гулкая тишина — все двигались бесшумно, как тени. Снизу к сверкающему золотом и серебром легкому куполу устремлялась рука, поднимавшая факел с Вечным огнем. Имена павших в боях за Сталинград, высеченные в белом, твердом, как кремль, камне, покрывали стены.

— Здесь увековечена память десяти тысяч героев! — сказал Борис Николаевич. — И среди них — сыновья и дочери всех наших республик.

Все трое, не торопясь, двигались по балконам, спирально опоясывавшим зал, внимательно вчитываясь в незнакомые фамилии — зал Воинской славы открыли недавно, и Борис Николаевич, так же как и его спутники, был здесь впервые. Майор искал среди других имена погибших друзей. Гигла и Мзия, охваченные лихорадочным волнением, каждую минуту ждали, что увидят свою фамилию — фамилию отца. Беспредельное волнение охватывало молодых людей каждый раз, когда их глаза из бесконечного перечня, выхватывали фамилию, оканчивавшуюся на «дзе», «швили» или на «на», даже хотя бы только на «и» или «а». Но в тот день они так и не успели прочесть всех имен — Борис Николаевич и Мзия устали.

— Вам куда? — спросил майор.

Мзии, которая успела привязаться к новому знакомому, очень не хотелось с ним расставаться. Но тут выяснилось, что Борис Николаевич живет в той же гостинице, где остановились брат с сестрой, только этажом ниже.

Они пригласили его к себе в номер. Майору было приятно общество молодых людей, и он с удовольствием согласился. Усадив гостя в кресло, Гигла позвонил в ресторан и вызвал официанта.

Все примолкли — словно подкарауливали тот миг, когда душа сама открывается навстречу дружескому участию. Борис Николаевич готов был начать первым, но что-то удерживало его...

— Так вы говорите, что ваш отец воевал здесь? — спросил он наконец.

— Да, — подтвердила Мзия. — И у нас сохранились его письма, посланные отсюда.

— Отсюда пришло и извещение о его гибели, — добавил Гигла. — Он служил в 22-й армии — сержант Шалва Тадиашвили. Вы не встречали такого?

Майор задумался.

— Как вы сказали? — он неуверенно повторил: — Шал-ба?

— Нет, Шалва.

— Ах, да, Шал-ва... Совсем легко выговаривается.

Вернулся официант и накрыл стол.

— А ведь мы забыли заказать вино! — вдруг вспомнил Борис Николаевич.

— И не надо, — возразил Гигла, — у меня есть, я привез из Тбилиси.

— Вот как?!

— Ну да. Вам — вина или водки?

— Лучше водки.

Гигла достал из шкафа и поставил на стол бутылку.

— Это меня снабдил дед.

Борис Николаевич выпил рюмку водки.

— Ого, какая сердитая!..

— Это — чача.

— Как, как?

— Чача. Чистая виноградная водка.

Мужчины проголодались — еще бы, целый день провели на воздухе! — и ели с большим аппетитом. Только Мзия клевала, как воробей, тыкая вилкой в подрумяненный, нарезанный мелкой стружкой картофель.

Борис Николаевич опрокинул вторую рюмку. Гигла, чтобы не обидеть гостя, выпил вместе с ним. Майор взглянул на Мзию.

— Солнышко, — неожиданно сказал он ей, — если бы ты только знала, как мне тяжело смотреть на тебя, как тяжело!..

— Что вы говорите, дядя Боря? Почему?

— Раны мои давно зажили, и ничего теперь у меня не болит, — снова заговорил он. — Только вот двигаться мне трудно. Но это — пустяки. Другая беда гложет меня и не дает покоя — я потерял жену и дочь. До войны мы жили здесь, в этом городе. Дочурку звали Зоей, но мы всегда обращались к ней: «Солнышко!» — она поистине и была нашим солнцем, нашей радостью. Но разразилась война, и все перевернулось вверх дном. Начались бомбежки, из города потянулись эшелоны с женщинами, детьми и стариками. Оставались только те, кто мог носить оружие. Отправили и моих — жену и дочь — куда-то за Волгу... Не знаю, как и на чем — пароходом или машиной, не знаю, куда они поехали, не знаю, где пропали, ничего не знаю... После войны я долго и упорно искал их, но даже на след не сумел напасть. Был, кстати, и в ваших краях, но тоже напрасно. Сгинула моя Зоя, мое Солнышко.

«Так вот почему он смотрит на меня с такой любовью и так ласков со мной», — думала Мзия, и слезы жгли ей глаза.

— Я не мог больше здесь жить и уехал далеко-далеко, на другой конец земли — на Амур, — продолжал Борис Николаевич. — Сюда я приезжаю раз в год — навещаю знакомые места. Впрочем, от прежнего ничего уже не осталось... Разве только Волга, земля да небо... Остальное все стorerело, испепелилось в один день... Тогда мы поклялись, что врагу не удастся завладеть не только развалинами, но даже прахом и пеплом Сталинграда! И мы выстояли — фундаментом нашей победы были предшествующие годы, наше прошлое... Помните — прошлое должно не тянуть назад, а помогать строить настоящее и будущее.

— Савл — грузинское имя? — спросил, помолчав, майор.

— Не думаю. Но иногда и у нас встречается. А что?

— Был в нашей части солдат, которого звали Савлом. Мы его называли иногда по имени, а чаще — Швили; сократили фамилию, очень уж она была длинная. И что ему, бывало, не скажешь: «Швили, надо подавить огневую точку», «Стреляй, Швили, стреляй!», «Готовь гранаты, впереди фашистский танк!» — он всегда наготове. Все смеялся и говорил, что он из страны тигров и бояться кошек ему не пристало. Вот послушайте, я вам расскажу один случай. Вы видели обгорелое пятиэтажное здание бывшей мельницы? Ну, вот. Там засели немцы, а мы должны были, забросав гранатами, выбить их оттуда. Когда стали вызывать добровольцев, Швили первым откликнулся, первым ворвался в полуразрушенный подъезд. Он с группой добровольцев сумел проникнуть внутрь здания. После ожесточенной схватки немцев удалось загнать на верхний этаж, откуда они в панике начали выбрасываться вниз, прямо на мостовую. Не менее героически вел он себя и на Мамаевом кургане. Надо было зайти в тыл к немцам. И опять первым вызвался Швили. Помню, когда на кургане снова взвилось наше красное знамя, я спросил: «Ну, как, Швили, дела? Все в порядке?». И он сказал своим обычным голосом: «Полный порядок, товарищ майор».

Тут Борис Николаевич заметил, что Мзия вытирает слезы.

— Не плачь, не надо, — ласково сказал он. — Теперь это все уже в прошлом. И слез в свое время было пролито немало. Все те слезы давно выплаканы...

— А я тогда не плакала, — вспыхнула Мзия, — я теперь только...

Наконец Борис Николаевич собрался уходить.

— Давайте-ка пойдем вечером на берег Волги, — предложил он. — Не хочется мне с вами расставаться. — Он помахал им рукой и вышел, тяжело припадая на протез.

«Кто же был этот Швили? — думал Гигла. — А вдруг Тадиашвили?.. Но тогда почему Савл? Может, трудно было выговорить «Шалва» и отца стали звать «Савлом?»

* * *

Борис Николаевич сидел на скамейке в аллее Героев и смотрел на гуляющих. Он издали заметил Гиглу и Мзию, сразу же встал и, улыбаясь, пошел им навстречу.

— Эта аллея выведет нас прямо к Волге. Ах, Волга, Волга, сколько воспоминаний связано у меня с этой рекой!

— Хороших или плохих? — спросила Мзия.

— Плохих не перечесть. А в детстве и в юности хорошо было... — задумчиво ответил майор. Он усмехнулся, покачал головой. — Когда-то я мечтал быть милиционером, потом подростком малость и заявил, что буду моряком. Я и летчиком собирался стать, а в конце концов выбрал профессию, о которой прежде никогда и не думал.

— Какую же?

— Я — инженер. Только и трех лет не успел проработать — началась война. Ну, а потом... Сами видите, какой я нынче работник! Да, по правде ска-

зять, и душа к этому делу не лежала. Я уже говорил, что оставаться здесь было просто не в силах, перебрался как можно дальше и работаю теперь в рыболовецкой артели. Думаю на Амуре и век свой доживать. Да что это я все [о себе] Интересно послушать, что скажете вы — добились вы в жизни, чего хотели?

— Нет, пока еще цели своей не достиг. Как-то у меня все не ладится, — Гигла развел руками. — Я и мастером был, и работал инженером-технологом. Теперь вот стал летчиком. Но уж если говорить правду, и это меня не удовлетворяет.

— А что же вам по душе? — спросил Борис Николаевич. — Чего бы вы хотели?

— Я кончил летную школу не для того, чтобы летать из города в город... Я мечтаю о других планетах, хочу пилотировать корабли, — вот такие, что поднимали Гагарина и Леонова в космос. Один раз уже написал письмо — просил принять меня в группу подготовки космонавтов... Мне отказали. Но тогда я еще не был летчиком. Теперь снова отправил заявление и жду... Не теряю надежды, думаю — может, меня все же возьмут?..

Борис Николаевич замедлил шаг и внимательно посмотрел на Гиглу.

— Это мне нравится. Не отступайте, будьте настойчивым и смелым. Но не отчаивайтесь, если снова получите отказ. Не слишком увлекайтесь, не сосредотачивайтесь целиком на одной мечте. Надо твердо стоять на земле, не отрывать от действительности. Мечтайте, но и трудитесь — мечта о великом и может быть, недостижимом не должна стать преградой на пути требований, выдвигаемых жизнью. И если вы любите свой народ и свою страну, если хотите ей блага, то знайте: велик или мал станок, на котором вы работаете, он — часть гигантской машины, преобразующей нашу жизнь, и, трудясь честно и с душой в любой области, вы вносите свой посильный вклад в общее дело, способствуете процветанию Родины.

Слова Бориса Николаевича заставили задуматься — он вспомнил Тбилиси, цех, где из машин текут бесконечные полосы тканей; он, словно воочию, увидел свою мать, надеющуюся на сына и мечтающую о его счастье; вспомнились ему родная деревня, бабушка и дед Тариман, почти восемьдесят лет своей жизни отдавший земле, и, наконец, вазисубанская Тина и Алазани... Алазани, что похитил свою любимую... Гигла дал девушке понять, в чем смысл рассказанной им легенды. Ведь не впустую же он все это говорил, теперь Тина ждет его... Да, да, разумеется, ждет!

Гигла шел, как во сне, машинально переставляя ноги со ступеньки на ступеньку.

— Может быть, я вас обидел чем-нибудь? — спросил Борис Николаевич. — Почему вы молчите?

— Простите! — опомнился Гигла. — Нет, нет, наоборот, я вам очень благодарен! Вы правы — нельзя отрывать от земли, и мечта не должна уводить от жизни. Я понял, Борис Николаевич, понял!.. А что, если мы проедемся на пароходе? — вдруг предложил он. — Ведь сейчас мир, и бомбы нам не угрожают. Отчего не прокатиться?

— Да, — задумчиво повторил майор, — сейчас мир...

Они подошли к пристани, где у причала стоял пароход «Орел». Гигла побежал за билетами.

— Вам, наверно, скучно с нами, Мзия? — спросил Борис Николаевич. — Очень уж мы с Гиглой заговорились. Ну, ничего, мы свою ошибку исправим, — пообещал он.

Вернулся Гигла.

— Мы прокатимся до Волго-Дона и обратно, — сообщил он Мзие.

— И увидим канал?

— Обязательно. И маяк, что стоит у его входа.

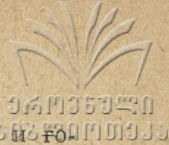
Пароход отчалил. Погода стояла на редкость ясная и безветренная, ни единой морщинки не было на атласной поверхности воды. Казалось, пароход был неподвижен, а берега скользили мимо.

Из угла, где сгрудилась молодежь, донеслась песня. Голос запевал, чистый и свободный, выводил с чувством:

Здесь мой причал
И здесь мои друзья,
Все, без чего
На свете жить нельзя...

И хор, оттеняя его, тут же подхватывал дружно и слаженно:

Издалека долго
Течет река Волга,

Майор слушал затаив дыхание. Он улыбался. Были в этой улыбке и радость, и радость, как и в навеянных песней воспоминаниях о прошлом, о годах, прожитых здесь, на Волге.

Гигла и Мзия тоже заслушались. Эти незнакомые им ребята, видимо, очень любили Волгу, потому и пели о ней так задушевно. В сердце Гиглы пробуждался сочувственный отклик — разве сам он не любит Куру? Пусть у каждого будут свои любовь, радость и счастье! Пусть немцы любят Рейн и Эльбу, французы — Сену и Луару, англичане — Темзу, итальянцы — По. «А у нас есть Мтквари — наша Кура и наш Риони!» — думал он.

«Орел» подошел к створу Волго-Донского канала и, развернувшись, двинулся в обратный путь.

Всем троем подумалось, что к пристани причалили слишком скоро — так не хотелось выходить! Плыть бы и плыть на этом мирном судне в мирную ночь по мирной реке, следить, как убегают вдаль берега, прислушиваться к ласковому лепету волн и видеть, как в безмятежно-ясном небе рождаются звезды.

* * *

Самолет, на котором Мзия с Гиглой возвращались домой, совершил вынужденную посадку в Сухумском аэропорту, Гигла задержался у дверей, глядя на подходивших попутчиков. Вот по трапу взбежали два мальчика. Младший особенно торопился, видимо, радуясь предстоящему полету. Вслед за ними поднялась молодая женщина.

— Разрешите пройти, — кладя билеты в сумочку, обратилась она к Гигле, который, пропустив детей, преградил ей дорогу.

— Взгляните на меня, тогда пропущу.

Знакомый, очень знакомый голос — но чей? Молодая женщина подняла глаза — голубые, ясные глаза.

«Гигла!..», «Тина!..» — вырвалось у обоих, как когда-то в школьные годы.

На мгновение Тина смутилась, словно даже испугалась, но ее смущение тут же рассеялось.

Обменявшись рукопожатиями, они украдкой оглядели друг друга, и оба остались довольны — протекшие годы не так уж сильно их изменили. Забеспокоившись о детях, Тина поторопилась войти внутрь самолета.

Гигла последовал за ней.

— Уж не ты ли ведешь самолет? — спросила Тина. Она сразу заметила, что на нем форма летчика.

— Нет, я такой же пассажир, как и ты.

— Летишь один?

— Нет, с сестрой. Вот она. Ты когда-то ее видела, но едва ли помнишь. Знакомьтесь!

Тина, ласково улыбаясь, протянула Мзие руку и повернулась к Гигле.

— Я и представления не имела, что у тебя такая славная сестра!

— Я держал это в тайне, — пошутил он. — А те двое — твои мальчики?

— Да.

— Мзия, садись-ка с ними, — сказал Гигла. — Тебе так будет даже веселей. Ты детей любишь... А я сяду с Тиной. Нам о многом надо поговорить, пожалуй, до самого Тбилиси хватит.

Мзия улыбнулась и села рядом с Резо. Гоги сидел отдельно. Выражение лица у него было очень серьезное. Он бережно держал футляр со скрипкой, боясь, как бы не выронить его при неожиданном толчке...

— Значит, ты стал летчиком? — спросила Тина, помолчав.

— Как видишь.

— Давно?

— Несколько месяцев, как окончил школу. Сейчас я в отпуске.

Самолет побежал по взлетной дорожке. Пока он набирал высоту, Тина с Гиглой молчали. Первым начал Гигла:

— Тина, помнишь наши детские годы?

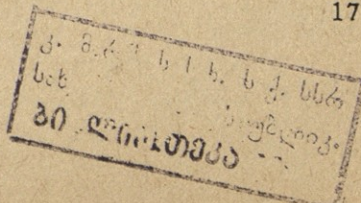
— Детство не забывается.

— А помнишь, как в ботаническом саду во время дождя я заставил тебя надеть мою куртку. Тебе в ней было тепло...

— Это что, попрек? — шутливо отозвалась Тина.

— Нет... Мне и сейчас радостно вспомнить об этом. Ведь правда, ты надела тогда мою куртку. И не промокла, и тебе было тепло?

Тина молчала.

— Как же все это с тобой случилось? — тихо проговорил Гигла. — Неловко допытываться, но я просто не могу не спросить.

— Тяжело вспоминать об этом, — прошептала Тина и, немного подумав, продолжила: — Первый мой муж оказался чужим для меня человеком. Совершенно чужим. Я терпела... Хотела как-нибудь сохранить семью, но ничего не вышло — он сам сделал все возможное, чтобы ее разрушить. Мне тогда было больно, ему — нисколько. Я и теперь чуть ли не каждое утро просыпаюсь с мыслью об этом. Ради моего старшего, того, что сидит сейчас сзади, я могла многое вынести, но мой муж этого не понял — именно потому, что он был чужой...

— А во второй раз что произошло?

— Во второй?.. Во второй раз была виновата я. Тут я разрушала... Он тоже, но главным образом — я. А он был не плохой... даже на редкость хороший человек, как потом выяснилось. Я порвала с ним, и как раз из-за Гоги, из-за того же старшего сына.

— Теперь жалеешь?

— Да, жалею. Тебе первому говорю об этом. Ты меня знаешь с детства, ты поймешь... Иногда я думаю: было бы хорошо, если бы мы с Леваном помирились — ради моего младшенького.

— Да, это было бы лучше всего, — задумчиво сказал Гигла.

Тина промолчала, и он продолжал:

— Будь же благоразумна, хоть на этот раз, постарайся поступить правильно! Тина, я хочу сказать тебе... не сердись только, — ты мне дорога по-прежнему, как тогда, в юности. И я буду всегда любить тебя — ведь юность не забывается. У тебя, я вижу, славные дети, это уже счастье, но оно не полно. Сделай же усилие, постарайся — ведь все зависит от тебя самой. Пойми — в тебе говорит ложная гордость... А это не возвышает человека, наоборот!..

До самой посадки в Тбилиси, Тина и Гигла не сказали больше ни слова.

— Мама, кто это? — спросил Гоги.

— Мой школьный товарищ, — коротко ответила Тина.

— Он, по-моему, очень хороший человек, — сказал Гоги.

Тина, несколько удивившись, поглядела на сына.

Он ответил ей серьезным и искренним взглядом.

Дома Гиглу ожидал конверт с сургучной печатью. Вспыхнув от волнения, он вскрыл письмо и пробежал глазами несколько строчек, напечатанных на машинке. Лицо его сначала омрачилось, но потом он улынулся.

«Что ж, пусть так! — сказал он себе и заключил: — Я буду делать свое дело». Гигле вспомнился Борис Николаевич, все то, что он говорил о служении народу и Родине.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Мама!

— Ну, что?

— Мама, мне надо поговорить с тобой откровенно...

— Поговорить откровенно? Как это понимать? Значит, что-то кроется у тебя на душе, о чем я не знаю?

Вопрос прозвучал серьезно и тепло.

— Я хочу кое о чем попросить тебя.

— Ну, говори же, не тяни!.. — нетерпение чувствовалось в голосе матери. — Заставляешь меня зря беспокоиться...

— Ты сама понимаешь, мама, мне бы вовсе не хотелось тебя беспокоить. Но как быть? Если я это сделаю самовольно, боюсь — ты рассердишься.

Гоги, стоя у окна, искоса смотрел на мать, перед этим читавшую за столом какую-то книгу. Отложив книгу в сторону, Тина устремила на мальчика пристальный взгляд.

— Я хочу повидать отца.

Тина молчала. Она опять взяла книгу и сделала вид, что читает.

Подождав немного, Гоги заговорил снова.

— Ведь, как-никак, он мне отец. Не кто-нибудь посторонний, а отец. Он плохой человек, да? Так вот, я хочу его видеть, такого, какой он есть. Если он не идет нам навстречу, попробуем первыми протянуть ему руку. Если ты не хочешь, я сам это сделаю...

Ни одна черточка не дрогнула на лице Тины. Она сидела неподвижно, не разжимая губ.

— Не сердись, мама... Такой уж я, это не моя вина. Ты не должна обижаться. Почему ты молчишь? Если ты скажешь «нет», я выброшу это из головы. Ну, скажи «нет», скажи!..

Упрек и обида звучали в голосе мальчика.
— Можешь повидаться, я не против, — обычно теплый, бархатистый голос матери прозвучал жестко и отчужденно.

— Нет, нет, скажи это иначе! Скажи так, как если бы просто советовала мне.

— Можешь повидаться, — повторила Тина, однако на этот раз тон ее был иным.

У Гоги отлегло от сердца. Лицо его просветлело. Он вышел в другую комнату, и через несколько минут послышались звуки скрипки. Один и тот же пассаж повторился семь раз. Ласкающие, теплые звуки лились вольно и смело, все семь раз — одинаково.

Раскрытая книга лежала на столе перед Тиной, но молодая женщина не читала, она сидела, выпрямившись, высоко подняв голову, и вслушивалась в знакомую мелодию. Глубокое удовлетворение было написано на ее лице. О, как она любила Гоги, как гордилась им! Как старалась вырастить настоящим человеком своего первенца, не знавшего отцовской опеки и руководства, сызмала лишенного этого счастья.

В дверях появился Гоги.

— Ты довольна, мама?

— А ты сам?

— Пожалуй — да.

— Ну и я тоже.

— Мама, если ты разрешишь, я сегодня же пойду повидаться с отцом.

— Делай, как знаешь. Адрес — улица Платона, 17.

Гоги, помолчав, спросил:

— Как это случилось? Почему? Разве нельзя было помириться?

— Нельзя было... Никак нельзя.

Гоги смотрел на мать, ожидая, — не добавит ли она еще что-нибудь?

— Что ж, — медленно проговорила Тина, — спроси, почему он вовсе не интересовался тобой все эти годы. Скажи: вот взгляни, — я уже взрослый, а между тем мне нечего о тебе вспомнить. Ты мне не написал ни разу, больше того — даже не позаботился узнать, жив ли я. Иди, сын, разыскивай своего отца... Он тебя бросил, зато ты не захотел бросить его.

Гоги вышел из дому взбудораженный. Он шел и продолжал думать об отце — об отце и о матери. А все-таки, как это случилось? Кто был виноват? Мать ничего ведь не говорит в открытую...

Тина осталась наедине со своими безрадостными мыслями. Ее терзали сомнения. «Как это случилось, почему?» — спрашивает сын. Он не знает, сколько мучений пришлось ей вынести, — и все только из-за него, именно потому, что она была сумасшедшей матерью. Ведь он и не подозревает, что из-за этого разрушилась и вторая ее семья... Но всегда ли она правильно поступала? Надо ли было действовать так круто и в первом, и, особенно, во втором случае? Задавая себе теперь этот вопрос, Тина не находила ответа.

Резо пока еще мал, но и он вырастет, и он спросит мать: «Почему?». Тина ничего не утаит, скажет обоим, как было дело, — пусть сами решат, кто прав и кто виноват. Именно потому она и разрешила Гоги повидаться с отцом.

* * *

Гиви шел быстрым шагом, словно торопясь по неотложному делу. Он не оглядывался и никого не замечал. Некое решение засело у Гиви в мозгу, оно-то и подгоняло его. Он пересек площадь Маркса, стал переходить мост и остановился посередине его. Ухватившись за перила обеими руками, нагнувшись, он всматривался в мутные струи Куры.

Близился полдень, солнце палило вовсю, и прохожих было сравнительно мало. Никто не интересовался, почему человек стоит на мосту, опершись на перила, и не уходит. Жарко ведь, а от Куры тянет прохладой — одно удовольствие стоять так, подставляя лицо ветеру.

Гиви смотрел вниз, туда, где всему наступит конец. Всему — и страданию, и радости, и надеждам на будущее, и воспоминаниям. Оглядываясь он не хотел. Да и что бы он увидел? Что хорошего было у него в прошлом? И все же какой-то свет брезжил там, позади, поэтому Гиви предпочитал не оглядываться. А вдруг что-нибудь удержит его, заставит отказаться от принятого решения?

— Дядя! — послышался сзади мальчишеский голос.

Гиви повернул голову и уставился на окликнувшего его подростка. Что ему нужно?

Мальчик вздрогнул. Он и без того был смущен, обратившись неожиданно для себя самого к незнакомому человеку, а тут увидел вдруг лицо помещанного

с совершенно заплавленными глазами, едва различимыми меж воспаленных век.

— Скажите, пожалуйста, где улица Платона?

— Есть такая...

Ответ прозвучал отрывисто, нетерпеливо: отвяжись, мол, мне не до тебя.

— Налево или направо? Да вы не беспокойтесь, отсюда покажите.

Гиви пристально смотрел на мальчика. В голове мелькнула мысль: «Вот, пенадобился... могу указать дорогу...». И почему-то отлегло от сердца. Он глухо, со стоном вздохнул, словно сбросив с плеч непосильную ношу.

— Улица Платона? Мне ли ее не знать? Иди вон туда! — и пока мальчик глядел в указанном направлении, Гиви с каким-то неосознанным интересом всматривался в его лицо.

— Ты не здешний? — спросил он.

— Здешний... Только давно не был в Тбилиси. Меня увезли, когда я еще мало что смыслил.

— Кто увез?

— Мама. Здесь, на улице Платона, живет мой отец. Я хочу повидаться

с ним.

— Твой отец?

— Да.

— А кто он такой?

— Он инженер.

Гиви замолчал. Смутная догадка, похожая на предчувствие, вдруг превратилась в уверенность. Прислонившись спиной к перилам моста, в ужасном волнении, он взглядывался, пытался вспомнить...

Смущенный этим ищущим, пристальным взглядом, мальчик тоже молчал и не двигался с места. Так они смотрели друг на друга. Мальчик видел полу-безумное, отекавшее лицо, с преждевременными морщинками вокруг заплавленных глаз, с ключевой, спутанной бородой. А перед Гиви было светлое отроческое лицо во всем блеске чистой нетронутой юности — ясный, открытый лоб, голубые глаза под пышной волной волос — каштановых, с золотистым отливом.

— Как тебя... зовут? — с трудом выговорил наконец Гиви.

— Гоги... Георгий.

Гиви судорожно вцепился руками в перила моста у себя за спиной. Ему надо было как-нибудь удержать эти трясущиеся руки, чтобы они не потянулись к столь неожиданно обретенному сыну.

Мог ли он — жалкий, опустившийся, дошедший до крайнего унижения человек — сказать этому мальчику: «Я твой отец»? Ведь тот, пожалуй, и не поверит, оттолкнет его — бросится бежать со всех ног.

— Ладно, Гоги, пойдем, я покажу тебе, где эта улица. Пойдем, Гоги, пойдем! — ему приятно было называть сына по имени.

— Не беспокойтесь, я найду сам... Ну, зачем вам беспокоиться? — мальчику явно хотелось избавиться от него.

— Ничего... пойдем... — Гиви ускорил шаг, чтобы не отстать от сына, который шел все быстрее и быстрее.

Гоги был почти одного с ним роста, прекрасно сложен. Он шел ровным, размашистым шагом, выпрямившись и высоко держа голову.

— Вот улица Платона. Какой номер?

— Дом семнадцать.

— Так это вон там. Видишь тот дом?

— Большое спасибо! До свиданья.

Гоги исчез в подъезде. Пока он переходил улицу, отец глядел ему вслед. Он хорошо знал, что мальчик никого не застанет дома, — ключ от комнаты был здесь, у Гиви в кармане.

И в самом деле, через две-три минуты Гоги вышел на улицу. Увидев, что незнакомец стоит все на том же месте, он удивился и обрадовался.

Гиви подошел к нему.

— Нет никого? Что ж, Гоги, ступай домой, а завтра вечером приходи снова. Ты говоришь, твой отец инженер? Значит, он на работе. Ведь сегодня будний день, все работают. Как же ты рассчитывал застать его дома?

— Да, вы правы. Так я и сделаю. До свидания, спасибо! — и мальчик быстро зашагал прочь.

— Гоги!

Мальчик обернулся.

— Как твоя фамилия, Гоги?

— Джабадари.

— Так, так... — пробормотал Гиви. Нетрудно было понять, почему его сын носит фамилию Джабадари. Сердце у него сжалось от горькой обиды, но ничего не отразилось на помятом лице.

Когда Гоги скрылся, затерявшись в толпе на площади, Гиви, словно очнувшись, опять направился к мосту и медленно пошел по нему, держась одной рукой за перила, чтобы не шатало. Гиви чувствовал себя совершенно разбитым; к тому же он был голоден. По утрам кусок не лез ему в горло.

«Был сын, и того отняли... Что ж, это правильно! Надо было заботиться о сыне, трудиться ради него. Человеком надо быть...». А Гиви — кем он был, чем дышал? Жизнь прошла незаметно. А впрочем, так ли это? Ему сейчас под сорок. Можно еще начать жить заново — настоящей, разумной жизнью... Или поздно уже?

Медленно прошел Гиви мимо хинкальных — вежливо, очень вежливо, уступая дорогу встречным. Все они торопились, шли с очень деловым видом.

«Завтра придет Гоги... Гоги Джабадари. Он придет повидать меня. А вдруг бросит мне в лицо, что невелика честь иметь такого отца, что я, в сущности, и не был ему отцом?..».

Остановившись перед витриной хозяйственного магазина, Гиви рассеянно оглядел выставленные в ней предметы домашнего обихода.

«Есть в продаже оконные стекла», «Покупайте эмалевые краски» ...Скользнув по этим объявлениям рассеянным взглядом, Гиви вошел в лавку, в отдел, где продавались скляные товары. Взглянув мельком на подковки для башмаков, на болты и шурупы, он остановил взгляд на ящике с большими гвоздями. И, взглянув, уже не отводил глаз, присматриваясь, словно выбирая. Он и в самом деле выбирал.

— Эй, что вы делаете? Если каждый будет вот так, задаром, класть в карман по гвоздю, что из этого получится? — запротестовал продавец. — Отвечать-то ведь мне придется!

— Да ведь я взял всего лишь один... этот вот, — виновато отвечал Гиви. В его трясущихся пальцах был зажат крюк.

Продавец ничего не ответил, и Гиви почувствовал себя совсем уж неловко. Он продолжал держать крюк в протянутой руке.

— Сколько стоит?.. Я заплачу, — добавил он наконец и сунул руку в карман, словно собираясь вынуть деньги. Вид у него был жалкий, пристыженный.

— Ладно, бери, — махнул рукой продавец, — пусть пойдет тебе впрок.

— Спасибо! — тихо сказал Гиви и пошел к дверям.

«Пусть пойдет тебе впрок!.. Завтра я увижусь с Гоги... Гоги Джабадари... Пусть пойдет тебе впрок!..».

Тихо поднялся он по лестнице. В комнату к себе вошел крадучись, словно вор — в чужую квартиру. После того как его отец и мать переехали в другой район, Гиви совсем перестал общаться с соседями, которые открыто осуждали его. Он порвал с родителями по настоянию жены, однако Лили скоро сбежала, сумев оформить жироку на свое имя и мошенническим образом продать большую часть квартиры; Гиви остался в худшей из комнат, и к тому же, вход в нее был со двора. Тут он и жил, замкнувшись в своем одиночестве. Гиви сел, облокотился на стол, бессильно опустив голову на руку.

— Устал! — проговорил он вслух, хотя рядом не было никого, кто мог бы ему посочувствовать.

Гиви посидел несколько минут в молчании, не шевелясь. Потом вдруг встал, сунул руку в карман, вынул крюк и посмотрел на него долгим взглядом, словно сляясь вспомнить, для чего ему понадобилась эта вещь. Потом он спустился во двор за бульжником, а вернувшись к себе, влез на стул и принялся вбивать крюк в стену. Он делал это старательно, с осторожностью, боясь согнуть крюк — ведь другого-то не было. Схватившись обеими руками, он повис на нем, а потом спрыгнул на пол.

— Устал! — вздохнул он еще раз.

«От чего? — спросил кто-то невидимый, притаившийся в глубине его существа, и сам же ответил: — От бессмысленного шатания, от пустой, рассеянной жизни». Гиви казалось — он явственно слышит, как тот же голос твердит ему: «Хватит... Кончай... Отдохни...».

— Отдохну! — словно отвечая кому-то, громко сказал Гиви.

Он подошел к окну. Отсюда был виден только двор — маленький, узкий и сейчас совсем безлюдный.

Смеркалось. Гиви одолевала дремота. Он сел, облокотившись на подоконник, но, услышав собственное дыхание, почему-то испугался и вскочил. Он стоял немного, потом подошел к кровати и лег лицом к стене. Чувство блаженного покоя разлилось по всему его телу...

12035700
318-111033

Он спал всего несколько минут, но успел испытать и огромное счастье и сильное разочарование.

«Ничего, — попытался он утешить себя, — завтра... Завтра Гоги придет — наяву, не во сне... Я ему прямо скажу, что я — его отец. Надо только подождать, вытерпеть. Неужели же не вытерплю до завтра... до завтрашнего вечера? Непременно вытерплю».

— Да, буду дома, встречу тебя здесь!.. — Гиви сказал это вслух. Он встал и опять подошел к окну. На подоконнике лежал осколок зеркала. Гиви взял его и посмотрел. «Неужели это я?! Как же я, вот такой, покажусь сыну? Что же делать?..».

Ужасная слабость охватила Гиви. До сих пор он не знал, что такое одиночество, не понимал, как это страшно: вокруг люди, множество людей, и все же ты один как перст.

Ему захотелось крикнуть, но из груди вырвался только тяжелый вздох. Он сбежал вниз по лестнице и решительно зашагал по улице. Переходя через мост, Гиви подошел к перилам и посмотрел вниз, на Куру.

«Вот тут он подошел ко мне. «Где улица Платона?.. Вы не беспокойтесь, я сам найду». Да, на этом вот месте окликнул меня Гоги... мой сын».

Гиви смотрел на реку. Она текла все так же — спокойно, неторопливо, даря свою благодать всему окружающему, несла и несла свои воды куда-то вдаль.

Вспомнив о том, что завтрашнее утро скоро настанет, Гиви улыбнулся.

Весь Тбилиси сверкал огнями электрических ламп и фонарей. Они сияли и там, внизу, в зеркале полноводной Куры. Город, как гигантский корабль, плыл среди светлой летней ночи навстречу заре.

Гиви миновал аптеку и свернул направо, в узкую и короткую улочку. Вот и его дом. Как ни странно, после этого долгого, беспокойного дня Гиви хотя и чувствовал сильную усталость, но ему было хорошо. Он чего-то страстно желал, какая-то надежда теплилась в сердце, и радость переполняла его.

Он живо поднялся по лестнице, открыл дверь и осторожно, на ощупь, вошел в неосвещенную комнату. Он почувствовал затхлость воздуха, духоту, которой обычно не замечал, и брезгливо поморщился. Оставив дверь открытой, чтобы комнату просквозило, он зажег свет.

Гиви бросился в глаза вбитый в стену крюк, и он почувствовал омерзение. Он поднялся на стул и принялся раскачивать крюк, чтобы выдернуть его, но тот не поддавался. Тогда Гиви спрыгнул, взял со стола булыжник и, опять вскочив на стул, принялся бить изо всех сил. Раз... два... три... Он бил, не целясь, но ни разу не промахнулся. Он заколачивал крюк до тех пор, пока не вогнал его целиком в стену.

Утром, зайдя в закусочную, Гиви потребовал десяток хинкали и, поколебавшись, — рюмку водки. Он с удовольствием принялся за хинкали, а рюмка стояла перед ним нетронутой. Вот все уже съедено, а рюмка по-прежнему полна.

Гиви взялся было за рюмку, но тут же отдернул руку, словно обжегся. Так и оставил он ее на столе и решительно шагнул к двери.

Неподалеку была парикмахерская. Гиви, подумав, вошел и сел в ожидании своей очереди. Его побрили, подстригли, умело подправили усы. Из парикмахерской он пошел в баню, купив по дороге белую сорочку и смену белья. Через час Гиви вышел из бани словно переродившись, его нельзя было узнать.

Потом он пошел на базар и купил черешни. Ему захотелось арбуза, который он предпочитал всем другим фруктам. Но арбузов на базаре не оказалось. Гиви сначала удивился, но потом сообразил, что, по-видимому, сезон для них еще не наступил. Он не знал, какой теперь месяц. В последнее время его и это не интересовало.

Подойдя к газетному киоску, Гиви взял без разбора целую пачку газет — русских, грузинских, даже прихватил немецкую. На одной из них он прочел: «Воскресенье, 20 мая».

— Май... — пробормотал он, удивившись.

Потом Гиви накупил еще много чего: сыру, свежего грузинского хлеба, лимонаду и, нагруженный покупками, на такси поехал домой. Забот у него было множество, и это доставляло ему радость.

В буфете скатерти не оказалось — пришлось накрыть стол газетами. Стол теперь выглядел аккуратнее — Гиви остался доволен. Он вышел на балкон и сел на расшатанный стул, повернувшись лицом к воротам.

0141367330
014101333

Вдруг заскрипела калитка, и, приподнявшись, Гиви увидел робко протискивавшегося в нее, скромно одетого старого человека. В одной руке у него была палка со старинным серебряным набалдашником, в другой — наполненная свертками и пакетами сетка для провизии. Он поднял голову, посмотрел на балкон и, вздрогнув, хотел было повернуть назад.

— Папа! — окликнул его Гиви. — Поднимись сюда, заходи!

Стефан замер на месте и с изумлением уставился на сына. Он не верил своим ушам.

С тех пор как родители вынуждены были расстаться с Гиви и уехать с насиженного места, Стефан, памятуя о бывших ссорах и скандалах, не искал встречи с сыном. Однако отцовское сердце не знало покоя — трудно было Стефану отречься от родной крови. Старик тайком наведывался сюда и оставлял у соседей для Гиви продукты, а иногда и деньги. Он обычно приходил в такие часы, когда сына не было дома. И вот случилось нечто неожиданное: в воскресенье, в конце дня Гиви оказался дома и при этом был совершенно трезв и спокоен.

Гиви вошел в комнату и вынес второй стул. Он вернулся сразу же, словно опасаясь, что отец уйдет. А старик все еще не мог опомниться.

— Садись, отец. Ну, как ты живешь?

— Ничего. Неплохо...

Стефан опустился на стул, который отчаянно заскрипел. Этот стул тоже износился и готов был рухнуть — от старости, от собачьей жизни, от пинков и толчков.

— Это я тебе принес, сынок, — сказал Стефан, передавая Гиви сетку с провизией. Может, у тебя не хватает чего-нибудь.

— Да, отец, не хватает. Ох, как мне хочется чего-то!..

— Чего, сынок?

— Сам не знаю... Как хорошо, что ты заглянул ко мне. Удивительно кстати! Скоро придет мой сын, мой Гоги. Ты не хочешь его повидать?

— Что за вопрос! Очень хочу! Но я... я думал... Он потерян для нас.

— Нет, не потерян. Нашелся... Сам нашел меня, понимаешь? Мой сын... мой Гоги... Он скоро придет. Теперь уже совсем скоро!..

Стефан был вне себя от удивления. Теперь отец и сын сидели друг против друга молча, словно им не о чем было больше говорить. У обоих щемило сердце.

Гиви многое хотелось сказать отцу, но он не знал, как начать. И Стефану тоже хотелось поговорить с сыном по душам, излить тоску и горе, что накопились с тех пор, как он остался совсем один. Но мог ли он сейчас упомянуть о Маро? Это прозвучало бы как упрек.

— Ну-ка, что ты принес? — поинтересовался Гиви.

— Так, ничего особенного.

Гиви принялся доставать из сетки сверток за свертком.

— Это колбаса. Это хачапури. Здесь сыр — молодой имеретинский сыр. Очень вкусный!.. А это вино. Отборное, замечательное... Из Гурджаани специально привезли, по моей просьбе, — говорил, улыбаясь, Стефан.

— Ты пьешь?

— Как обычно: два-три бокала. Вино украшает стол.

Гиви взял бутылку и на мгновение замер. Его пробрала дрожь, зубы сжались, рот наполнился слюной.

— Надо его охладить, — сказал Гиви и прошел в тот конец балкона, где над раковиной с отбитой эмалью торчал водопроводный кран. Он отвернул кран и некоторое время держал бутылку под льющей сверху обильной струей. Глядя на бегущую с шумом воду, он оцепенел — какая-то мысль ворочалась у него в голове. Вдруг он сильно стукнул бутылкой о чугунную раковину. Зазвенели осколки.

— Что — разбил? — спросил, обернувшись, Стефан.

— Да вот, выскользнула из рук...

— Все пролилось?

— Все до капли.

Гиви поглядел на отца через плечо — губы его были сведены мучительной судорогой.

— Не огорчайся, я тебе еще принесу, — сказал Стефан. Тревога, смешанная с жалостью, стиснула его сердце.

— Больше не приноси, — сказал Гиви сурово. — У меня вино не украшает стол, а уродует. Я — не ты!

Стефан смотрел на него, охваченный сомнением. Неужели бутылка разбилась случайно? Нет, едва ли. Он сам разбил. Нарочно. Сознательно. Недаром так грохнуло. Он ударил с размаху. Молодец, мой сын, молодец!

* * *

Часовая стрелка приближалась к пяти. Что сказал тот незнакомый человек на мосту? «Приходи вечером, ведь днем все на работе...» Но сегодня праздник. Кто знает, дома ли отец? Возможно, что он сейчас прогуливается где-нибудь среди этой праздничной, оживленной толпы.

«Пойду! — решил Гоги. — Может быть, он все-таки дома. А если нет — пойду завтра и послезавтра, каждый день буду заходить, пока не застану...»

С этой мыслью Гоги вскочил в автобус, направлявшийся к площади Маркса.

Когда он поднимался по лестнице отцовского дома, что-то пробудилось в глубинах его памяти — ведь в какие-то давние времена он поднимался и спускался по этой лестнице каждый день.

Гиви был в это время в комнате и, услышав скрип половиц, выглянул за дверь.

Перед ним стоял тот самый мальчик, с которым он встретился вчера на мосту. Он весь сиял. Глаза его, такие же синие, как у матери, чистые и ясные, лучились радостью. В руках он держал ветку сирени.

Застенчиво улыбаясь, Гоги смотрел на мужчину, вышедшего ему навстречу. Вьющиеся, старательно приглаженные волосы, красиво подбритые черные усы, правильные черты... Гоги узнал отца. Не сказав ни слова, они молча обнялись и прижались друг к другу — грудь к груди, сердце к сердцу. Гоги оказался почти одного роста с отцом.

Стефан стоял у двери и смотрел на них, словно завороченный. И для него тоже эта минута была полна глубочайшего значения.

— Я твой дед!.. — он протянул руки и в свою очередь обнял Гоги.

Сев за стол, они только ласково смотрели друг на друга, не зная, с чего начать разговор.

— Где ты был? — спросил Гиви сына. Вопрос прозвучал так, словно Гоги только сегодня утром ушел из дому — вот из этой самой комнаты.

— На празднике цветов, — сказал мальчик.

— Где?..

— Сегодня праздник цветов. Разве ты не знаешь, папа?

Гиви смутился.

— Знаю, как же! Просто забыл. Хорошо было?

— Очень!

Гоги залпом выпил стакан лимонада и взглянул сперва на отца, потом на деда.

— Как я рад!..

— Чему? — спросили оба в один голос.

— Тому, что я с вами.

— Мы тоже рады, — сказал Гиви, серьезно глядя на мальчика.

— Папа, объясни, почему... Как все это случилось?

— Не знаю. Ничего не знаю... Вот его, деда своего, спроси.

Гоги посмотрел на Стефана. «Почему?» — требовательно вопрошал его взгляд.

— А мне откуда знать?.. Я тоже не знаю. В жизни случаются странные вещи... необъяснимые... Нет, не знаю. Может быть, я и ответил бы на твое «почему», но это было бы моей правдой...

Тут заговорил Гиви.

— Да, отец! Признаться, я боюсь ее, этой твоей правды. Она суровая, жестокая. Не надо... Лучше ничего не говори.

Он продолжал, обращаясь теперь уже к сыну:

— А ты не спрашивай почему... Никогда не спрашивай. Со мной тоже поступили несправедливо...

— Кто?

— Та, которую ты любишь больше всех на свете...

— Я не понимаю, как это можно жить без любви, — сказал с наивной откровенностью Гоги.

«Ты — моя любовь... — подумал Гиви. — И вот ты, наконец, здесь, рядом со мной».

Взглянув на отца, он воскликнул неожиданно звучным голосом:

— Видишь, какой у меня вырос сын!

— Что ж, почему бы ему быть плохим? — подхватил излюбленную свою тему Стефан и, начав, уже не мог остановиться: — Вам все было дано с самого детства! Разве я в таких условиях рос? Семья наша бедствовала по-настоящему. Мы всего добились сами, а для вас родители заранее прокладывают дорогу, выравнивают ее, убирают колючки — пожалуйста, путь свободен! Это, мне думается, даже ни к чему. Жизнь может показаться вам сплошным развлечением, увеселительной прогулкой...

1610353341
01701933

Гиви молчал. Будь это в прежние времена, он вскинулся бы: «Что хорошего ты для меня сделал? Нечего сказать, — разравнял дорожку!...». Он нагрубил бы отцу. Но рядом сидел его собственный сын, который прислушивался к словам Стефана, и Гиви был теперь заодно со своим отцом, они стали союзниками.

* * *

Прежде чем войти в дом, Гоги посмотрел, что делается во дворе. Он увидел среди шумной гурьбы ребят своего братишку и позвал его. Резо сейчас же прибежал.

— Ты и не знаешь, какая у меня новость...

— Какая? — загорелся любопытством Резо.

— Я видел отца.

— Моего?!

— Нет... моего.

Радость, вспыхнувшая на лице Резо, погасла, он был разочарован. Мальчику так хотелось услышать что-нибудь о своем отце. Гоги это понял, и сердце у него защемило от жалости.

— Ну и что?

— Так. Ничего...

Гоги теперь уже не хотелось говорить на эту тему, и Резо пошел с ним, не задавая больше вопросов.

— Иди поиграй еще, — сказал Гоги.

— Не хочется.

Они молча поднялись по лестнице. Тина открыла им дверь и, не глядя, пропустила их в комнату. Через некоторое время, отдышавшись и приведя в порядок свои мысли, Гоги сел в кресло и выжидательно посмотрел на мать. Сам он не хотел начинать разговор.

— Видел?

— Видел.

— Ну и как все было?

— Ничего особенного он мне не говорил.

— Ты о чем-то умалчиваешь... я чувствую.

— Нет, правда, ничего особенного. Одно только мне запомнилось...

— Что именно?

— Он сказал: «Не спрашивай, со мной тоже поступили несправедливо...».

— Это о ком же он так?..

— Та, говорит, кого ты любишь больше всех.

Тина задумалась.

— Хорошо иметь отца, — сказал Гоги, глядя ей прямо в лицо. — Мне было как-то радостно... Будто я наконец нашел то, чего мне всегда не хватало... Да, иметь отца хорошо!

— Хорошего отца, — подчеркнула Тина.

— Да, хорошего, — машинально повторил Гоги и продолжал: — Когда я был совсем маленьким, я иногда кричал со двора: «Мама!». А если тебя не было дома, то звал бабушку. Другие дети часто звали отца, а я — никогда. Отец... Я сегодня много раз повторял это слово.

Тина опять погрузилась в задумчивость, и Гоги замолчал, поняв, что она больше не слушает его.

На мгновение глаза их встретились, но Гоги сейчас же потупился. Тина тоже опустила голову. Оба чего-то боялись. Быть может, Гоги почувствовал, что рискует обидеть мать, а та опасалась причинить ему боль — очень уж он был взволнован встречей с отцом.

Вошел задержавшийся на балконе Резо и примостился возле матери. Прерванный разговор так и не возобновился.

* * *

Гиви испытывал мучительное и новое для него чувство — ему было стыдно показываться на улице, в особенности на проспекте Руставели. Здесь при выкли его видеть вечно пьяным, в перепачканной, измятой одежде.

Теперь Гиви не пил, изменился и его внешний вид. Ходил он, не поднимая глаз, постоянно испытывая жгучий стыд. Ах, эти косые взгляды встречных!.. Его узнают и, на всякий случай, обходят стороной. Гиви иногда хотелось стать невидимкой. «Хоть бы провалиться сквозь землю! — думал он. — Лишь бы спрятаться от уличной толпы, от этих людных проспектов и переулков, от кафе, что зазывают своими яркими вывесками...»

Это было какое-то внезапное озарение... «Метро!..» — воскликнул про себя Гиви, остановившись у кафе с этим названием. Он не глядел вверх, а стоял

и прислушивался. Внизу, под зданием кафе, шло строительство метрополитена. Временами оттуда доносились гул и грохот. В глубине земли рушились пласты скальной породы, велась прокладка тоннелей... Вот где хотел бы работать Гиви! Он скроется там, внизу — будет рыть землю, пробиваться сквозь каменные преграды... Он постарается не выходить наверх, и, может быть, со временем все позабудут, каким он был в последние годы, сотрется, сгинет навсегда его прошлое. Пусть хоть забойщиком его примут, обыкновенным проходчиком. Неужели он не сумеет работать ломом, не справится с буровой машиной или с отбойным молотком?

Гиви разжал пальцы и посмотрел на свои руки.

«Справлюсь, должен справиться! Это мне по силам. Смогу, если пожелаю... всего добьюсь! Только, как устроиться сюда на работу? Опять отца попросить? Нет, не нужна мне ничья помощь. Обойдусь... Ведь не исключено, что Гоги вдруг возьмет под мышку свою скрипку, придет и скажет: «Я хочу жить с тобой, папа». Как же я прокормлю его? Нет, хватит с меня сраму!».

И в тот же день Гиви пошел в управление Метростроя. Он скрыл, что окончил институт, сказав, что согласен работать простым забойщиком на проходне штольни. Разговор шел в присутствии начальника участка Гиви Кипиани.

Управляющий строительством посмотрел на Кипиани:

— Ну как, возьмешь к себе?

— Почему бы и нет? — сказал инженер, бегло оглядев Гиви. — Будешь работать на совесть? — спросил он. — Что-то ты не похож на тех, что у нас в подземелье спину гнут.

— Сейчас не похож, а как возьмусь за дело — буду похож, — ответил Гиви и улыбнулся.

Кипиани понравился и его ответ, и улыбка.

— Завтра утром приходи. Туда, где кафе «Метро». Ты, наверное, знаешь, где это?

— Конечно, знаю.

— Смотри, не заверни вместо проходной в кафе. Мы внизу, под ним. Наверху пьют шампанское, а у нас — холодную воду из крана.

* * *

Гиви вскочил с постели, как только взошло солнце. Не в первый раз он отправлялся на работу, но такого радостного чувства никогда еще не испытывал. Обычно он шел нехотя, почти через силу, а сейчас у него словно крылья выросли.

— Видно, ты новичок, — сказал один из рабочих, заметив, с какой опаской Гиви ступил в клеть подъемника.

Тот молча кивнул.

— Он сегодня здесь в первый раз — только приступает к работе, — объяснил молодой забойщик, которому Кипиани поручил проводить нового рабочего к бригадиру Сергею Виадзе.

На Гиви была спецовка: брезентовые брюки и куртка, резиновые сапоги, а на голове — прочная каска из пластмассы. Гиви чувствовал, что выглядит он нелепо, но это его не заботило.

За две-три минуты клеть спустилась на дно шахты. Дверь автоматически открылась, и все гурьбой повалили наружу. Гиви вышел последним.

Ему все казалось странным, почти пугающим, но он не подавал виду. Молча оглядывал он подземные тоннели, узкие боковые ходы, каменные стены, по которым стекала вода.

— Видишь вон ту стену? — спросил его спутник, показывая вправо.

— Вижу.

— Там последняя остановка метро. Станция «Руставели». Теперь мы пробиваем тоннель к площади Ленина. Проходка идет медленно, еле двигаемся.

— Почему?

— Очень твердые там породы — сланцы, например.

— Сколько метров проходите за день? — спросил Гиви.

— Сколько метров? — спутник его улыбнулся. — Восемьдесят сантиметров. Это считается немалым достижением.

Они шли левым перегонном, который вел к площади Ленина. Вдоль него тянулась узкоколейка. Там и сям на рельсах стояли вагонетки, наполненные щебнем и осколками камня — взорванной породой, которую надо было поднять наверх и выбросить.

Спутник Гиви знакомил его со всем, что здесь делалось, и попутно объяснял новичку правила техники безопасности.

14035341
308-110133

— Громко говорить здесь не разрешается, петь и свистеть тоже. Тут тре-
буется осторожность, да еще кака! Всегда надо быть начеку...

Перегон был прямой и ровный. Вдали виднелся черный зев забоя.

— Нам надо вон туда, наша бригада там работает, — сказал спутник Гиви, указывая в глубь тоннеля.

— Кажется, уже недалеко?

— Да, скоро дойдем. Как вас звать?

— Гиви. А вас?

— Сандро. Мы с нашим бригадиром — тезки... Бригада наша на этом участке считается передовой...

— Сколько вас?

— Девять человек. Было десять, да бригадир уволил одного. А теперь с тобой вместе нас снова полный десяток.

— За что же уволили того парня?

— Пил он, что греха таить. Иногда опаздывал на работу или приходил после ночной пьянки сам не свой. Ну и работал тогда через силу. Больше нель-
зя было терпеть...

Минуты через две они добрались до забоя и, присев на земляную насыпь, стали ждать прихода остальных членов бригады. Вскоре к ним подошел бри-
гадир.

— Это вы — наш новый соратник? — пошутил он и так крепко пожал ру-
ку Гиви, словно хотел испытать выносливость нового забойщика.

До начала работы бригадир осмотрел потолок забоя. Потом стал объяснять Гиви, как производится погрузка породы в вагонетки.

— С самого же начала запомни, — сказал он внушительно, — на этом перегоне нам предстоит проходка в пять тысяч метров, и еще — до площади
Ленина мы должны дойти первыми.

Гиви поднялся на погрузочную машину.

Послышался вой сирены. Заработали отбойные молотки.

* * *

Однажды Леван получил письмо, в котором было только две строчки:
«Папа, если хочешь помочь, пришли сколько сможешь в Сухуми на главную
почту до востребования». Детский неуверенный почерк и подпись «Резо» не
обманули его, он догадался, что письмо было продиктовано матерью.

Леван, не медля ни минуты, послал деньги — сколько мог. Потом он де-
лал это ежемесячно и каждый раз получал ответ: «Спасибо, папа. Резо». Всего
три слова. Тут тоже сказывалась воля Тины.

Однажды Леван послал деньги и в тот же вечер сам выехал в Сухуми.
Целый день провел он возле главной почты. Топтался вокруг да около, пока она
не закрылась. Но Тина так и не пришла. Потом он ходил по улицам, загляды-
вал в городские сады, бродил вдоль пляжа, надеясь встретить Тину в толпе
гуляющих на берегу моря. Позднее Леван обошел все кинотеатры, но так и не
увидел ее. Он встретился с ней на другое утро — совершенно неожиданно, на
окраине города. Леван решил подняться к истокам реки Сухуми, потому и по-
пал в этот район, а Тина шла на работу. Она поглядела на него, как на по-
стороннего, совершенно незнакомого человека и хотела пройти мимо, Леван
пошел рядом с ней.

— Не узнаешь? — спросил он сдавленным голосом.

— Узнаю, но предпочла бы не узнавать.

— Тогда и ты, и я — мы оба были неправы. Да, именно так. Я был не-
прав в своем отношении к Гоги, а ты — по отношению ко мне.

Несколько минут они шли рядом. Тина не старалась уйти вперед, и это
обнадежило Левана.

— Неужели ты не можешь выбросить из памяти, забыть... Забыть мои
опрометчивые слова, все былые обиды?..

Леван хотел сказать иначе: «Неужели не можешь простить?». Но ложное
самолюбие подсказало ему другие слова. Если бы он сказал «прости», Тина бы
его простила.

Еще несколько шагов они прошли вместе. Потом Леван остановился. Не-
волью остановилась и Тина.

Леван достал из кармана маленький пакетик.

— Это — для детей.

— Для Резо, — подчеркнуто сказала Тина, беря пакетик.

— Для детей, — повторил Леван и повернул назад.

Он не посмел даже попросить, чтобы Тина позволила ему повидать маль-
чиков — боялся отказа.

Расстались они с тяжелым чувством. У обоих щемило сердце.

0141357331
3023000933

«Неужели не можешь простить?» — шептал про себя Леван...

Он вернулся в Тбилиси совсем подавленный, разбитый душой и телом. Дома его ждало письмо: «Спасибо, папа. Резо». Те же три слова.

Это было возмездие, вынесенный ему Тиной приговор: «Не видать тебе сына. Теперь понял, каково это — когда от тебя отрывают твое дитя?».

Да, он понял, всем существом своим понял!

Леван писал потом Тине из Тбилиси. Он хотел получить хоть несколько слов, написанных ее рукой, и чтобы в конце стояло ее имя. Но мечта его так и не сбылась. Зато однажды пришло письмо от Резо — удивительно длинное. Начиналось оно как обычно: «Спасибо, папа», но за этим следовало продолжение: «Спасибо, папа, ты хороший. Когда-нибудь я увижу тебя, обниму. Наверное, когда буду уже совсем большой. Ты далеко, но я тебя все равно люблю, хотя мы и не видимся. Я очень рад, что ты не такой, как отец Гоги. Он Гоги и не вспоминает. Как хорошо, что ты на него не похож!». В конце, по обыкновению, стояла подпись: «Резо». Это письмо не было продиктовано Тиной, его писал восьмилетний мальчик. В каждой строке отражалось пылкое чувство ребенка, мечтающего увидиться с отцом.

Леван задумчиво шел по проспекту Руставели.

«Седина пробивается в волосах, близится старость. Впрочем, какая же это старость, — всего-навсего сорок с небольшим. И все-таки она уже близко. Ранняя, преждевременная, подкрашенная, как хворь. Ведь старость, в сущности, тоже болезнь, она может настичь человека в любом возрасте...»

Он поднял глаза и увидел на стене афишу.

«...Георгий Джабадари... Скрипка... Бетховен... Палиашвили... Второе отделение — Чайковский...»

«Джабадари... — это ведь фамилия Тины... Какое совпадение!..»

Леван взглянул на часы. Ровно семь. Когда состоится этот концерт? Сегодня? Он долго смотрел на афишу и, сосредоточившись, наконец понял: нет, завтра.

«Кто такой этот Георгий Джабадари?.. В первый раз слышу... Сонаты Бетховена. «Колыбельная» Палиашвили... Пойду, непременно пойду!».

* * *

Леван и Гайоз с моста Бараташвили смотрели вдоль течения Куры. Отсюда было видно, что щиты плотины опущены. Уровень реки повысился, и некогда оголенные берега были теперь под водой. Величественный вид имела широкая, полноводная река, замкнутая в бетонных стенах. Течение ее было таким спокойным, что на первый взгляд казалось, что она неподвижна. Бледным золотом отсвечивала ее поверхность под косыми лучами солнца. Теперь никому и в голову не могло прийти, что Кура когда-нибудь иссякнет или обмелеет. Кое-где виднелись плывущие лодки. К пристани направлялся катер, и большая гурьба школьников в нетерпеливом ожидании следила за его приближением.

Леван с Гайозом спустились на пристань, если можно назвать пристанью маленькую площадку, к которой ведут с набережной две каменные лестницы, и помогли учителю провести детей на катер.

Леван и Гайоз обратили внимание на старика в тельняшке, по-видимому, работавшего на «Алазани». Его длинные седые волосы шевелил ветерок. Усы и борода у него были тоже седые, белоснежные, а глаза — зоркие и полные доброты.

Гайоз подошел и заговорил с ним. Леван, сидя в стороне, лишь краем уха слышал их разговор. Но вот старик назвал свое имя. Леван внимательно посмотрел на него и вдруг все вспомнил. Фидо... Это был паромщик, спасший Тину во время наводнения.

Когда на Куре появился речной транспорт, Фидо взяли на работу, так как никто не знал реку лучше, чем он. И в самом деле, старик помнил каждую ее извилину, по собственному его выражению — знал нутро и самое сердце Мтквари. Ему было известно, где находятся скрытые под водой развалины. Например, стена, возведенная когда-то возле серных бань, а позднее рухнувшая и оказавшаяся на дне реки. Знал он, где таятся под водой мели и в каких местах надо опасаться ям. Фидо должен был смотреть за катерами, ходившими по Куре, ставить их на ночь, выводить поутру. Эти маленькие суда строились в Батуми и носили имена грузинских рек: «Арагви», «Алазани», «Риони». Все они были дороги его сердцу. Но особенным его вниманием пользовалось судно «Тбилиси 1500 лет», построенное к этой юбилейной дате батумскими судостроителями в дар столице Грузии.

Поднявшись с места, Леван подошел к Фидо.

— Здравствуйте! Рад, очень рад вас видеть! — Он протянул ему руку, растерянно глядя на этого совершенно незнакомого человека, дал ему руку — уж очень ласково Леван смотрел на него.

Из закрытой кормовой части катера, где сидели дети, послышалось восклицание учителя:

— Осторожней, Резо, осторожней!.. Не высовывайся!

Звонкий голос ответил:

— Я не высовываюсь... Мне только хочется хорошенько все рассмотреть. «Резо»?.. Левана словно ножом полоснуло по сердцу. Эх, да ведь сколько в Грузии людей, носящих это имя, — и детей, и взрослых, и стариков... Разве не случилось Левану слышать, как зовут кого-то: «Резо!.. Реваз!..» Но никогда еще он не испытывал при этом такой острой боли.

Леван резко повернулся, прошел между двумя рядами скамей.

— Ну-ка, кто здесь Резо? — спросил он.

— Я! — поднялся со скамьи смуглый, черноволосый мальчуган лет восьми-девяти.

Леван узнал его сразу: открытый лоб, чуть выпуклые глаза — живые и блестящие, на губах еле заметная шаловливая улыбка.

— Резо, мальчик мой!.. — вырвалось у Левана.

Резо узнал и не узнал отца. Он словно онемел; на длинных черных ресницах блеснули слезы. Мальчик стоял и не двигался с места, побледневший, ошеломленный этим неожиданно свалившимся на него большим счастьем, которого он в глубине души всегда жаждал.

Леван нагнулся и прижал его к груди, к гулко бившемуся сердцу.

— Иди сюда, Гайоз! Видишь?.. Это Резо... Мой Резо!..

Гайоз подошел. Он не сразу нашел, что сказать, и молча смотрел, как Леван обнимает своего мальчугана и любит его им. Потом, опомнившись, шутливо воскликнул:

— А-а! Это тот наш наследник, для которого я уже семь лет коплю серебряные чаши! Наконец-то мы его поймали!

Резо поглядел снизу вверх на Гайоза, улыбнулся, и слезы у него на глазах сразу высохли.

Мальчуган, сидевший рядом с Резо, уступил свое место Левану. Резо держался скованно — очень уж давно он не виделся с отцом и теперь невольно воспринимал его, как чужого человека. Отвечая Левану, мальчик называл его чаще на «вы», чем на «ты».

«Алазани» шел к Дидубийскому мосту. Здесь дети сошли на берег. Леван еле успел еще раз обнять Резо: учитель стоял у выхода и, торопя своих подопечных, считал и пересчитывал их, как цыплят, чтобы никто не потерялся.

Катер пошел обратно.

Леван глядел в окно, и вид у него был озадаченный и не очень-то веселый, скорее, огорченный.

— Ты и не знаешь, что творится у меня на душе, Гайоз. В сущности, я очень счастлив!..

— А он ничего себе, этот твой наследник. На вид — славный мальчик.

Они пожали на прощанье руку Фидо и сошли на пристань. Тут, на почти безлюдной набережной, можно было и прогуляться, и поговорить без помех.

Гайоз обычно избегал разговоров о том, что составляло несчастье Левана, он предпочитал не касаться большого вопроса, но теперь, хочешь-не хочешь, надо было высказаться.

— Да, славный мальчик... Но ребенка надо воспитывать... — начал Гайоз.

Леван только посмотрел на него. С этой простой истиной нельзя было не согласиться.

— Ты — отец, так будь же настоящим отцом! Сумеешь преодолеть упрямство твоей жены. Между вами не произошло ничего такого, что делало бы примирение невозможным. Разве можно воспитать здоровых духом, счастливых людей, если нет лада в семье, если дети растут, раздираемые сомнениями, с чувством раздвоенности, неуверенности?.. У ребенка есть отец, и в то же время он — как бы сирота. Мыслимо ли это?..

— Что же мне делать?

— Тут я подсказать ничего не могу. Тебе виднее. Ты сам должен найти к ней путь, понимаешь — сам!..

* * *

Леван вошел в зал консерватории, когда все уже сидели в ожидании начала концерта, поискал глазами свое место в четырнадцатом ряду, осторожно пробрался к нему и, стараясь не стукнуть откидным сиденьем, сел. Он маши-

нально обвел взглядом ложи. В одной из них, ближайшей к сцене, сидела в первом ряду молодая женщина в простом синем платье, с небольшим вырезом на груди. Платье было темное, и Левану бросилась в глаза шея женщины — высокая, сочная, чуть изогнутая по лебединому, а потом уж ее профиль, обращенный к сцене. Женщина эта не глядела по сторонам, она никого и ничего не замечала, устремившись всем своим существом к сцене, в нетерпеливом ожидании той минуты, когда раздвинется занавес.

Свет погас, в зале стало почти совсем темно, а Леван все не отводил глаз от той ложи, где сидела женщина в синем платье.

«Это Тина, — повторил он про себя. — Тина!.. Почему она здесь? Кто такой этот Георгий Джабадари?.. Неужели Гоги?!».

Быстро раздвинулся занавес. На сцене, у рояля — нарядная молодая девушка, чуть поодаль от нее мальчик со скрипкой в руках. Вот он поклонился публике и замер, глядя в глубину зала. Все стихло. Мальчик чуть заметно кивнул головой девушке у рояля. Она взяла несколько аккордов, и сейчас же взвился, затрепетал в воздухе высокий, проникновенный голос скрипки. Это был голос самой печали — тихая, скорбная жалоба. Потом звуки, казалось, вспыхнули, загорелись огнем. Незримый этот огонь передавался от смычка струнам, от струн — смычку. словно языки пламени парили в воздухе, потом скрипичные аккорды падали, угасали, но в то же мгновение, сменяя их, взлетали другие и сгорали, и гасли. Это гений Бетховена пылал в душе юного музыканта и через поющие струны перебрасывался в зал, в сердца слушателей.

Когда звуки нарастали, словно перегоняя друг друга, мальчик поднимался на носки — казалось, его подхватывал, силясь оторвать от земли, этот музыкальный смерч, источник которого был у него в руках.

Наконец он опустил смычок. Загремели аплодисменты. Мальчик стоял с опущенной головой. Он ждал конца этой овации, чтобы играть дальше.

Постепенно публика успокоилась. В зале опять наступила тишина.

— Палиашвили. «Колыбельная», — объявил ведущий.

Многие удивились — обычно «Колыбельную» Палиашвили исполнял вокальный ансамбль, но удивление сменилось живейшим интересом, когда ведущий добавил, что юный концертант сам переработал эту вещь для исполнения на скрипке.

Мальчик поднял скрипку и, приладившись к ней подбородком, легко провел смычком по струнам.

Зазвучала полная нежной грусти мелодия. Слушатели затаили дыхание — можно было подумать, что мальчик-скрипач сумел околдовать, убаюкать весь зал.

Беки у музыканта были опущены — казалось, и сам он был охвачен гипнотическим сном.

Потом — взрыв аплодисментов. Публика неистово хлопала, словно вырвавшись из волшебных пут, которыми связал ее этот мальчик с его удивительной скрипкой.

Гвоздики и нарциссы летели из зала на сцену.

Женщина в ложе упала головой на руки. Она тихо плакала. Это были слезы радости. Не думала ли она, что это ей, ей рукоплещут и бросают цветы, и кричат восторженные слова?

Мальчика много раз вызывали, требовали повторить «Колыбельную», но он не уступил настояниям публики. Склонив голову, он стоял на сцене, пока не закрыли занавес.

Направляясь к дверям, ведущим к служебным помещениям за сценой, Тина заметила Левана. На мгновение она заколебалась, хотела повернуть обратно, однако передумала. Она хотела пройти мимо Левана, как бы не заметив его; но ей вспомнились слова одного ее старого товарища: «Ложная гордость не возвышает человека — наоборот...».

Молодая женщина повернула голову и посмотрела на Левана, но тут публика, хлынувшая из партера через боковой выход, оттеснила их в разные стороны, и они потеряли друг друга из виду.

* * *

Тина с замиранием сердца ловила каждый еле заметный вздох матери. Больная лежала тихо, очень тихо. Она не стонала, не жаловалась. И это молчание вызывало в Тине безотчетный страх.

Время от времени, заслышав шум на дворе или на балконе, Тамара чуть поворачивала лицо к дочери и взглядом спрашивала о чем-то... Тина знала о чем. Мать ждала сына. «Может, это Сосо?» — говорил ее взгляд. Потом она опять погружалась в дремоту. Вот и сейчас мать как будто заснула. Тина на цыпочках вышла в соседнюю комнату, где спали Гоги и Резо.

16036320
1952.11.01933

— Дети... — шептала она...

У нее двое сыновей — два славных, хороших мальчика. Они вырастут, станут ей опорой... А до того ли им будет, смогут ли они уделять время матери? Появятся у обоих собственные заботы, огорчения, радости... Пойдет каждый своей дорогой, и не останется у них свободной минуты для нее, для Тины...

Только теперь, ощутив холод надвигающегося одиночества, Тина впервые подумала, что нет у нее надежного друга.

Она почувствовала, что ее знобит.

В темноте, на ощупь, она открыла дверцу гардероба. Под руку ей попало что-то из верхней одежды. Закутавшись, она вышла на балкон и села в соломенное кресло.

И снова — мысли, мысли...

Вспомнились Тине давние годы ее девичества, вспомнилось, как здесь, вот на этом балконе, она сидела вечерами с матерью и братом. Сумерничали в ожидании отца, и она думала, мечтала о чем-то... Однажды отец привел с собой Мелитона и какого-то незнакомого мужчину. Несколько лет спустя этот незнакомец стал для нее самым близким и дорогим человеком. А теперь он опять далек. Очень далек... Как же это получилось?..

— Мама, мама! — послышался шепот. — Почему ты здесь спишь?

Тина испуганно посмотрела на Гоги, осторожно разбудившего ее.

— Пойдем, мама, ложись в постель.

— Бабушка?..

— Я заглянул к ней. Она спит.

Уже светало.

Тина увидела, что она была в старом, поношенном полушубке Левана, который он не взял с собой, когда ушел из дому. Она закуталась в него еще плотней. Нет, она не озябла. Просто ей было хорошо, уютно в этом полушубке.

В комнате стояла тишина. Все молчали, потому что та, ради кого здесь собрались люди, умолкла навеки. Время от времени слышалось горькое всхлипывание:

— Тамара!.. Тамара!.. Дорогая!..

Леван стоял в углу и время от времени тайком бросал взгляд на Тину, на ее бледное, осунувшееся лицо. Такое милое, такое дорогое ему лицо.

В соседней комнате хлопнули дверью. Тина вздрогнула и невольно повернула голову. Леван оказался в полосе света, и Тина узнала его.

«Это Леван! Боже, как он исхудал! Мой Леван... мой друг... Ведь он мне друг, можно ли сомневаться?! И что с ним случилось!.. Отчего он так изменился?»

Гнетущая тишина стояла в комнате. Что-то необычное творилось с Тиной. Воля ее была сломлена. Она почувствовала слабость, прилив нежности... «Нет!.. Нет!.. — пыталась она упорствовать, и это ее «нет!» слышала та, уснувшая навеки. «Да, дочка, да!.. Не нет, а да!..» — не размыкая губ, говорила ей мать. И в самой Тине какой-то строгий голос твердил повелительно: «Подойди! Видишь, какое у него измученное лицо!..»

Тина поднялась со своего места, тихо прошла вдоль стены и остановилась рядом с Леваном. Изумленный, не понимая, что это значит, он не осмеливался посмотреть в ее сторону. «Может быть, это мне снится?» — спрашивал он себя. Но нет, он не спал. Из всех, кто был в этой комнате, спала только одна, и она не видела снов.

— Леван... — шепнула Тина и взяла его руки в свои.

— Да, да, ты правильно решила... В несчастье мы должны быть вместе. Это так, это правильно... — ответил Леван.

Тина не услышала того, что он говорил, но тепло, передавшееся ей через прикосновение его руки, тихонько, бережно обхватившей ее пальцы, было вполне красноречиво, и она все поняла.

«Прошлое не возвращается. То, что минуло, — минуло навсегда. Надо думать о том, что осталось, что еще живо. Надо продолжать...»

* * *

Шел дождь. На дворе от надвинувшихся свинцовых туч стало так темно, словно уже наступил вечер. Временами слышались глухие раскаты грома, и молния ослепительно белым зигзагом прорезала небо. А в комнате горело

электричество, было светло и уютно. Светло было и на душе у Левана. Сидя у письменного стола, он перебирал лежавшие стопами исписанные листы бумаги. Тина примостилась рядом и смотрела на него.

— Вот что помогало мне жить, — сказал Леван.

— Дай мне прочесть.. Покажи, над чем ты работал.

— Кому же я покажу, как не тебе?.. Вот!.. — Леван нашел среди груды бумаг заглавный лист своей будущей книги и положил его перед Тиной. — «Реки Грузии», — прочел он вслух.

Тина, подумав, сказала:

— Тема мне нравится, но главное — как ты с этим справишься.

— До конца еще далеко.. Если бы ты знала, какой обширный здесь материал и как много можно из него извлечь. Боюсь только, что я не сумею достаточно убедительно передать..

— Почему ты сомневаешься? Конечно, сумеешь!..

— Если задача окажется мне не под силу, то кто-нибудь другой доведет дело до конца. В таком труде должны быть рассмотрены не только главные реки Грузии, такие как Кура и Риони, Храми и Иори, а все наши реки. Вот, например, Меджуда. Слыхала ты о такой реке?

— Нет.

— Видишь, даже не слыхала. А знаешь, сколько она приносит пользы?.. Да.. Если не я, так кто-нибудь другой непременно напишет книгу о реках Грузии!

Вдруг порыв ветра с шумом распахнул окно и разметал по комнате исписанные листы.

Тина вскрикнула и бросилась собирать их.

— Не надо, Тина, не трудись, я сам, — ласково сказал ей Леван. Он закрыл окно, запер его на задвижку и наклонился, чтобы подобрать с пола разбросанные листы.

Они занялись этим вместе. Тина собирала лист за листом, стараясь не потерять их, потом стала складывать страницы по номерам.

— Я сам, Тина, я все сделаю сам, не беспокойся, — упрасивал Леван.

— Это для меня не беспокойство, — сказала Тина, подняв на него глаза, — Мне приятно, что я могу хоть так помочь.. позаботиться о твоей будущей книге.

Из соседней комнаты доносились голоса Резо и Гоги.

— Гоги! — позвала Тина.

— Что, мама?

— Посмотри, который час!.. Не заставляй меня напоминать..

Братья вместе вошли в комнату.

— Что это вы делаете? — спросил Гоги.

— Складываем рукопись папы Левана, — сказала Тина.

Гоги улыбнулся Левану, и тот в ответ ласково посмотрел на мальчика.

Резо принялся готовить уроки. «Почему я люблю Алазани?» — прочел он громко.

— Немного потише, дружок.

Резо не расслышал замечания матери и так же громко продолжал: «Я люблю ее потому...»

Гоги проговорил с улыбкой:

— Мама, знаешь, что недавно сказал мой дедушка?

— Что?

— В семье, где не слышно детского голоса, радость — редкая гостья.

— Это правда, сынок, — сказала Тина. Ее кольнуло в сердце, но она не подала виду.

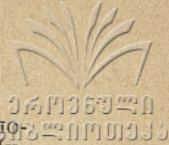
— Что еще говорил твой дед?

— Он много чего говорил... А знаешь, папа Гиви теперь не один. Дедушка переселился к нему. Они очень радуются, когда я к ним прихожу. Оба так рады мне, ну до того рады!.. Мама, ты ведь не обидишься, если я буду чаще заходить к отцу?

— Нет, Гоги, не обижусь.

* * *

Природа и люди праздновали приход новой весны. Всюду пробивались зеленые острия новорожденной нежной травы. На лугах раскрывались венчики ранних цветов. Прокладывая себе дорогу, заструились первые ручейки. Ранние перелетные птицы вернулись домой. На деревьях вздулись почки.

Этой ранней весной Гигла отправился в Вазисубани. С ним вместе поехали мать и сестра. Гигла заблаговременно послал телеграмму Борису Николаевичу, просил приехать на его свадьбу. Но это, увы, не осуществилось: майора уже не было в живых. Застрявшая где-то в его израненном теле пуля, которую нельзя было удалить, все же убила его...

...Тина и Гигла стояли бок о бок. Девушка застенчиво поглядывала на отца — что-то он скажет? Оба с таким нетерпением ждали этого дня!

Тариман заговорил первым.

— Будьте счастливы, — обратился он к молодым людям. Он посмотрел вдаль, в распахнутое впереди безграничное пространство и сказал торжественно и проникновенно:

— Солнце и земля! Вы дарите нам жизнь... Пусть рано приходит весна, пусть рано пробуждается и расцветает все вокруг — лишь бы только не ударил мороз, лишь бы ледяной, беспощадный ветер не сгубил внешнего цвета... И да избавит нас судьба от немоцной, слезливой осени и от затяжной, суровой зимы!..

Такова была первая молитва, что произнес на своем веку Тариман.

Авторизованный перевод Веры КИРЕЕВОЙ

Шалва ЦВИЖБА

Большое и малое

Океаном безбрежным шел парусник
 белый,
 Ураганом шальным паруса надувало.
 Все кругом клокотало,
 бурлило,
 И, как щепку, суденышко к небу
 кипело,
 бросало.
 То дрожало оно под норд-остом
 холодным,
 То в туманной дали безнадежно
 терялось.
 Но сражалось с морской стихией
 голодной
 И пучине зеленой оно не сдавалось.
 Миновали столетья,
 остались преданья...
 Пусть по-прежнему грозные волны
 бушуют,

Пусть грохочут,
 пророчат пускай наказанье,
 Пусть ветра налетают,
 кружат и колдуют —
 Не страшны они больше!
 Сверкая огнями,
 Гордо нос поднимая,
 Упрям и заносчив,
 Надсмехаясь над бешеными волнами,
 Теплоход бороздит океан дни и ночи.
 Он везде побывал — крутобокий,
 могучий...
 Но идет он путем,
 что проложен когда-то
 Через гневные бури, и грозы, и тучи
 Белым парусом —
 словно бесстрашным
 солдатом.

Перевод с абхазского Александра ГЛЕЗЕРА

Мышка-Норушка

Р а с с к а з

Она родилась в веселое летнее утро в светлой большой комнате, известив мир о своем приходе пронзительным криком.

— Кто у меня? — не веря еще, что она уже мать, спросила Марика.

— Девочка, и какая славная! — сказала акушерка, мягко шлепая руками красненький живой комочек.

Марика устало откинула голову. Мелкая сильная дрожь вдруг пробежала по всему телу молодой женщины. Ее затрясла нервная лихорадка.

— Ничего, пройдет. После родов это бывает.

Доктор положил ладонь на похолодевший лоб матери и тревожно взглянул на нее через стекла очков добрыми внимательными глазами. Он увидел совсем юное лицо и большие лучистые глаза, которые доверчиво, но все же со страхом смотрели на него.

— Сколько же вам лет? — отечески спросил доктор, снимая с лица марлевую повязку.

— Скоро девятнадцать, — стуча зубами, но делая попытку улыбнуться, сказала Марика.

— Ну вот! — Доктор развел руками. — А сделали такое большое дело — подарили родине еще одного человека. — Он довольно рассмеялся и, бодро ступая, точно сбросил тяжелый груз, подошел к умывальнику. Это были вторые за сутки удачные роды.

Марика еще спит, когда медсестра легонько кладет ей на плечи руку. Марике не хочется открывать глаза, так она устала.

— Положите термометр, — слышит Марика голос медсестры и, приоткрыв один глаз, все еще в полусне, берет из ее рук термометр и поворачивается на бок, к окну. Солнечные лучи приглушенно струятся сквозь опущенные шторы. Рядом с Марикиной стоит кровать, с которой сняты простыня и одеяло. Вчера вечером выписалась лежавшая на ней женщина. У нее мальчик.

А доволен ли будет Валико, что у него родилась девочка?

Марика оглядывает комнату. Напротив нее у стены спит молодая художница, у которой случился выкидыш. Сколько она плакала! Это уже не первый раз, а ведь ей так хочется иметь ребенка...

— Такое у вас счастье, — говорит она.

Да, счастье! И она, Марика, счастлива. Как обрадовался Валико, когда узнал, что Марика ждет ребенка.

— Значит, я скоро буду отцом? И мы его назовем Сандро.

— А если будет девочка? — спросила она тогда огорченно.

Валико сразу спохватился:

— И это неплохо, уверяю тебя. Даже, пожалуй, лучше! Еще лучше, — убеждал он ее до тех пор, пока Марика не повеселела и не поверила ему.

— Давайте термометр, — прерывает мысли Марики медсестра. — Ваш муж очень обрадовался, что девочка родилась, цветы вам принес.

— Где? — вспыхивает от радости Марика.

— На вашей тумбочке.

Розы бледно-розовые. От них исходит чуть ощутимый нежный аромат. Они еще только распускают свои бутоны, и Марике кажется, что такие чудесные розы мог принести только ее Валико.

— Милый мой, родной мой! Где это он купил сейчас такие розы? — шепчет Марика, стараясь дотянуться руками до цветов.

— Вам нельзя двигаться, — сердится медсестра и, вынув розы из банки с водой, дает их Марике.

— Понюхайте, — снисходительно бросает она Марике, направляясь к сестре больной.

Только понюхать! Нет, этого так мало для Марики. Заботливой рукой Валико со стеблей содраны шипы, и Марика бережно кладет розы себе на грудь. Ей хочется передать им всю теплоту и нежность, которую она испытывает сейчас к Валико. Это не первые розы, которые ей дарит любимый, и они так не похожи на те, большие пунцовые, которые ей впервые подарил Валико. Засушенные, они и сейчас лежат в однотомишке стихов Галактиона, до которого она никому не дает дотрагиваться, особенно Валико, потому что боится, что над ней будут смеяться. А эти розы сыграли такую важную роль в ее судьбе, и тот день, когда она получила их от Валико, навсегда остался самым счастливым днем ее жизни. Как сейчас помнит она большой зал Дворца спорта, до отказа заполненный зрителями — в большинстве своем молодежью. С трудом протиснувшись, Марика со своими одноклассниками пристроилась в конце зала, у самых дверей. Это был последний день спортивных студенческих соревнований лучших гимнастов тбилисских вузов. Девочки пришли, когда соревнования уже подходили к концу. Встреченный аплодисментами, на арену легкой пружинистой походкой вышел Валико. Марика почувствовала, как горячая кровь прилила к ее щекам, как сильно забилося сердце и похолодели руки. Боясь, чтобы кто-нибудь из друзей не заметил ее волнения, Марика опустила голову, стараясь не смотреть на Валико.

Но взоры зрителей были прикованы к трапеции, на которой в четком ритме уже вращалась стройная, мужественная фигура гимнаста. Сильное мускулистое тело легко повиновалось ему. Марика, как зачарованная, смотрела на Валико, захваченная зрелищем сложных гимнастических упражнений, которые под гром аплодисментов легко и красиво выполнял он на снаряде. Закончив, Валико легко и мягко спрыгнул на пол. Зал загремел от рукоплесканий. Марика не хлопала, но всем своим существом переживала успех Валико. Кто-то подбежал к Валико и протянул ему букет больших пунцовых роз. Неловко держа букет в руках, Валико побежал с арены, точно за ним кто-то гнался.

Выступлением Валико закончились студенческие соревнования. Зрители потянулись к выходу. В зале притушили свет, но часть молодежи еще оставалась, ожидая гимнастов. Не уходили и девочки — яркие поклонницы Валико. Вдруг они снова захлопали, и Марика поняла, что он вышел. От волнения она не заметила, как он был одет. Виден был только большой букет пунцовых роз, который он держал в вытянутых руках. Доставая из него розы, он на ходу раздавал их окружающим его девочкам.

Глаза Валико кого-то искали, и у Марики тревожно забилося сердце. Неужели он ищет ее? Да, он быстрыми шагами направился прямо к ней. У Марики от волнения потемнело в глазах. Прижимая руки к страшно забившемуся сердцу, она точно в тумане видела приближавшегося к ней Валико, который, поклонившись, положил ей на колени оставшиеся розы. На какое-то мгновение голубые лучистые глаза Марики встретились в веселыми, взволнованными от успеха темными глазами Валико. Он смутился и резко выпрямился.

— Все! — всемо крикнул Валико и под дружный хохот студентов пошел с ними к выходу. Девочки окружили Марику.

— Ой, сколько роз!

— Вот счастливая!

— Дай одну.

Розы расхватили. Оставшиеся три розы Марика бережно отнесла домой. Жила она тогда у тети, к которой приехала из Батуми, чтобы закончить десятилетку в Тбилиси. С Валико она случайно познакомилась на симфоническом концерте, а потом несколько раз встречалась с ним на концертах во Дворце спорта. Она чувствовала, что нравится ему. Но разве могло быть что-нибудь серьезное с его стороны! В Тбилиси такие девушки! И несмотря на это, подаренные им розы она долго хранила, подрезая им стебли, меняла воду по нескольку раз в день и, наконец, засушила. Распластанные, сухие, выгоревшие, эти розы навсегда останутся самым дорогим подарком от Валико. Ведь они решили судьбу Марики.

После того, как он подарил ей розы, он сам стал искать с ней встреч. Поджидал ее у школы. Провожал домой. Девочки ей завидовали, и не напрасно. Марика была счастлива.

Они стали бывать везде вместе. И хотя Валико ничего ей не говорил, Марика с волнением и радостной тревогой сознавала, что это была любовь.

Весной они стали встречаться реже. Валико переходил на последний курс строительного факультета политехнического института, а Марика заканчивала десятый класс и собиралась поступить в институт иностранных языков

на факультет английского языка. Оба успешно занимались. На всю жизнь запомнила Марика тот день, когда решила ее судьба. Счастливая и радостная, что сдала последний экзамен на отлично, Марика в белом переднике вышла из школы. У дверей ее встречал Валико.

— Все? — улыбаясь, спросил он и взял Марику под руку. — Поедем на метро, — сказал он.

— А куда мы поедем?

— К матери. Хочу тебя с ней познакомить. Она приехала из деревни.

Так и вошла Марика в дом Валико с книжками. И все это время она была счастлива с ним, хотя они и нуждались. Жили на стипендию. Хорошо еще, что мать Валико присылала им продукты. «Теперь Валико поступит на работу, и жить станет легче. Мой дорогой! Какие он прислал изумительные розы».

— Давайте цветы, — прерывает мысли Марики медсестра и, бесцеремонно забрав у Марики розы, ставит букет в банку.

Скоро Марика была дома. Ее лучистые глаза сияли. Ведь у нее была дочь, а главное, ее любимый Валико был снова с ней. Они не виделись целых десять дней! Он стоял тут же, у изголовья ее кровати, и смотрел на девочку, которую Марика кормила грудью. Их обоих удивляло и умиляло в девочке все — и беспомощный беззубый ротик, и блестящие, как бусинки, глазенки, и кнопочка вместо носа.

Захлебываясь от избытка теплой, сладкой влаги, которая щедро лилась в рот, девочка сучила ножками, ерзала, теряя грудь, и снова жадно сосала. И это беспокойное существо была их девочка — как они оба были счастливы!

Да, Валико чувствовал прилив необычной любви к этим двум дорогим ему существам.

— Что же теперь получается? — говорил Валико, радостно улыбаясь. — Ты понимаешь, что произошло? Теперь у меня вместо одной, стало две девочки. Бедная моя! Как ты измучилась! Сколько перестрадала! Но теперь, моя женушка, теперь пусть тебя ничто больше не тревожит. Ты увидишь, каким я стану заботливым мужем и отцом.

Валико захохотал от удовольствия.

— Ты понимаешь — я отец! А если она, как ты, в восемнадцать лет выйдет замуж, то я смогу в сорок один год стать дедушкой. Ведь это же просто здорово!

— Но я не смогу и в этом году поступить в институт, — вздохнув, сказала Марика.

— Пустяки, Марика. Один-два года не играют для тебя роли. Подрстет девочка, и поступишь. А пока ни о чем не думай. Всю заботу о вас я целиком беру на себя.

Валико нежно провел широкой, загорелой рукой по пушистым золотистым волосам Марики. Она подняла голову и посмотрела на серьезное лицо мужа. Сколько в его глазах сейчас было любви и преданности! Конечно, ей ни о чем не нужно беспокоиться, раз с ней Валико.

Поддерживая грудь двумя пальцами, Марика наклонилась и, стараясь не дышать, поцеловала пахнущий молоком розовый лобик ребенка. Валико посмотрел на тонкий профиль Марики.

— В кого у нее такой нос? — поглаживая рукой свой горбинкой нос, недоумевающе спросил он. — А ты знаешь, она похожа на маленькую мышку, — сказал он, открывая в радостной улыбке ровные белые зубы, точно сходство с мышкой могло доставить Марике большое удовольствие.

Рослый, плечистый, в хорошо пригнанной по фигуре спецовке, по привычке откидывая курчавую прядь с высокого, обожженного солнцем лба, Валико, мягко ступая, зашагал по комнате.

— Она родилась нам на счастье, — сказал он, улыбаясь. — Как раз в день ее рождения меня приняли на работу. Видишь, я уже в спецовке, даже в сапогах. Ты не представляешь себе, Марика, какой изумительный человек главный инженер строительства. Он совсем не посчитался с тем, что я только что окончил институт, и принял меня десятником, доверил мне очень ответственный участок. Что, она заснула?

— Да, — шепотом сказала Марика.

Валико осторожно поднял с колен Марики ребенка и, неумело держа девочку на вытянутых руках, бережно положил ее в коляску.

Потом он пошел к Марике, прижал ее к груди и стал осыпать поцелуями лицо и руки жены.

— Я тебя теперь больше люблю. Ты мне стала еще дороже! И это маленькое беспокойное существо... Теперь это самое дорогое, что у меня есть. Все будет хорошо. Ты ни о чем не беспокойся. Я до работы буду успевать приносить продукты, да и после работы во всем буду тебе помогать. Эх, нет у нас

с тобой здесь бабушек! А может, ты поедешь к своей матери в Батуми или отвезти тебя к моей в деревню, пока ты...

— Нет, нет, что ты. Я никуда без тебя не поеду.

Валико довольно рассмеялся.

— В том-то и дело! А разве я смогу без тебя оставаться?

Он наклонился над коляской.

— Главное, у нас чудная девочка. А как мы ее назовем, нашу Мышку-Норушку?

— Тамрико.

— Ну, что же. Не возражаю.

Валико, спохватившись, посмотрел на часы:

— Ого! Мне пора! А ты покушай, пока она спит. Отдохни. У тебя же на сегодня все есть.

Валико поцеловал Марику и, вздохнув от сознания ответственности за счастье дорогих ему существ, вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

* * *

Марика лежала на тахте, свернувшись в комочек. Было уже поздно, а ей не хотелось вставать, раздеваться... В комнате горела настольная лампа, разливая скудный свет из-под зеленого абажура, и Марике была видна кровать Мышки-Норушки, в которой сейчас спала девочка. В комнате было тихо, тихо было и за стеной у соседей. Значит, было очень поздно. Под ложечкой у Марики сосало, хотелось есть. Последнее время она так плохо питалась, кое-как, на ходу. Не успевала она одна справиться с ребенком, уборкой, базаром. Но не это ее беспокоит сейчас — главное, он, Валико. Вот и сейчас нет его... Марика чувствует, как ей хочется закричать, громко заплакать. Но ведь это ничему не поможет. А как вначале все было хорошо! Как она была счастлива с Валико! А когда родилась Мышка-Норушка, он стал особенно заботливым, внимательным. «Ты, пожалуйста, спи, отдыхай, пока есть возможность», — говорил он.

Когда она просыпалась, Валико уже не было дома, а на столе стояли бутылки с молоком, хлеб и продукты, из которых она должна была готовить несложный обед. Конечно, она уставала от работы, уставала с девочкой, недосыпала, но стояло в дверях комнаты показывать Валико, как всю усталость с нее точно рукой снимало. Веселый, шумный, Валико сразу же бросался к коляске, брал на руки девочку, которая взвизгивала от радости и, дрыгая ножками, тянулась к отцу. Краснощекая, упитанная, она больше не походила на маленькую мышку, но для Валико и Марики она так и осталась Мышкой-Норушкой. Так звали ее и соседи.

Квартира у Валико с Марикой была небольшая — одна комната с кухонькой и открытым обшцом балконом, который выходил во двор. С балкона была видна горбатая улица, кончавшаяся небольшой лестницей, по которой поднимался домой Валико.

Время для Марики тянулось медленно и уныло, и только к концу рабочего дня она оживлялась. Она радостно расставляла на столе тарелки, резала тоненькими кружочками помидоры, мелко крошила лук, зелень — таким любил салат Валико. Марика взбивала и без того пышные золотистые волосы и выбегала на балкон. Взгляд ее не отрывался от лесенки. Она была милой и родной, когда по ней поднимался Валико, который, увидя Марику на балконе, вспыхивал от радости и быстрыми шагами устремлялся домой.

— А где моя Мышка-Норушка?! — кричал каждый раз с порога Валико, и девочка с радостным визгом бежала к отцу. Она усаживалась к нему на колени и послушно ела все, чем ее кормил отец. И если Валико ее сам укладывал спать, она тотчас засыпала.

— Она тебя любит больше, чем меня, — ревниво говорила Марика.

— Ну, что ты, Марика, — смеялся довольный Валико.

Вечерами он сидел дома. Иногда Марика читала вслух, и они спорили о прочитанном. Телевизора у них не было.

— Для детей, говорят, вредно. Обойдемся, — как-то сказал Валико.

Почему же теперь все пошло прахом? И снова Марике хочется закричать и громко заплакать. Почему же так сразу?.. А разве сразу?.. С чего же все началось? Неужели с того самого дня, когда она впервые с ним поссорилась? Это было год тому назад, весной. Этот день запомнился ей навсегда. А ведь ничего особенного как будто и не произошло. Просто Валико тогда очень запоздал к обеду и пришел только вечером, когда Марика уже собиралась укладывать девочку спать.

— Ты знаешь, Марика, у нас новый прораб, — весело закричал он еще с порога комнаты. — Очень симпатичный человек, — поднимая на руки подбежавшую к нему девочку, говорил Валико. — Вот я и задержался.

Глаза у Валико как-то особенно блестели, видно было, что он в приподнятом настроении.

— Не надо накрывать на стол, я не буду есть. Обедал в ресторане.

— В каком ресторане?

— Да гедь там, недалеко от нас есть ресторан. Мы пили за твое здоровье, за Мышку-Норушку. Наш прораб не позволил никому платить. — Валико озабоченно провел рукой по курчавой голове. — Конечно, я в долгу перед ним не останусь. Вот получу зарплату... — Валико обнял Марику, поцеловал. От него пахло чесноком и водкой, Марика тогда очень расстроилась и, отодвинувшись от Валико, отвернула лицо. Он сконфуженно рассмеялся.

— Ну вот еще, что с тобой, Марика?

— Ты ведь знаешь, как я не люблю пьяниц.

Валико расхохотался.

— Какой же я пьяница, — искренне смеялся он. — Вот, право, смешная девочка! Я выпил каких-то пару стаканчиков.

— Привыкнешь.

— Да что в самом деле, — уже недовольно сказал Валико. — Как тебе не стыдно из-за таких пустяков поднимать скандал?

— Какой же скандал. Я просто сказала...

— Прошу тебя. Не надо устраивать мне сцен. Я не пьяница. Пил с товарищами. От одного-двух стаканчиков ничего со мной не случится. Без этого тоже нельзя. Вместе работаем, вместе иногда и выпьем.

Но это «иногда» стало повторяться все чаще и чаще.

И Марика не может примириться с тем, что Валико приходит навеселе, что от него пахнет водкой. Каждый раз слезы подступают к горлу, и каждый раз она старается не показывать этого Валико. Она уже знает, что его это только раздражает, отталкивает от нее.

Вначале она упрекала его, ссорилась с ним, даже плакала, пока ему это не надоело. Однажды он грубо оборвал ее: «Не устраивай мне сцен из-за пустяков. Я взрослый человек и имею право поступать так, как нахожу нужным. Довольно. Кончим. Раз и навсегда! Ты добьешься того, что я вообще не буду приходить домой». И он сердито отстранил тянущуюся к нему Мышку-Норушку.

И Марика его больше не упрекает. Она просто делает вид, что ничего не замечает, но с каждым днем между ней и Валико растет неприязненное чувство отчужденности. Да, Валико стал совсем другим. Такой раньше спокойный, мягкий, он теперь раздражается из-за каждого пустяка, часто грубо обрывает ее, даже не дослушав до конца, приходит домой под вечер. Первое время он еще садился за обед, который она по несколько раз подогревала, ожидая его. Но ведь она видела, что есть ему не хотелось, что он был сыт и слегка навеселе, потом он и вовсе перестал стесняться.

— Убери со стола, — говорил он. — Я обедал. Я устал, возьми ребенка и дай мне отдохнуть, — добавлял он раздраженно и ложился на тахту. Спал он обычно до позднего вечера, а Марика только вздыхала. Постепенно установилось, что Валико перестал помогать ей по дому. Она не может забыть тот вечер, когда впервые увидела Валико сильно пьяным. Уставшая за день, она прилегла на тахту, а Мышка-Норушка, которой было уже полтора года, сидя на полу, раскладывала кубики. Марика начала было дремать, но тут с треском распахнулась дверь, и она увидела Валико. Пьяный, он с трудом стоял на ногах. Мышка-Норушка с радостным криком бросилась ему навстречу. Обняв его колени и заглядывая ему в лицо загоревшимися от радости глазенками, она тянулась к нему, ожидая, что отец возьмет ее на руки. Но Валико сердито вырвал ногу, и Мышка-Норушка, отлетев от сильного толчка в сторону, упала, сильно ударившись головой об пол. Марика вскочила с тахты и взяла девочку на руки. Мышка-Норушка не плакала. Побледневшая, испуганная, она только дрожала и прижималась к матери. Валико, с трудом держась на ногах и спотыкаясь, дотопился до кровати и, стянув с себя пальто, повалился на постель.

— Что ты делаешь? — закричала Марика. — В грязных сапогах на кровать?

Прижимая к себе дочку, она подошла к мужу.

— Прошу тебя, сними сапоги, — говорила она, с отчаянием смотря на Валико, так сейчас не похожего на любимого ею человека. Ворот его рубахи был расстегнут, глаза бессмысленно и пьяно смотрели куда-то мимо Марики. Из полуоткрытого рта на подушку стекала слюна. Валико беспокойно заворочался и вдруг грубо и цинично выругался. И это был ее Валико, от которого раньше никто не слышал бранного слова! Валико наклонил голову, и его стошнило прямо на постель. Облегчив себя, он перевернулся на живот и захрапел.

Так и просидела Марика тогда всю ночь у кровати девочки, прикладывая мокрое полотенце к ее головке. Мышка-Норушка пугливо вздрагивала и только под утро заснула тревожным сном.

На другой день Валико ничего не помнил.

— Это никогда больше не повторится, — сконфуженно говорил он, стирая под краном покрывало. — Я просто, видно, перебрал. Много выпили вчера. Не сердись, Марика. Зато я хорошо подработал.

— Как подработал?

— Ну... понимаешь... Мне прораб устроил частную работу. Платят хорошо. Работа срочная.

— Не надо, Валико, прошу тебя, не связывайся.

— Вот смешная девочка! Я же не ворую. Просто выкраиваю время. Не обязательно же мне торчать целый день на строительстве.

— Не нужно это нам, Валико. Обойдемся без частных заработков. Пришлет же нам твоя мать продукты из деревни. Прошу тебя, — Марика горько плакала. — Ничего я не хочу. Я готова голодать, лишь бы ты не пил.

— Хорошо, Марика, перестань. Дай мне только закончить... — сказал Валико. — Я должен закончить работу. Не могу же я подвести людей. — И, обнимая всхлипывающую Марику, смущенно добавил: — Даю тебе слово, что так скотски напиваться больше не буду.

Тогда же Валико, положив перед Марикой несколько кредиток, сказал:

— Справляйся как-нибудь с домом сама. Мне некогда. Я работаю. Постарайся укладываться в то, что я буду тебе давать.

Но с каждым месяцем Валико приносил денег все меньше и меньше. Их еле хватало до следующей зарплаты, и Марике все чаще приходилось занимать в долг у соседей. Валико уже не приходил домой трезвым. Он стал неряшливым, по несколько дней ходил небритым. Что-то чуждое ему раньше, неприятное появилось в выражении его глаз. После той ночи, когда она впервые увидела напившегося Валико, что-то оборвалось в душе Марики. Иногда ей казалось, что она его больше не любит. Нет, нет, она его любит по-прежнему, но нет у нее больше того ощущения радости, счастья, которое она испытывала раньше, встречая его с работы. Нет, не радость, а вечную тревогу испытывает теперь Марика за Валико. Ее уже не беспокоит то, что она и в новом учебном году не может поступить в институт. Все мысли Марики теперь только о Валико. Что делать? Идти жаловаться, просить помощи у главного инженера? Нет — этого делать нельзя. Это значит унижить и Валико, и себя. Вот если бы мать Валико повлияла на него... Но она так редко приезжает к ним, да и то на несколько дней. Каждое лето ждет ее с внучкой в деревне, а она, Марика, боится оставить Валико одного, девочке же так нужен деревенский воздух.

У Марики сжимается сердце от жалости к ребенку. После того вечера, когда пьяный отец оттолкнул ее, Мышка-Норушка не бежит больше к нему навстречу, а, увидев отца, испуганно устремляется к Марике. Если Валико трезвый и берет ее на руки, глаза девочки вспыхивают радостью, и она становится веселой. Но ведь это бывает теперь так редко. Девочка растет худенькой, бледненькой. С большими, всегда тревожными глазами, с маленькими торчащими ушками и остреньким подбородком она и вправду кажется Марике маленькой, пугливой, беспомощной мышкой. И сердце у Марики сжимается от горя. А разве она, Марика, не стала такой же пугливой, беспомощной, жалкой? Она жалеет девочку и ничего не делает, чтобы побережь ее.

Не спит и Мышка-Норушка. Ее маленькое сердечко тревожно бьется, сжимаясь от страха. Она знает, что раз тот папа, который ее ласкает, подбрасывает на руках и берет в сад гулять, не пришел к обеду, значит, сейчас, когда стало темно и мама зажгла свет, придет другой папа. Он будет шататься и кричать на маму, а мама тоже будет кричать и плакать.

Мышка-Норушка вздрагивает от каждого шороха, прислушивается, не идет ли по балкону тот папа, которого она боится, и, приподнимаясь на кровати, смотрит на лежащую на тахте мать.

Марика вскакивает с тахты.

— Ну вот, я так и знала, — огорченно говорит она и садится около кровати девочки. — Спи, детка, — ласково увещевает ее Марика, снова укладывая в постель. — Засни, я посижу с тобой.

Мышка-Норушка улыбается, закрывает глаза и, прильнув щекой к руке матери, засыпает. А Марике не заснуть, пока не придет Валико.

* * *

Наступил последний месяц жаркого лета. В Тбилиси было душно от горячего солнца, раскаленных крыш и асфальта.

Марика заметно изменилась — с похудевшего лица сбегал румянец, ее синие глаза потеряли свой лучистый радостный блеск. Ее все раздражало — рев заводского гудка, звон бегущих по улице трамваев, грохот грузовых ма-

шин, вся сутолока большого города. Вечная тревога за ребенка, за Валико лишала Марику сна, и не отдохнувшая за бессонную ночь она с трудом бралась за домашнюю работу, которая до отказа заполняла весь ее день. Иногда, уже под утро, забываясь недолгим тревожным сном, Марика решала, что нужно положить конец всему, уйти от Валико, но наступал день, и она понимала, что не сможет этого сделать. Она успокаивала себя тем, что все это временно, что Валико опомнится и снова все будет хорошо.

И вот однажды, когда в Тбилиси было особенно душно, Валико сказал Марике:

— Знаешь что, я возьму отпуск, и мы поедем в деревню.

И вот сегодня Валико работает последний день, а завтра они все вместе уедут в деревню к его матери.

Радостно готовилась Марика к отъезду. Еще бы! Валико последние две недели приходил домой к обеду вовремя, возился с девочкой, помогал Марике, как в те счастливые дни, о которых Марика так часто вспоминала. И ей стало казаться, то, что омрачало ее жизнь, ушло навсегда и никогда не вернется. В радостных хлопотах она не заметила, как прошло время и закончился рабочий день, и, когда часы пробили семь, Марика, спохватившись, стала спешно переодеваться. Она бросилась к зеркалу. В нем отразилось ее осунувшееся лицо с лихорадочно блестящими глазами. Сердце тревожно билось. Валико опять запаздывал. А вдруг... Нет, нет, ничего не могло измениться — он уже взял билеты, да и вообще... Марика каждую минуту выбегала на балкон и жадно всматривалась в белешую в конце улицы лесенку.

По лестнице поднимался сосед. Он заканчивал работу на два часа позже Валико. За спиной Марики скрипнула дверь, и по балкону пробежала ее соседка с папкой для нот в руках. Значит, было уже поздно. Только сейчас Марика заметила, что солнце зашло и наступили сумерки. Летели секунды, бежали минуты, уходили часы. Она все стояла на балконе, всматриваясь в едва видневшуюся в сгустившейся темноте лесенку. Она потеряла ориентацию во времени, ничего не чувствуя, не замечая, поглощенная одной мыслью, что Валико придет пьяным. В окнах домов вспыхнул свет. Марика вошла в комнату. На столе белела скатерть, с балкона в комнату через открытое окно проникал слабый свет. У стола на полу сидела притихшая Мышка-Норушка. Ей хотелось спать, но мама плакала, и Мышка-Норушка боялась к ней подойти. Она знала, что мама закричит на нее, заплачет еще громче и будет кричать, захлебываясь от плача: «Оставь меня! Не до тебя, понимаешь, не до тебя!..».

На балконе кто-то выключил свет. В комнате сразу стало темно, и Мышка-Норушка заплакала. Марика зажгла свет и, горько плача, взяла ее на руки. Целуя и обливая маленькое личико слезами, Марика стала ходить с ней по комнате, думая о Валико.

Уже поздно ночью, положив уснувшую девочку в кровать, Марика вышла на балкон. Шел дождь. Марика подставила свое разгоряченное от слез лицо свежему ветру, с удовольствием вдыхая влажный от дождя воздух. Она немного успокоилась, и ей захотелось поверить, что Валико задержался на работе и придет трезвым. Но безжалостная стрелка часов перевалила уже за полночь, а мужа все не было. Заплакала девочка. Марика бросилась в комнату, но, укачав ребенка, снова вышла на балкон. Ее заплаканные глаза опять впилась в белешую в темноте лесенку. Дождь усилился. Из водосточных труб шумно бежали мутные струи воды, звенели последние трамваи, мчались по улице запоздалые машины. Измучившейся женщине казалось, что все это мешает ей услышать шаги мужа.

Когда темное небо уже посветлело, на омытой дождем, чистенкой лестнице показался Валико. Он с трудом поднимался по мокрому, скользким ступенькам. Увидев стоявшую на балконе жену, он нахмурился, опустил глаза и, стараясь идти прямо, медленно направился к дому.

Марика с внезапно забившимся сердцем вбежала в комнату. Не отдавая себе отчета в том, что делает, она в растерянности заметалась по комнате и, сама не зная зачем, взяла на руки потную, разгоряченную девочку и села на тахту. Чувствуя, как от волнения холодеют руки и темнеет в глазах, Марика ждала Валико, стараясь встретить его спокойно, хотя все в ней дрожало от гнева.

Недовольный уже тем, что Марика ждала его на балконе, чувствуя свою вину перед ней, он еле сдерживал растущее в нем раздражение, которое вызывал в нем несчастный вид сидевшей с ребенком жены. С трудом держась на ногах, Валико подошел к Марике.

— Почему ты не спишь? — раздувая ноздри от нараставшего в нем гнева, обдавая Марику винным перегаром, закричал он и схватил Марику за плечи.

Марика не выдержала. Оттолкнув от себя Валико, вне себя от горя, она закричала:

— Вот до чего ты дошел! Утром приходишь! Ненавижу, презираю тебя! Ты гадкий, мерзкий человек!

Бледное, осунувшееся лицо Марики дрожало от ненависти. Она всем своим существом ненавидела этого чужого сейчас для нее, так не похожего на ее Валико отвратительного человека.

— Мерзкий пьяница!

Лицо Валико побалгровело от гнева, в глазах вспыхнули безумные искорки. Сжав челюсти, тяжело дыша и раздувая ноздри, точно закусивший удила конь, он покачнулся, и тяжелый кулак твердо опустился на лицо Марики. Спасаясь от озверевшего мужа, крича от боли и обиды, Марика выбежала на балкон, прижимая к себе полумертвую от страха девочку. Валико, тяжело дыша, грузно повалился на кровать, чувствуя лишь одно желание — заснуть.

А на балкон уже бежали встревоженные криком Марики соседи.

* * *

Валико так и проспал в неудобной позе, одетый, в грязных сапогах. Поднялся он с постели продрогший, с онемевшей рукой, на которой лежал всю ночь. Тело неприятно ломило, болела голова. В висках стучало. Хотелось пить. С трудом передвигая ноги, Валико пошел на кухню, открыл кран и подставил разгоряченную сном голову под струю холодной воды. И только вытираясь полотенцем, понял, что он проспал одетым. Он постоял, не решаясь войти в комнату. Как Марика встретит его? Она, верно, уже встала. Он прислушался. В доме стояла непривычная тишина. Может быть, Марика ушла с девочкой за молоком? Хотя бы. Ему хотелось оттянуть момент встречи. Стараясь ступать как можно тише, Валико робко вошел в комнату. Ни Марики, ни девочки там не было. Часы, стоявшие на письменном столе, показывали половину первого. Не может этого быть! Как он мог так проспать? Он посмотрел на ручные часы. Разбитые, мутные от грязи, они не работали. Часовая стрелка стояла на цифре три... Значит, он их уронил или... Неужели он падал? Он посмотрел на измятую постель со следами грязи. Чувствуя, как стыд обжигает его до самых корней волос, Валико сдернул с кровати покрывало и только хотел идти с покрывалом на кухню, как вдруг заметил пустую кровать Марики. На кровати девочки не было и матрасика. Он увидел выдвинутые пустые ящики шкафа, в которых обыкновенно лежало белье Марики и девочки. Что же это такое? Он бросился к шкафу. На вешалках висели только его костюмы, плащ и сорочки. Марикиных платьев и летнего пальто не было. Неужели она ушла с девочкой? Но куда же? Нет, нет, она бы не сделала этого. Это какое-то недоразумение.

Успокаивая себя, что Марика никуда не могла уйти с ребенком, Валико метался по комнате. И тут он увидел на письменном столе записку. Ему пришлось перечитать ее несколько раз: «Я сейчас вылетаю с девочкой в Батуми. К тебе больше не вернусь».

Еще не осознав всей степени несчастья, которое обрушилось на него, Валико машинально опустился на стул. Мысли его путались. Он силился восстановить в памяти вчерашний день: получив последние триста рублей за надстройку и отпускные, он решил со всеми вместе обмыть это. Пили в общем зале. Потом почему-то перешли в комнату около кухни, очевидно, было поздно...

Валико, напрягая память, пытался вспомнить, что было потом. Требовал самый дорогой коньяк. Это он помнит. Кричал... Стучал по столу... Кому-то давал деньги... С кем-то обнимался... Кого-то хотел бить... С кем-то шел по грязи... Падал... Горели фонари... Как в тумане помнит он скользкую лесенку, Марику на балконе. Потом... Она что-то кричала... Он тоже кричал. Нет, дальше он не помнит... вернее, старается не вспомнить... Какое теперь имеет значение то, что было. Главное сейчас — вернуть Марику. Но как она могла уехать одна? Верно, помогли соседи... Значит, что-то... За стеной было тихо. Но ведь их нет. Они в деревне. Шалико один. Он, верно, сейчас на работе. Нет, нет, никого не нужно спрашивать. Ведь ясно, что они улетели. Каким же рейсом? Верно, утренним. Каким бы ни вылетели, они уже там, дома.

Заложив руки в карманы, ссутулившись, Валико ходит по комнате. Как она могла на это решиться? Так сразу? Но почему сразу? Разве он впервые... Когда же это началось... Неужели с приходом к ним этого Гурама...

Валико наступает ногой на что-то мягкое. Это — плюшевая обезьянка без одной ноги с облезлой головой и отбитым носом. Самая любимая игрушка дочки.

Чувствуя бесконечную нежность к облезлому другу Мышки-Норушка, Валико бережно кладет обезьянку в кроватку девочки. Ну о чем тут думать? Зачем он теряет время? Он сегодня же вылетит в Батуми и привезет их.

* * *

В Батуми шел дождь, окутывая серой пеленой небо и землю. Валико стоял у окна и упорно смотрел на мокрые деревья, грязные лужи и мутные ручьи воды, бежавшие по улице. Он смотрел, не замечая ничего. Не хотелось верить в то, что случилось. Но от этого нельзя было ни уйти, ни спрятаться. Он докатился, дошел до последней грани человеческого падения, когда превращаешься в животное, в зверя. И это за один какой-то год... Как он мог поднять руку на Марику? На свою любимую Марику? Да и вообще на женщину? Неужели все началось с одного стаканчика? «Привыкнешь», — говорила Марика. Нет, нет, он не привык. Просто распустил себя.

Если бы Марика могла заглянуть сейчас к нему в душу, она бы поверила в то, что этого никогда больше не повторится. Она поняла бы его.

Валико проводит рукой по курчавой голове. Рука дрожит. А любит ли она его еще после всего? Ведь он сам себе гадок.

Валико решается посмотреть на Марику. Она сидит спиной к нему у изголовья кровати, на которой разметалась в жару их Мышка-Норушка. В комнате тихо. Мать Марики, бесшумно ступая, точно не замечая Валико, подходит к Марике. Обе с тревогой прислушиваются к тому, как тяжело дышит девочка. Валико чувствует, как у него от горя сжимается сердце.

— Не тревожься, Марика, — говорит Валико, не решаясь обнять ее. — Раз начали уколы...

Валико наклоняется над девочкой. Мышка-Норушка открывает глаза, и Валико читает в них страх. Сколько раз она видела его пьяным!

— Не пожалели, не поберегли маленькую, — терзается Марика, и худые плечи ее вздрагивают. Голос Марики звучит жалобно, беспомощно, и сама она кажется Валико такой маленькой и обиженной. — Не пожалели, не поберегли, — причитает Марика, а для Валико ее слова сливаются с дождевой дробью — так тебе надо... так тебе надо!..

Простит ли? Вернется ли?

Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ

ШИРОКАЯ ПАНОРАМА ГРУЗИНСКОГО СЕЛА

Роман «Кабахи» Ладо Мрелашвили писал более десяти лет. (Первая его книга, вышедшая давно, была тепло отмечена и читателями, и литературной критикой). Сейчас, когда вся работа завершена и уже отстоялись первые впечатления, наступил момент высказать отношение к этому роману, определить его значение и место в современной грузинской литературе.

В апрельском номере журнала «Мнатоби» за 1973 год была опубликована пространная и интересная статья Александра Каландадзе «Торжество добра», посвященная этому роману. Надеюсь, эта моя статья — далеко не последняя, появятся немало других, и таким образом выкристаллизуется общая оценка «Кабахи». Кто знает, возможно, найдутся и недовольные романом критики и в оценке этого произведения не будет полного единодушия. Я же с самого начала хочу заявить, что «Кабахи» представляется мне одним из интересных и значительных произведений современной грузинской литературы.

Каждый читатель отбирает для себя образцы произведений литературы и искусства, исходя из субъективных ощущений, — наиболее близкие по духу, более или менее отвечающие его индивидуальному вкусу. Это не возбраняется и литературным критикам. Но они, в отличие от рядовых читателей, по профессиональному долгу не имеют права строить свои суждения исключительно на субъективных пристрастиях и не видеть, не замечать, не признавать достоинств художественных произведений, даже по своему стилю далеких от их личных симпатий.

В современной грузинской прозе нельзя не замечать повышенного интереса к морально-этической проблематике, тяготения к философскому и психологическому осмыслению материала. Эта тенденция, вызывавшая в начале определенное раздражение (если не сказать больше) у некоторых консервативно настроенных критиков, теперь в своем лучшем проявлении находит всеобщую поддержку. Доброжелательно встречаются и произведения, новые по форме, в которых замысел писателя преимущественно реализован за счет исследования внутреннего мира героя, выявления движений его души, а время и место действия строго локализованы. Да иначе и быть не может — неприятие нового в любой области лишь тормозит развитие, а в литературе сковывает творческую фантазию, лишает ее многообразия.

Но в литературе новые тенденции и формы не подразумевают обязательную замену уже устоявшихся. Памятуя об этой простой истине, Ладо Мрелашвили сумел обойти сложную «борьбу за обновление» литературы и остаться верным жанру социального романа. В этом смысле автор «Кабахи» не является исключением: приверженцев этого важного жанра среди современных писателей не убавилось, хотя социальному роману пришлось пережить в свое время некое «падение репутации», когда порой за счет острой актуальности социальных проблем скрывалась художественная беспомощность. Для многих даже сама попытка поднять социальную проблему не увенчалась успехом, и они «выезжали» лишь за счет значимости жанра. И, к сожалению, не так уж редко преуспевали. Но мы хорошо помним или должны помнить, какие масштабные, классической значимости произведения были созданы именно в жанре социального романа. Этот жанр процветает и сегодня, и нет никакого повода для сомнения в его будущем. В современной грузинской литературе социальный роман представлен десятками произведений. Среди них «Цветение лозы» Константина Гамсахурдиа и «Волшебный камень» Константина Лордкипанидзе, без которых не мыслится наша национальная литература. Сейчас в этом ряду полноправно занял свое место и «Кабахи» Ладо Мрелашвили. В целом это, бесспорно, яркое и талантливое произведение.

«Кабахи» — обширное эпическое полотно, в котором страстно, живо и насыщено, во всей полноте представлена жизнь грузинского села. В романе поднято бесчисленное множество проблем, которыми живет сегодня наше крестьян-

ство. Перед читателем разворачивается настолько широкая панорама сельской жизни, что ее можно назвать подлинно художественной летописью грузинской деревни 50-х годов. Сегодня, когда грузинская общественность так горячо борется за утверждение принципов социалистической морали и с горечью констатирует факты отдельных недугов и уродств, имевших место в жизни республики за последние десять-пятнадцать лет, обличительный пафос «Кабахи» звучит особенно остро и актуально.

Ладо Мрелашвили с гражданским мужеством разоблачил в своем романе такие пороки, как безразличие к общественному долгу, стяжательство, взяточничество, своеволие, беззаконие, и как истинный писатель выполнил свой трудный долг, громко и честно сказав об этом. Вообще грузинская общественность не вправе быть в претензии к своей литературе: несмотря на то, что еще не так давно у иных руководителей критика не была в почете и не ощущала поддержки, в произведениях грузинских писателей последних лет со всей определенностью проявилось разоблачительное начало, хотя, возможно, обличительная нота звучала в них приглушенно, во всяком случае не с той смелостью и звонкостью, с какой бы нам хотелось. Недооценивать этого факта не следует. К числу таких произведений и следует отнести «Кабахи» Ладо Мрелашвили.

Возможно, кое-кого счастливый конец романа приведет к мысли о том, что это в какой-то степени нейтрализует его обличительную силу. В его финале действительно найден выход из всех трудных ситуаций, разрешены все проблемы, торжествует справедливость. Исходя из этого. Александр Каландадзе и озаглавил свою статью «Торжество добра». Пожалуй, Ладо Мрелашвили, в самом деле согрешив против жизненной правды, поспешил доставить радость всем хорошим и добрым людям, наказав всех злодеев. Такой итог представляется не совсем убедительным. Но вполне обоснованная вера писателя в торжество добра в нашей общественной жизни позволила ему, не согрешив против правды художественной, именно таким светлым финалом завершить роман.

Судьбы грузинской деревни никого не могут оставить сегодня равнодушными. Наше общественное благополучие и прогресс, наша национальная самобытность, моральная чистота и чувство гражданского долга в значительной мере переплетены с ними. И когда в одной из опор нашего бытия появляется трещина, ее надо и заметить вовремя, и вовремя ударить в колокол, и вовремя ликвидировать беду.

Вот почему так резок Ладо Мрелашвили в своем отношении к разоблачаемым недостаткам в жизни села, так гсущает краски, хотя и не изменяет этим жизненной правде. И все, что он обнажает в своем романе, подморожено не со стороны, узнано не из кратковременных наездов в кахетинское село, которое для писателя является частью его души. Читая роман, все время ощущаешь, что автор не только точно знает жизнь села, но и заглядывает в ее глубины прозорливым и заинтересованным взглядом и описывает это, не заронив в наши души ни крупинки недоверия. А коль уже завоевано доверие, то обязательно сполна принимаешь те — будь они сами горькими или отрадными — факты и события, которые служат раскрытию главной идеи романа. Разве можно не радоваться тому, что на селе есть немало людей, которые, даже хлебнув горя, не перестают отчаянно бороться с несправедливостью, отдавая этой борьбе весь пыл души истинного гражданина.

С горечью пишет Л. Мрелашвили о тех людях, все устремления которых направлены на свой приусадебный участок; дела же колхозные, общественные отодвигающих на задний план; молодежи, стремящейся уйти из села и совершенно не настроенной продолжать дело своих отцов и дедов, а потому с легкостью прожигающей жизнь в кутежах, охоте, рыбалке; о заботящихся лишь о собственном благополучии, ищущих во всем лишь выгоду для себя. Он показывает некоторых сельских руководителей, утративших чувство собственного достоинства, забывших о своем долге и охваченных страстью стяжательства, служащих дурным примером для односельчан, то и дело нарушающих закон, покрывающих темные дела жуликов и избавляющихся от тех, кто пытается им противостоять. Все эти беды в романе нашли живое и полнокровное отображение. Читатель видит, как беззащитно хозяйничают эти сбившиеся с пути руководители и их угодники, как они греют руки на общественном добре или на личной собственности крестьян.

С развитием действия в роман вводятся все новые и новые персонажи, и нельзя не отметить с удовольствием, что Ладо Мрелашвили для каждого портрета, для каждого персонажа — большого или малого значения — находит яркие и точные краски. Поэтому все они в большей или меньшей степени оригинальны и интересны.

Биография, жизненные принципы, взгляды и инстинкты большинства персонажей психологически подготавливают нас к тому, что они либо сами являются источником зла, либо подпали под его влияние, либо из страха закрывают на все

11035730
11010333

глаза. Но самые отточенные и законченные, наиболее точно и четко выраженные образы — это председатель колхоза Нико, бригадир Тедо, заведующий столовой Купрача, председатель сельсовета Наскида, секретарь райкома Луарсаб, заведующий винным ларьком Вахтанг. Именно они заставляют нас задуматься над тем, как страшны и опасны носители такой морали, как исподволь разлагают они все вокруг себя.

Тедо, Наскида и Вахтанг по характеру, воззрениям и эмоциям — люди крайне примитивные. Целеустремленность их направлена только на извлечение личной выгоды из всего, ничто другое их не занимает. Они не склонны к самоанализу, потому даже не ищут для самих себя каких-либо оправданий и на чисто свободны от угрызений совести. Ими движет неосознанная животная жадность. Во имя чего? Не прожито ни одного радостного и светлого дня, их сердца ни разу не были встревожены настоящим человеческим чувством, их сознание никогда не посетила ни одна благородная мысль, они так и не поняли, что такое чувство долга, которое продиктовало бы им хоть один достойный и прямой шаг в жизни. Тедо в первый день войны воткнул себе в ногу ржавый гвоздь и так до конца войны остался инвалидом. Как одинокий шакал в опустевшем без мужчин селе он спокойно председательствует и без зазрения совести эксплуатирует семьи погибших на войне, строит для себя дома. Теперь же, после укрупнения колхоза, он считает себя обиженным, роль бригадира его не удовлетворяет, и он изо всех сил, ценой интриг и клеветы, рвется в председательское кресло, которое занимает Нико, старается его очернить в глазах секретаря райкома. Наскида тоже «целеустремлен»: все его помыслы и энергия направлены на возведение собственных домов и вымогательство денег у крестьян. Вахтанг же не настолько умен и сообразителен, чтобы сориентироваться в обстановке и самому найти для себя бьющий мутным ключом источник дохода. Зато он не обделен советами и указаниями «друзей» и широко пользуется их поддержкой, чтобы сполна удовлетворить свою неумную жадность.

Но отнюдь не все отрицательные персонажи так просты и прямолинейны. Значительно сложнее, полнокровнее образы Нико, Луарсаба и Симона — Купрача и тем ужасающее производимое ими впечатление.

У председателя колхоза Нико свои, совершенно определенные взгляды и принципы в жизни, свое понимание взаимоотношений между людьми, долга, человеческих забот и настроений. Зло и непорядочность не заложены в его натуре. К должности председателя он шел через батрачество. Старый Фома напоминал Шавлего: «Ты тогда еще маленьким был, но, как председательствовал Нико, все-таки помнишь. Дед твой на арбе доставлял домой хлеб и вино. Председатель сам не хапал и другим не давал. Потом время все же сделало свое дело. И не заметили, как начал жить иначе, как покатылся и сегодня еще остановиться не может. Надоело ему быть хорошим человеком. Понял, что не устоять ему, вот сам и стал таким».

Действительно, лиха беда начало. Потом же все было легко, просто, и Нико вдруг завяз в грязной луже: он тащит домой завезенные в село водопроводные трубы и овец из колхозной отары, не брезгает денежными махинациями. Но он осторожен и на этом строит свою философию: «Село — это курдюк, его надо так выгопить, чтоб и выгода была, и не заметил бы никто», «Лучше поменьше, да послаще, а то ведь и оскомину можно набить... от жадности».

Бесспорно, прав Шавлего, когда не соглашается с дядей Фомой: «Наверное, с самого же начала имел он приверженность к личному, а вы не замечали. А если и не имел, то, значит, не годились у него тормоза...». Так или иначе Нико не устоял перед соблазнами и приложил свои руки к колхозному добру. Но в отличие от подонков в нем не погасли добрые инстинкты, свойственные крестьянину. Его личный виноградник не пострадал от града, но, глядя на колхозный виноградник, который полностью побит, у Нико «комоч подступил к горлу». Нико близко принимает к сердцу историю несчастья Сабеды, которую ему рассказывает Шавлего; слушает его, взволнованно вышагивая взад-вперед, «задумавшийся, притихший». Потом с облегчением восклицает: «Слава богу, что спасся!». Искренна и его исповедь: «...Не знаю, как посмотрю завтра людям в глаза... сделал глупость, как будто сберег деньги. Если бы застраховал виноградники, кое-какие льготы все же имел бы. Просчитался. Каждый год страховал. Нынче же черт попутал. Хотел деньги спасти. В некоторых селах даже баня своя есть, я же и клуба не построил. Что я должен распределить на трудни? Чем заставлю колхозника выйти на работу? У крестьянина одна философия: стоит перед ним миска, и смотрит он: наполнится она — поет, опустеет — плачет».

Пристрастие к личной собственности не убило в Нико хорошего, рачительного хозяина, и это проявляется постоянно. И потому понятно, когда Шавлего в конце романа предлагает на собрании избрать инициативное правление, сильного парторга, при которых Нико будет хорошо работать.

Но Нико хитер и лицемерен. Общаясь с ним, трудно обнаружить, что у него на душе: ласковыми словами он пытается завоевать души разгневанной молодежи; от него можно услышать только одно обращение: «сынок» или «доченька», даже тогда, когда его душит гнев. Так обращается он к Русудан, Шавлего, Ревазу, ко всем, кто справедливо высказывается против него. Когда Реваз сам обмеряет его приусадебный участок и доказывает, что он присвоил намного больше земли, чем позволяет колхозный устав, Нико и здесь не теряет самообладания: «А ну, сынок, в чем ты хочешь обвинить меня перед народом и властью?..», «А ну, скажи, сынок...», «Насладись, сынок...», «Что ты хочешь, сынок, что ты ко мне привязался?..». Когда же его вина доказана, он не пытается оправдываться и доказывать свою правоту. Лишнюю землю без разговоров отрезает от своего участка, сразу же соглашается с агрономом на дополнительное начисление трудодней молодежной бригаде и на собрании не цепляется за председательское кресло.

Но это тоже от лицемерия. Во время его паточно-сладкой беседы с молодежью в уме его созревают совсем другие замыслы: «Я в такой банке их запру, что и потом изойдут и от холода издохнут», «Это булавочный укол, а у меня в руке кинжал, наточенный от острия до рукоятки». И он способен погубить человека, как погубил бригадира Реваса, с пехотой прошедшего путь до самого Берлина, только потому, что он самый реальный претендент на пост председателя колхоза. Жесткие замыслы одолевают его и по отношению к другим односельчанам, и он прибегает к тысяче хитрых уловок, чтобы всадить в спину кинжал по рукоятку. Жертвами вероломства Нико были и один из трудолюбивых сыновей Сабеды, и муж его бывшей любовницы. И даже сломленный и уничтоженный, Нико не может отказаться от своих черных дум — в его голове один за другим созревают планы, как избавиться от нового мужа Марты — охотника. Како. Но удача не всегда сопутствует ему.

Нико принес в жертву своей эгоистической натуре все и вся: счастье дочери, судьбу любимой женщины. И возмездием ему было полное одиночество.

Герой такой сложной и раздвоенной природы, характер и суть которого раскрыты с предельной полнотой и ясностью так напряженно и художественно интересно, — несомненно, большая победа писателя. Нико — жертва собственного эгоизма и себялюбия. Возможно, иногда невзначай и возникнет в нашей душе сожаление по поводу превратностей судьбы Нико, которая поначалу щедро одарила его добром, а потом начисто вытравила в нем отзывчивость и чуткость, но вынесенный писателем приговор справедлив, другой участи у Нико быть не может.

Таким же сложным и противоречивым выглядит в романе Ладо Мрелашвили и секретарь райкома Луарсаб. С одной стороны, Луарсаб порядочный человек, искренне удивляющийся тому, что развелось столько собственных автомашин и дач, он догадывается о том, что плуты и жулики обводят его вокруг пальца, добиваясь его согласия на то, что потом становится для них источником денежных доходов. Потому, как грибы после дождя, вырастают рестораны, духаны, хинкальные. Сам он непосредственно непричастен к этим нечистым делам. Первый конфликт его с зятем произойдет потому, что тот, прикрываясь его именем, бесплатно кутит в ресторанах. Он не мирится и с легкомыслием своей жены, которая то и дело меняет курорты и губит дочь, связавшуюся с каким-то пьяницей и бездельником. Как секретарь райкома он прекрасно осознает свои обязанности, им в достаточной степени владеет чувство ответственности, он старается заботиться о людях. Но все это не может оправдать его перед обществом. Мягкотелый человек, который не в состоянии противостоять всему дурному и в итоге на все махнувший рукой, не должен быть облечен властью.

Луарсаб проявил свою несостоятельность как руководитель и свою беспомощность пытается прикрыть злоупотреблением властью... Это и выводит его на неправильный путь. Теперь уже все «хорошо» и «справедливо». Способных руководителей, таких как третий секретарь райкома Теймураз, подвергнуть преследованиям, невиновных наказать, виновных — покрывать, к доносчикам — прислушиваться. Вокруг него крутится Тедо, ищущий возможности преступить закон, Шавлего же Луарсаб пригрозил арестом — ему не нравятся сильные и активные личности. Его честолюбивую натуру могут утолить только льстецы, подхалимы, пресмыкающиеся, хотя и к ним он не питает ничего, кроме презрения.

Но сам Луарсаб чувствует, как постепенно отходит от людей, в которых развито чувство справедливости; они активно противостоят злу, он чувствует правду в их протесте и потому не выносит их, они его раздражают, он понимает, как разошлись их дороги. Вот его размышления вслух: «Теймураз? Вот кто должен был быть моим зятем... Но я для него то же, что для осла мята. Твердого характера парень, далеко пойдет, сукин сын! Да, далеко пойдет, если допущу... Куда бы его еще направить?».

16035341
19901933

И в итоге все помыслы секретаря райкома направлены на то, чтобы как-нибудь помешать другим проявить себя, любым способом удалить всех тех, кто жаждет сделать полезное дело. Но нам совершенно ясно, что своевольничать Луарсабу уже недолго. Теймураза поддерживают новый председатель райисполкома и секретарь райкома комсомола, да и Шавлего не опустил руки, и в той атмосфере, которая создалась в районе, Луарсабу не устоять.

Из отрицательных героев особое внимание привлекает своей новизной и резкостью изображения еще один художественный образ — это заведующий столовой Симон, по прозвищу Купрача.

В отличие от Луарсаба Купрача полон энергии и жажды деятельности, он даже своей завидной деловой хваткой импонирует Шавлего. Хотя эту энергию, которой он наделен с избытком, всю, до конца Купрача расходует на обдольвание своих темных делишек. Без всяких угрызений совести обдирает он всех, попадающих в его духан, в частности спустившихся в Чалиспири горцев. Поэтому и есть у него дома, машины, деньги: он сколотил состояние. «От сотворения мира одни ищут брод, чтобы через реку перейти, а другие не могут глоток воды раздобыть, пропадают от жажды», «Один умный человек сказал: или надо быть орлом, чтобы взлететь на высокую скалу, или змеей, чтобы вползти на нее», «Один рождается охотником, другой — дичью». Вот его философия. Купрача не прячется, не скрывает своих темных махинаций, без обиняков рассказывает о них Шавлего, делится способами, с помощью которых он обдирает людей, и искренне недоумевает: «Совесть зачем должна меня мучить? Не мучает. Если не Купрача, то какой-нибудь Геге или Ванца пришел бы. Разве клиенту не все равно, кому переплатить деньги?».

Купрача не ханжа и не лицемер, как Нико и ему подобные, он волк и не прикрывается овечьей шкурой.

Образы Нико, Луарсаба, Купрача, этих стяжателей, честолюбцев, жуликов, автор умышленно выделил из той массы, которая широко и впечатляюще представляет в романе жизненное зло. Писатель не оставил неразоблаченными приезжих доцентов и корреспондентов, прибывающих в село из города и ведущих себя достаточно безнравственно, не гнушаясь подачками и сомнительными услугами. Но самая большая боль автора — это село, его неразрешенные проблемы и заботы.

Ведь потому и чувствуют себя вольготно на селе низкие душонки, подобные Тедо, Наскиде, Вахтангу, и многие другие перечисленные и неупомянутые, что, к сожалению, жива еще порода, для которой безделье и выброшенный из милости кусок хлеба милее настоящей человеческой жизни. Главная же беда в том, что многие честные труженики села как бы примирились с большим или будто незначительным злом, даже от души смеются над пошлыми остротами и выходками распоясавшихся дельцов и их приспешников.

Писатель с мастерством раскрывает чистое, здоровое моральное начало, жажду труда, присущие истинному грузинскому крестьянству. И все эти персонажи, которых трудно даже перечислить, хотя вроде бы и инертны, и никто с них многого не спрашивает, несут в себе самый ценный заряд жизненной правды.

Крепкий старик Годердзи ни перед кем не склоняет головы, он может осадить наглого инструктора райкома и поставить его на место. Но разве этого достаточно? Что с того обнаглевшему молодцу, которому ничего не стоит пригрозить старому человеку? И это ему сходит, как сходило много раз и до этого случая, потому что напуганный оскорблениями человека из райкома бригадир неуклюже отступил, а вместе с ним и другие предпочитают промолчать, потому что сила и на подъеме пашет. Все это сочли частным случаем, не задумавшись о том, откуда у райкомовского работника такие господские замашки, а ведь это и есть тот злой корень, который надо выкорчевывать.

С горечью и обидой дедушка Годердзи возражает своему внуку Шавлего, приехавшему из города, в ответ на его выговор, что «стыдно, мол, грузину не иметь вина в доме»:

«— Виноградники, которые вдвое больше, чем наши, председатель раздает своим родственникам и друзьям...

Разве мне принадлежит только то, что я имею? Кто первым вступил в колхоз? Кто первым отдал в колхоз лучшую лошадь и буйволов? Кто внес в колхоз три полдесятины земли? Кто первым объединил все добро?.. Это мы сделали революцию и выгнали меньшевиков... А ну, скажи, парень, где здесь равенство? У братьев жены Нико такие виноградники, что они еле управляют, мне же выкинули одну пядь — если плюнешь в начале участка, плевков до конца его долетит».

Но это опять-таки минутный взрыв возмущения и досады. И не только один дед Годердзи, многие будто притерпелись к такому положению. Молодежь просто уходит из деревни...

Именно в показе этих действующих и активных зол проявляется самая сильная сторона произведения.

Писатель целенаправленно подводит нас к выводу, что селу, народу нужны сильные и умные вожак, которые смогут посвятить свою жизнь борьбе за общенародное дело, и какой бедой может обернуться руководство случайных людей, пекущихся только о своих благах.

Народ богат сильными, умными, активными, самоотверженными людьми, которые непременно поведут его в наступление против всех пороков и уродств, мешающих им жить. И в романе «Кабахи» мы видим таких героев: и Реваз, и Теймураз, и Шавлего не колеблясь поднимаются над личными интересами во имя интересов народа. От таких, как они, и будет исходить сила морального здоровья и нравственной чистоты. Сельская молодежь и ее вожак комсомолец Эрман видят смысл и радость жизни не в бессмысленном времяпрепровождении и развлечениях, а в деятельности на пользу обществу: не покладая рук работают они по осушению земель, чтобы прибавить колхозу несколько гектаров плодородной земли, смело выступают против несправедливости, протаскивая в своей сатирической газете всех нечистых на руку, и особенно председателя колхоза Нико. Преодолевший в себе страсть к вину, Закро теперь более мужественно проявляет свою благородную сущность и, потянувшись за другими, тоже выступает против явной несправедливости и подлости. Писатель убедительно показывает, какими добрыми, трудолюбивыми, нравственно здоровыми людьми населена деревня и какие большие дела им по плечу, если во главе стоит достойный, самоотверженный в работе руководитель. Реваз, например, с первых страниц романа противопоставлен председателю Нико, он во всеуслышание разоблачает все исходящие от него беззаконие и несправедливость, говорит без обиняков все это прямо ему в лицо. Человек, наделенный таким характером и темпераментом, как Реваз, не может ни закрывать глаза на большое или малое зло, ни мириться с ним. Удел и назначение таких людей — быть во главе народных масс. Но солдат, прошедший по тяжелым фронтовым дорогам Великой Отечественной войны, весь путь до Берлина, он погибает в своем родном селе. Стойко перенеся все испытания на полях ратных сражений, Реваз не смог противостоять вероломным приемам жуликов и бандитов. Наделив своего героя такой трагической долей, писатель еще острее заставляет пережить горечь несправедливости, еще более упорно внушает нам мысль о том, что борьба со злом должна быть первейшим долгом каждого истинного гражданина. К этому выводу мы приходим, следя за развитием образа Теймураза, который на протяжении всего романа ведет борьбу с секретарем райкома Луарсабом со свойственной ему принципиальностью, смелостью, энергией и честностью.

«Беспокойным был род Шамрела» — так вводит нас писатель в историю этого честного и прославленного своим мужеством рода, к которому принадлежит и Шавлего. И он не способен мириться с несправедливостью и беззаконием. Он безжалостно преследует наглых браконьеров, которые отравляют воду, одергивает зазнавшегося инструктора райкома, сурово разоблачает секретаря райкома Луарсаба в его кабинете за преследование самого порядочного и делового человека на селе. Сеять добро — потребность души Шавлего. Он заступник и для молодежи, и для стариков. Он не позволяет обидеть одинокую старую женщину Сабеду. Шавлего предан своему делу — историк по профессии, он, приехав на короткое время в родное село, не теряет времени даром — собирает ценный материал для своей научной деятельности в будущем. Но он близко к сердцу принимает нужды села и серьезно обеспокоен всем, что там происходит. Не колеблясь Шавлего вступает в борьбу за справедливость. Когда он узнает о том, что Реваза оклеветали и обвинили в краже пшеницы, реакция его была мгновенной: на вздыбленном скакуне он бросается ему на помощь. Им руководит сознание того, что в настоящую минуту Реваз самый нужный селу человек, что он должен возглавить колхоз и повести народ за собой. Шавлего понял вдруг, что в спасении Реваза главный смысл всех его усилий, его главная задача. Но когда Реваз погибает, Шавлего берет руководство колхозом в свои руки.

Он человек действия, и, если село в настоящую минуту нуждается в нем, у него достанет сил перечеркнуть свои планы, оставить науку и возглавить людей, чтобы увенчать добром начатое дело.

Несмотря на то, что писатель не скрывает своей любви к Шавлего, его герой отнюдь не всегда, как говорится, бывает на высоте. Большое место в романе отводится любовной линии — взаимоотношениям Шавлего и Русудан. Русудан — один из обаятельнейших женских образов современной грузинской

прозы. Ее красота, ее духовно богатая натура делают образ этого молодого агронома особенно ярким и впечатляющим. Мы верим в глубину чувств, возникших у Шавлего и Русудан. Автор придал большую драматическую напряженность этой сюжетной линии и не приукрасил характера Шавлего, не сделал из него безупречного, ни в чем не ошибающегося героя, который обычно вызывает куда больше сомнений и недоверия у читателей. Просто, на мой взгляд, именно в этом романе, наполненном такой горечью, счастливый конец со всех точек зрения еще просто не созрел. Словом, нам не хочется навязывать автору свой исход этой романтической линии, которую можно было решить и так, и иначе. Писатель вправе сам решать, как поступит его герой в той или иной ситуации. Но с одним все же трудно согласиться: раз уж минутная необдуманность и невольная измена Шавлего разбила эту чистую, возвышенную любовь, автор должен был более глубоко обосновать этот психологический жест своего героя. Слишком уж легко, поверхностно отнесся Шавлего к случившемуся в тот роковой момент, и это никак не соответствует проявившимся ранее свойствам его натуры, способной только на сильное чувство. Эта глубокая травма навсегда останется душевной драмой и для Русудан, и для Шавлего. Но жизнь залечивает раны, впереди у каждого из них большой и интересный жизненный путь, и пройти его они должны с достоинством.

Я уже отмечал, что счастливый финал романа не нейтрализует, а бы сказал — не смягчает того тяжелого впечатления, которое на протяжении развития действия вызывают у нас показанные автором несправедливость, беззаконие, равнодушие к людям. И потому остается ощущение стремительно форсированного финала, от чего роман в какой-то степени утратил достоверность. Дело не только в том, чтобы убедить всех в торжестве добра. Обнаженная рана всегда вызывает у человека желание приложить максимум усилий, чтобы залечить ее. Все, о чем рассказано в романе, призывает к активному противодействию. Но писатель, конечно, имел все основания довести действие романа до торжества добра. И сделать это не так, чтобы Шавлего мгновенно решил бы все нерешенные проблемы. В первый же день своего руководства колхозом он уладит вопрос о строительстве клуба, разрешит установку водоначки, определит новый порядок распределения участков, закладки новых садов и бесчисленное множество других проблем. И сделает все это довольно странным образом. Для постройки клуба он возьмет у Купрача огромную сумму, деньги для водоначки потребует у другого дельца — Вахтанга, а они не колеблясь решатся на это. Такой простой, как по мановению волшебной палочки, выход из всех трудностей, вышеченных и подчеркнутых на протяжении всего романа, вызывает некоторое недоверие к финалу, ощущение поверхностного решения. Естественным и закономерным концом произведения нам кажется эпизод избрания Шавлего председателем колхоза. В этом факте уже само собой подразумевается начало новой жизни. А коль скоро действие продолжало развиваться, необходима была большая убедительность, обоснованность отдельных деталей и подробностей в показе первых шагов деятельности Шавлего.

Одно несомненное и самое замечательное достоинство, которым обладает роман и которое выделяет его в потоке современной прозы, — это богатый, щедрый язык. Тот, кто прочитает «Кабахи», не может не почувствовать этого, не ощутить чувства глубокого удовлетворения, вызванного сочностью народного говора, богатством фразеологизмов, привлеченных с большим тактом и чувством меры, отшлифованной, насыщенной литературной речью автора. Нам импонирует неторопливая, спокойная манера повествования, с тонко подмеченными деталями, которые по-настоящему заставляют ощутить «вкус» того, о чем рассказывает писатель. Этот момент тем более обращает на себя внимание, что, как мне кажется, в современной грузинской прозе в некоторой степени проявляется тенденция нарочитого обеднения языка.

Но иногда Л. Мрелашвили излишне увлекается скрупулезными подробностями, мельчайшими деталями, и действие от этого как будто начинает развиваться вяло, эпизоды кажутся растянутыми. С живым интересом воспринимаются моменты рыбной ловли, очень точно написан эпизод, когда к Сабеде пришли по поводу вина, но в общую композицию романа они, возможно, вписываются трудно, кажутся непропорционально растянутыми. Такое же чувство вызывают и неоправданные длины в описании природы, когда вдруг начинаешь ощущать бесполезность подчеркнутой красочности художественной ткани. Для раскрытия образа Русудан очень важно было показать ее резкий конфликт с трактористом. Напряженный момент этого столкновения не получился цельным, и впечатление от него ослаблено тем, что вдруг почти у его кульминации писатель увлекается восторженным показом картины природы, и одолевающие нас при чтении перепелки, сверчки, кузнечики замедляют темп развития сюжета, отвлекают от напряженного хода событий, снимают драматизм

этого конфликта. Можно перечислить еще много отдельных моментов, которые смогут убедить нас в том, что роман перегружен малозначительными, а иногда и вовсе лишены смысла эпизодами. Вот, например, Шавлего долго (и непонятно зачем) гадает на ладони Флоры, предсказывая ей судьбу, или довольно пошлая и банальная его беседа с ней о замужних и незамужних женщинах и еще в том же духе написанные моменты, которые никак не украшают образа Шавлего. Не производят должного впечатления также его частые и долгие беседы с врачом. Затронутые в них проблемы вряд ли имеют отношение к основной линии романа, а в силу своей поверхностности они вообще теряют всякий смысл.

Вообще же надо сказать, что у обладателя этих странных воззрений доктора Сандро еще более странная биография, и в этом романе он выглядит совершенно чужеродным элементом. Его присутствие кажется очень искусственным, как будто кто-то привел этот персонаж сюда из другого мира. Его напыщенная манера разговора, рассказы о дружбе с Хемингуэем, о дне рождения, отмеченном в окрестностях осажденного фашистами Мадрида, о фантастической погоне за возлюбленной по дорогам Франции или Африки, которую он застал умирающей в леопольдвильской больнице, о путешествии в Америку на выигранные в головокружительных скачках деньги и о других подобных чудесах способны вызвать лишь скептическую улыбку. Но писатель хочет, чтоб мы отнеслись к этому персонажу всерьез, и пытается внушить симпатию к нему, убедить нас в том, что Сандро и здесь, в кахетийском селе, не покладая рук работает над решением проблемы рака, так как в Леопольдвиле у остывшего трупа своей возлюбленной он поклялся посвятить всю свою жизнь раскрытию этой тайны.

Так что произведение, пожалуй, приобрело бы более законченную и компактную форму, куда более совершенную композицию, если бы писатель отказался от многих бесполезных эпизодов.

Конечно, никто не может навязать автору свои пожелания и потребовать от него работы над романом именно в том направлении, которое на наш взгляд самое правильное. Но «Кабахи» именно то значительное для Ладо Мрелашвили произведение, которое требует от автора самой тщательной работы над ним и, думается, необходимости еще раз самокритично и требовательно вернуться к тексту. Поняв это, писатель, возможно, и сочтет полезными для себя некоторые из высказанных нами замечаний и пожеланий.

ПУТЬ ДРАМАТУРГА

Однажды в редакцию журнала «Накадули» пришел никому доселе не известный молодой автор. Он принес свой первый рассказ. Рассказ был детский и назывался «Приключения мышонка». Автору его было тогда всего семнадцать лет. На него обратила внимание редактор журнала — выдающаяся писательница и общественный деятель Нино Накашидзе. Ей понравился рассказ, и вскоре он был напечатан в «Накадули». Это окрылило юного автора, и спустя короткое время он предложил редакции второй свой рассказ «Пропавшие дети». За ним последовали «Рассказ дедушки» и «Мечты Тамари»...

Так началась литературная деятельность одного из старейших грузинских драматургов Георгия Нахуцришвили, чья писательская индивидуальность, как видно из этого маленького экскурса в прошлое, определилась очень рано. Этому, надо полагать, способствовали условия его жизни и воспитания. Родители Георгия, уроженцы селения Хашми близ Сагареджо, жили в Тбилиси, но не порывали связи с деревней и каждое лето ездили в родное село. Отец драматурга, писатель и общественный деятель Давид Нахуцришвили, часто наезжал в Хашми и Сагареджо и вместе с другим хашминцем, известным писателем и книгоиздателем Иосифом Имедашвили вел культурно - просветительную работу среди крестьян. Они читали лекции, распространяли журналы и газеты, ставили спектакли, словом, продолжали традиции грузинских народников.

В Тбилиси у Давида Нахуцришвили был широкий круг знакомств среди деятелей того времени — артистов, писателей, редакторов - издателей. В его доме часто гостили представители передовой интеллигенции, и за радужным грузинским столом тут нередко возникали беседы и горячие диспуты о нуж-

дах народа, о наболевших вопросах грузинского театра и литературы. Любопытный мальчик затаив дыхание, жадно вслушивался в эти споры...

Когда Георгию исполнилось шесть лет, родители отдали его в частное учебное заведение, где он получил первоначальное образование. Через два года, успешно сдав приемные экзамены, он был зачислен в младший подготовительный класс Тифлисской первой мужской гимназии, которую и окончил в 1920 году. Год спустя поступает в Тбилисский государственный университет на социально - экономический факультет.

Детские и юношеские годы Георгия текли вольно и беззаботно. Но вскоре обстоятельства сложились так, что ему пришлось довольно рано начать трудиться и взвалить на себя бремя повседневных забот о семье. В связи с болезнью отца резко ухудшилось материальное положение семьи, что и вынудило юношу временно оставить учебу и искать работу.

Но университет он все же окончил и даже работал по специальности — экономистом - плановиком. Это был период некоторого перерыва в занятиях литературой, так как служба отнимала все его время, все силы. Но и эта пора не прошла бесследно — в воображении молодого автора созревали новые образы, характеры и сюжеты, готовые вылиться в литературные произведения.

Благоприятно на его творческой деятельности сказался переход в Музей революции Грузии в качестве научного сотрудника. Эта работа оказалась не только вполне созвучной его душевному настрою, но и давала возможность, вновь отдаться любимому делу. К тому же при музее имелась богатейшая библиотека, в которой хранились сочинения классиков мировой литературы, труды классиков марксизма - ленинизма, комплекты старых и новых журна-

лов и газет, интереснейшие воспоминания старых революционеров, уникальные историко - архивные документы.

В 1936 году Музей революции был присоединен к Тбилисскому филиалу Института марксизма-ленинизма. Георгий Нахуцришвили занимается переводом произведений классиков марксизма-ленинизма. К тому времени уже во всей своей полноте раскрывается его своеобразный талант. В 1933 году отдельной книгой выходит повесть «Отец посла», спустя год — другая повесть «Сильва Васильев», а вскоре и роман «Мгел - каца». В основу их положены четко выраженные воспитательные идеи, донесенные до читателя посредством ярких художественных образов и живых картин. Интрига в них завязывается так же неожиданно, как и завершается. Но такая развязка подготовлена логически последовательным развитием действия. Манера повествования динамична, даже самое реальное событие приобретает романтический оттенок, обогащается яркими красками и образами. Язык — красочный и сочный.

Юных читателей в повестях Г. Нахуцришвили привлекают главным образом их сверстники-герои, которые своим поведением и приключениями служат примером для подражания, наставляют на путь гражданственности. Эти произведения заслуженно принесли ему славу интересного прозаика. И вдруг во второй половине тридцатых годов писатель переключается на драматургию. Предпосылки этого перехода от прозы к драматургии, на мой взгляд, коренятся в самих же его беллетристических творениях, которые отличает яркая обрисовка персонажей, ясное видение колоритных характеров, внутренний драматизм, живой и индивидуализированный диалог. А именно это и составляет требование драмы. И вот когда Грузинский государственный театр юного зрителя на первом этапе своего расцвета испытывал острую потребность в создании своего, оригинального репертуара и обратился за помощью к грузинским писателям, Георгий Нахуцришвили незамедлительно откликнулся на этот призыв.

Однако столь хорошо зарекомендовавшему себя прозаику поначалу не хватало знания законов сцены. Поэтому первый его шаг был не совсем самостоятельным, и тут на помощь пришло творчество отца, довольно известного в свое время писателя, чьи оригинальные и переводные пьесы ставились на грузинской сцене. Наиболее популярными из них были «Опора семьи», «Янычар», «Заговор Пааты» и другие. Когда в 1923 году по инициативе Нино Накашидзе было решено создать грузинский театр для детей, первым автором, к ко-

торому обратились руководители этого дела, был Давид Нахуцришвили, у которого была уже готова пьеса - сказка «Нацаркекия Кикила».

«Спустя несколько дней, — вспоминает режиссер С. Церетели, — драматург пригласил нас к себе и с улыбкой вручил нам свою рукопись.

— Вот вам пьеса «Нацаркекия». Постарайтесь не провалить ее».

Начались репетиции. Премьера спектакля «Нацаркекия Кикила» состоялась 25 ноября 1923 года.

Мы столь подробно рассказали об этом потому, что в основе первой пьесы - сказки Георгия Нахуцришвили «Нацаркекия» лежит именно эта пьеса его отца, правда, основательно переработанная. В свою пьесу Нахуцришвили внес много новых персонажей и сцен, обогатив тем самым ее содержание и придав элементам сказочности более жизненный колорит.

Первой же его пьесе присущи черты, которые стали основной и характерной особенностью всего последующего творчества драматурга. В «Нацаркекии» им выдвинуты на первый план социальные взаимоотношения людей — на основе противопоставления добра и зла живо обрисованы характеры, показаны правдивые картины жизни, посредством легкого, искрометного юмора осуждены отрицательные черты людей: жадность, равнодушие к чужой беде и т. п. Хотя художественная фактура пьесы была взята из сказок, она живо откликалась на современность, способствуя воспитанию человека, свободного от пережитков прошлого.

Увлечательный сюжет и ярко выраженная воспитательная тенденция завоевали «Нацаркекии» признание и популярность. Трудно назвать другую такую пьесу для детей, которая в столь короткий срок нашла бы столь широкое распространение как у нас в республике, так и за ее пределами.

Вскоре редкое чувство сценичности, оперативность и острохудожественная образность уже выделяли Г. Нахуцришвили среди других драматургов. Через год Грузинский государственный театр юного зрителя ставит его историко-биографическую драму «Ладо Кецохвели», сыгравшую значительную роль и в творчестве писателя, и в развитии грузинской советской драматургии. Пьеса срочно обосновалась в репертуаре грузинских театров, была переведена на русский язык и поставлена во многих городах Советского Союза, в том числе в 1939 году в Москве.

Драма эта правдиво отображает героическую жизнь и деятельность выдающегося грузинского революционера, горячего пропагандиста ленинских идей в годы революционного подъема. Высокообразованный, одаренный редким ор-

ганизаторским талантом, бесстрашный и самоотверженный борец за интересы родины и народа, Ладо Кецохвели был грозой для царского самодержавия. Царизм, видя в нем опасного врага, заточил его в 1903 году в Метехской тюрьме и там вероломно с ним расправился.

Именно эта сложная жизнь и легла в основу пьесы Г. Нахуцришвили. Драматург глубоко проник в характер своего героя и с большой человеческой теплотой обрисовал его. Зрители заставив дыхание, с волнением следили за сценической жизнью Ладо Кецохвели и проникались к нему сочувствием. Реакция зрителей всегда была искренней. Содержание пьесы, несмотря на исторический характер, служило сегодняшним задачам воспитания.

Двадцатилетию со дня основания Ленинского комсомола Грузии драматург посвятил историко-биографическую драму «На линии огня» («Борис Дзедзедзе»). В том же году пьеса была поставлена на сцене Грузинского государственного театра юного зрителя выдающимся грузинским режиссером А. Такайшвили. На долю этой постановки выпал большой успех, и на протяжении многих сезонов она являлась одним из любимейших спектаклей молодежи.

Так в процессе творческой работы над своими же рассказами и сказкой «Нацаркекия», с одной стороны, и над драмами «Ладо Кецохвели» и «На линии огня», с другой, сформировалось своеобразие тематики пьес Георгия Нахуцришвили. Его поиски шли в двух направлениях: сказочно-бытовом и историко-биографическом. Обе эти линии развивались параллельно, нигде не противостоя друг другу. В обоих случаях драматург проявляет глубокое знание разрабатываемых тем и ясную целенаправленность.

После революционно-романтических пьес Г. Нахуцришвили пишет комедию-сказку «Комбле». Основная ее идея — это бесстрашная и непримиримая борьба против несправедливости. В основу «Комбле» автор положил «Сказку о безбородом» Сулхана-Саба Орбелиани, но использовал ее творчески, обогатив новыми персонажами и сценическими ситуациями.

В 1940 году, когда «в воздухе пахло грозой» и оборонная тема стала важнейшей в советской литературе, служа целям воспитания молодежи в духе готовности к защите Родины, Г. Нахуцришвили одним из первых откликнулся на это требование. Его пьеса «Маленькие вояки» («Ачакуне») была написана в комедийном плане и убедительно отвечала поставленной задаче. В игру «в войну» удачно вплетены патристические мотивы, показаны инициативность, сообразительность детворы

и их умение действовать смело и изобретательно. Они «воюют» по-настоящему, изобретают всевозможные «стратегические» хитрости, воображая себя выдающимися полководцами прошлого.

В 1946—1947 гг. драматург пишет две комедии на современную тему — «Прошли те времена» и «На краю пропасти». Особенно интересным и увлекательным оказался сюжет первой пьесы, по которой композитор Шалва Азмайпарашвили создал оперетту «Желанный жених».

За этими комедиями последовали драмы «Авлабарская типография» («Великий памятник», 1950 г.), «Генерал Леселидзе» («Перелом», 1952 г.), «Цицамури» (1957 г.), «Пиросмани» (1960 г.), а затем опять комедии-сказки — «Чинчрака» (1962 г.), «Шайтан-Хихо» (1964 г.), комедии «Нино» (1966 г.), «Ревизия» (1967 г.) и «Али-Баба» (1969 г.).

В пьесе «Авлабарская типография» ощутимо уже более глубокое знание революционного прошлого. Как известно, Авлабарская подпольная типография сыграла большую роль в распространении ленинских идей в Закавказье. Однако типография интересует драматурга не сама по себе, а как фокус, в котором сходятся основные пути революционного подъема начала девятисотых годов, и с этой точки зрения автор разворачивает перед нами панораму идейной направленности, характера и движущих сил этого подъема.

Нахуцришвили побуждает нас глубоко заглянуть в душу народных масс, ощутить и осознать гуманистическую, интернационалистическую сущность большевизма, колорит эпохи и индивидуальные черты характеров.

Пьесе «Перелом» драматург посвятил Великой Отечественной войне советского народа. Действие начинается с напряженных дней временных неудач и отступлений Советской Армии. Главный герой пьесы — генерал Леселидзе. Драматург не жалеет красок, чтобы по возможности ярче запечатлеть образ этого замечательного советского генерала. Его герой чрезвычайно обаятелен и человечен. Он — и умный, храбрый полководец, и верный друг, и любящий отец. Генерал Леселидзе, каким изобразил его Г. Нахуцришвили, по цельности своей природы является обобщенным характером и образом советского военачальника.

Нельзя не коснуться вкратце и трагедии «Цицамури». Илья Чавчавадзе — сложная личность. Это — целая эпоха, одна большая глава истории Грузии, и написать о нем биографическую драму — нелегкое дело. Поэтому автор поступил совершенно правильно, ограничившись показом лишь одного важнейшего отрезка его жизни, а именно последних

двух лет, подготовивших цицамурскую трагедию.

Драма носит остропублицистический характер. Действие в основном происходит в Государственном Совете. На его заседании обсуждается вопрос об отмене смертной казни. И в ходе этого обсуждения различные взгляды резко противостоят друг другу. Илья Чавчавадзе подвергает беспощадной критике реакционную политику царского правительства и смело выступает в защиту человеческих прав и человеческого достоинства. Драматургу нигде не изменяет чувство меры. В пьесе Илья Чавчавадзе обрисован, как великий борец-гражданин и чуткий, отзывчивый человек, которому ничто человеческое не чуждо.

После пьесы об Илье Чавчавадзе драматург заинтересовался жизнью Пиросмани. Художник по призванию, рожденный для искусства, этот талантливый человек прошел очень сложный и мучительно трудный жизненный путь. Насколько поэтичен каждый мазок кисти Пиросмани, настолько лишена поэзии его жизнь, прошедшая в нужде и нищете. У него не было настоящих друзей, которые бы по-братски протянули ему руку помощи, поддержали. Все вокруг него оказались глухи и слепы. Трактирщики, которым он расписывал вывески и стены духанов, в лучшем случае — просто жалели «беднягу Никалу». Не было проявлено минимальной чуткости, внимания, необходимых для того, чтобы хотя бы не потерять могилы «бедного Никалы».

Нельзя не проникнуться чувством благодарности к драматургу, который вложил в свое произведение об этом человеке столько любви. Можно говорить о некоторых недостатках пьесы, но главное то, что «бедняга Никала» живет в ней своей жизнью, он непосредствен во всех своих проявлениях и вызывает у зрителя единодушное сочувствие. При

этом огромные трудности для драматурга создавало отсутствие точных и исчерпывающих биографических сведений о художнике. Тем не менее наше представление о нем значительно превосходит существующий о нем фактический материал.

После «Пиросмани» привлекают внимание комедии-сказки Г. Нахуцришвили «Чинчрака», «Шайтан-Хихо», «Али-Баба». Особенно большой успех выпал на долю первых двух. В них мастерски использованы народные маски. Сюжеты народных сказок и басен Сулхана-Саба переработаны и обогащены жизненными мотивами, увязаны с современной проблематикой, в результате чего «старый материал» обретает чрезвычайно актуальное звучание, а изящество формы и легкий юмор придают этим комедиям необычайную привлекательность.

Много работал Г. Нахуцришвили также над инсценировками литературных произведений и переводами. В разное время им инсценированы и поставлены на грузинской сцене «Капитанская дочка» А. С. Пушкина (1936 г.), «Циция» А. Казбеги (1955 г.), «Человек, который смеется» В. Гюго (1956 г.), «Арсен из Марабды» М. Джавахишвили (1955 г.), «Рассказ нищего» И. Чавчавадзе (1958 г.). Им переведены «Особое задание» С. Михалкова, «Детство Горького» О. Форш и И. Груздева, «Овод» Э. Войнич, «Звездный мальчик» О. Уайльда и другие произведения.

Ясность мысли, публицистическая острота, глубокая идейность, мастерское сочетание серьезного с комедийным, умение творчески использовать сюжеты народных сказок, богатая лексика, индивидуализированные диалоги персонажей — вот те черты, которые являются определяющими в драматургии Георгия Нахуцришвили, сверхзадача которой всегда остросовременна!

Принесение

сонета

«Брак аварского стиха с европейским сонетом — это брак по любви, и в нем не было никакого насилия».

Расул Гамзатов «Книга сонетов».

I.

Середина сороковых: сессия. Многие в Литинституте выбрали бы вариант: вместо ремонта отопления — «Поэтику» Б. Томашевского; в библиотеке на единственный ее экземпляр с ветхими, запавшими уголками такая очередь, что к зачету и не рассчитывай получить. А вышло-то ведь шесть изданий!..

Послевоенные годы... Ремни затянуты, ставка на выдержку, счет на минуты и граммы. Но то же ведь и в поэтике. И вчерашние воины, повторяя версию о возродившемся «ладе баллад», поднимали сонет в атаку, впаковывали в него, как в надежнейший вещмешок, весь боезапас.

Не тогда ли и у студента из Дагестана Расула Гамзатова зародилась симпатия к поэтической форме? «Люблю в стихах собранность и дисциплину», — признается сегодня он, публикуя свои сонеты¹.

Кое-кто на сонет смотрит свысока, считая в глубине души, что жанр этот несерьезный, всего лишь площадка для упражняющихся в мастерстве. Что есть какой-то, противоположный «языку заявления» «язык сонета». А попадись сонет критику, тот запрячет его в такой контекст, что упоминать о его формальных особенностях и не потребуется. Будто не существуют сонеты Петрарки и Ронса-

ра, Данте и Шекспира, Пушкина и Брюсова, наших, скажем, Николая Рыленкова и Максима Рыльского². И обращались они к сонету не с самыми что ни есть серьезными намерениями, а сама эта стихотворная форма, родившись в средневековье, не шагала с тех пор в общем строю поэзии, донося до читателя дыханье текущего времени...

Или недостаточно примеров, когда поэт, взвесив возможные преимущества, иной способ оформления замысла отбрасывал, беря в союзники лишь сулящий победу сонет.

О незаменимости сонета свидетельствует большой личный друг В. И. Ленина, революционер, автор поэтических публикаций и книг Г. М. Кржижановский. Сонет он избрал потому, что уверен: его возможности помогут «передать все обаяние вождя, всю неповторимую сложность этого великого характера».

Подобная высокоответственная тема — преобразование мира Великим Октяб-

² Самые первые, азбучные сведения о русском сонете содержит 60-й полутом «Большого энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона (стр. 859—861), в работе Л. Гроссмана «Поэтика сонета» (изд. 1-е — в сб. «Проблемы поэтики», М.—Л., 1925, стр. 117—140). О жанре сонета в советской поэзии: Д. Павлычко. Письма в вечность. Журн. «Вопросы литературы», 1972, № 10, стр. 131—148.

¹ Расул Гамзатов. Книга сонетов. Перевод с аварского Наума Гребнева. Журн. «Дружба народов», 1972, № 5.

рем — подсказала В. Катаеву мысль о написании цикла сонетов («Вопросы литературы», 1970, № 4, стр. 57).

Сонет, написанный многими другими поэтами, подчас преодолевая силу бескрылой инерции, укрощает и сегодняшние страницы, облагораживает их, свидетельствуя о зрелости поэтического мастерства. От стихов, назначение которых звучать во всеуслышание, до немой лирики чувств — эмоциональный радиус действия этого жанра.

Однако выступление Гамзатова — не просто доверие сонету. Обратиться к нему его побудило диалектическое понимание формы, ее места в творчестве, в жизни. Высказаться об этом непосредственно в самих стихотворениях было бы, конечно, недостаточной мерой, не вызвало бы резонанса. Вот поэт и отважился впервые в национальной литературе выступить на подобную тему с трактатом «Возможен ли аварский сонет?»

А шестьдесят его сонетов — как бы ответ на этот вопрос.

И прежде всего берется ответить тема.

Правда, тематические сонеты разнообразны. В них — размышления о днях жизни, о неповторимой горной природе, о дальних или родных людях; поэт расценивает их поступки, подсказывает разумнейшее. А то и задумывается над самой любовью, которая, как и всякое зрелое и глубокое чувство, подвержена и сомнению, и скорби по неизбежной утрате. И все это обилие чувств щедро насыщено мыслью. Соединение таково, что нельзя не вспомнить те столь далекое прошлое — маршакские переводы сонетов Шекспира; непременно маршакские; в переведенных Н. Гербелем или даже Т. Щепкиной-Куперник столь характерный и для Гамзатова «поэтический дневник, полный мыслей и чувств» (слова Б. Галанова), ощущается менее явно.

Однако внешне разнообразная тема «Книги сонетов» целенаправленна. Строится она в основном из местного, национального материала.

Таков, если перенумеровать стихотворения на манер шекспировских, сонет № 25.

Обычай старый есть в горах у нас:
Коль провожают замуж дочь родную,

Чтоб род ее навеки не угас,
Вручают ей лунину смоляную.

Горит очаг под крышею мосей,
Горит, твоей лунчиною зажженный,
Которая дороже и ценней
Иных богатств, тобою принесенных.

Горит очаг все жарче и светлей,
Блестят в наших волосах седины,
И, может быть, уже пути не длинны
До тех счастливых и печальных дней,
Когда и мы проводим дочерей,
Им в руки дав зажженные лучины.

Или сонет № 33. Уступая первому в драматизме мысли, он останавливает внимание красотой своего сложения:

Красавицу поэт Эльдарэлав
Посватал из селения чужого,
Но выдали невесту за другого
Ее отец и мать, любовь поправ.

И на веселой свадьбе яд в вино
Подсыпали и дали стихотворцу.
И хоть обман он понял, все равно
Рог осушил, как подобает горцу.

Он поступил, как повелел адат:
То исполнять, что старшие велят.
И рухнув возле самого порога,
Он так и не поднялся, говорят.

Мне кажется, я тоже пью из рога,
Хотя и знаю, там подмешан яд.

В теоретическом вступлении подчеркнута мысль о необходимости для сонета приметы, привычной читателю. Упомянув, к примеру, о Махмуде Эсамбаеве, автор заметил, что тот не расстается с чеченской папахой даже при исполнении танцев народов мира. И окончательно решает: «Пусть разнообразны мотивы моих стихов, но пусть они ходят в горской папахе».

Сделать сонеты национальными прежде всего поможет их тематическое направление.

К такому выводу приходили, наверное, и предшественники аварского поэта: Дельвиг ради сонета забывал «гекзаметра священные напевы», а сам певец Онегина, сконструировавший сонетоподобную строфу, с легкой душой доверил ей «энциклопедию русской жизни».

II.

Но и первый русский сонет был заимствован. Присмотрел его, находясь в Париже, зачинатель нашей профессиональной поэзии и теоретик В. Тредьяковский. «Возможен ли русский сонет?» — задался, наверное, и он таким вопросом.

Для перевода он использовал сонет второстепенного, малозаметного поэта Жака де Барро (1602—1673). И потому именно его, что соблазна Тредьяковского обычная для русской поэзии того времени религиозная тема. Она, рассудил поэт и ученый, поможет неви-

данному «стихотворству» акклиматизироваться на родине. Плюс к тому сонет Барро являлся еще и посланием, по терминологии того времени — мадригалом («комплиментом»), а в России такой жанр также был привычен.

Прилагая затем сонет к своему труду «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний» (1735), оба эти благоприятствующие обстоятельства Тредьяковский и использовал. «Этот жанр, — пояснял он, — есть некоторый род французского и итальянского мадригала».

Современники, кстати говоря, последовали за рекомендацией: сонет Ржевского из журнала «Полезное увеселение» так и был озаглавлен: «Сонет или мадригал».

Не стужал симпатий лишь слог сонета из Жака де Барро, возмущающий слух и глаз необдуманностью языка, разнокалиберностью слов, дикой, неожиданной и необъяснимой инверсией.

А. Сумароков (он писал в журнале «Свободные часы», был убежден, что «стихотворство подобно красавице... Если красавицу одеть в гнусное платье, она много и через убор приятности теряет; так и в стихотворстве, хотя мысли и хороши, да недостает искусства — теряется приятность») сочинил на сонет из де Барро пародию. Однако легко заметить, как остерегается он здесь повредить репутации этой по вкусу прошедшей ему поэтической формы. Сумароков оставляет за пришельцем с Запада «мысль изрядну, стихи порядочны, рифмы богаты», а саму пародию облекает в то же платье сонета.

Но Тредьяковский защищался. Стоило его пародисту заинтересоваться и даже увлечься пропагандируемой им формой, как он возобновил разговор. «Чем можете защитить, — бросил он вызов, — что сонеты у вас точно же сонеты, а не просто так называемые стансы? Сонеты должны быть таковы, как их описывает Буало Депрео во 2-й песне, говоря стих в стих моим переводом» (1)³.

«Защищать» сонет становится традицией.

Остолоповский «Словарь древней и новой поэзии» (1821), создававшийся, кстати, при участии А. С. Пушкина, считал нужным, вернувшись к сонету из де Барро, реабилитировать его. Сообщается, что в нем «не только сохранена

приличная форма, но даже и слог приятнее многих других сочинений сего писателя».

Автор перевода, как считает Пушкин, «имел в русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели... Сумароков»⁴.

Мысль о совершенстве сонета была в 30-е годы доказана Пушкиным и на практике: три его сонета — «Суровый Дант», «Мадонне» и «Поэту» — значительны по мысли, художественно полновесны. Композиция каждого — воплощенное «движение души», о чем мечтает и Р. Гамзатов.

И в то же время, не проходя мимо традиции, Пушкин вслед за Вордсвортом восклицает: «Не презирай сонета, критик...».

От поэта к поэту переходила бесосновательная привычка скредевать вокруг сонета шпаги. В периоды, когда, уступая натиску информации, поэзия высокой проявленности, обобщения в слове ежедневного опыта казалась лишней, а сонет и вовсе оказывался под сукном, практики поднимали за него свой голос. Такова напечатанная в 1959 году «Литературной газетой» интересная, богато аргументированная и неожиданная (переводы Маршака появлялись многими годами раньше) статья поэта Валентина Берестова «Судьба девяностого сонета», где что ни строка — изумление перед выразительной силой поэтической композиции сонета.

Через историю поэзии линия защиты проходит настолько последовательно, что естественно потребность обосновать ее. Сделать это пытались многие. Так, И. Сельвинский в своей работе о «Стихии русского стиха» (впоследствии заглавие было изменено) пришел к заключению: «Появление в России этого итальянского изобретения было встречено, очевидно, враждебно».

Остроумно и очень верно по существу это явление истолковано другим знатоком поэзии всех времен и народов И. Бехером. Его разгадка основывается на теоретическом анализе роли формы, на правильном понимании места сонета, который, по его мнению, способен, создавая в поэзии атмосферу требовательности, предохранять ее — поэзию — от измельчания тематики. «Сонет, — исходя из этого, заключает он, — представляется мне основной формой поэзии». Книгу, из которой взята предыдущее определение, поэт подчинил заголовку: «Защита поэзии»⁵.

³ Имеется в виду «Поэтическое искусство» (1674). Во второй песне Буало приводит закон строения сонета:

«...должно быть два катрена;

Соединяют их две рифмы неизменно;

Двумя терцетами кончается сонет:

Мысль завершленную хранит любой

терцет...»

⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., том II, М., 1949, стр. 253—254.

⁵ Л. Гинзбург. Сонеты Иоганнеса Бехера, в кн.: Иоганнес Р. Бехер. Сонеты, стр. 6, перевод статьи Бехера в журн. «Вопросы литературы», 1965, № 10, стр. 190—208.

старые меха. Тут и вино новое, и меха новые»⁸.

Да, диктата нет, есть лишь мастерское обращение к «проверенным веками премуществам», благодаря которым стихи Вышеславского лучшим образом воплотили тему: сонет, как и сама идея космических полетов, — достижение вершинное каждое в своей области.

Мысль о «напитке» и о «бокале» не верховодила у Гамзатова так же, вероятно, как и в работе украинского сонетиста. Наш автор, уже подойдя к задаче, лишь в процессе работы поразился ее сходству с сонетом. О форме он, по его утверждению, стал заботиться после того, как ему ее подсказали сами стихи. Судя по «аварским сонетам», стихам этим была присуща манера: нагромоздив контрастные образы, столкнув их потом один с другим, неожиданно разрешить противоречие — манера, подводящая к сонету. Жанр этот пришел к нему не как глазом фиксируемое построение, а как такое, к которому сказанное и еще не выраженное близко «по сути, по содержанию, по движению души, по композиции и даже по теме».

В последнее время как-то стал острее процесс взаимообогащения литератур народов Советского Союза. Развитие их выравнивается, на помощь приходит опытнейшая из литератур. Овладение аварской литературы сонетом — звено происходящего. Как все, что воспринимается, оно тогда лишь станет своим, когда будет до конца понято.

«У нас, — замечает во вступлении к сонетам Гамзатов, — уже пытались «Евгения Онегина» перевести онегинской строфой. Стих получился, а Пушкина не получилось. Когда Лермонтова перевели, соблюдая каноны русского стиха, горцы говорили переводчику: для нас не Мартынов, а ты убил Лермонтова».

Сводя все к вопросу о национальной форме, Гамзатов таким путем хочет добиться нужной ему реакции читателя. Так же не свойственна, мол, аварскому и рифма; русскому она присуща; так пусть же переводчик ее введет. Став типичными по форме, стихи создадут впечатление, что и не имеющие рифм аварские подлинники оставались, несмотря на это, сонетами.

Рифма здесь символизирует и другие элементы формы — в справках о сонете они перечислены. Это бездушная форма, способная на «эстетическую про-

вокацию» — т. е. создание видимости пустой схемы (И. Бехер). Если бы только такую форму подразумевал, говоря о «насилии», автор «Книги сонетов»!

Однако не такой, не бессмысленной формы из перечня довольно часто, как оказалось, избегает Гамзатов, а формы в ее положительном значении, такой, которая непременно стала бы ему союзником, мечтая о которой, стихотворение издревле уподобляет человеческому организму; в нем, как пишет Э. Багрицкий, «каждая часть на месте и несет определенную функцию. Каждая буква... должна биться и пульсировать. В стихе не может быть мертвых клеток».

Не будучи в своей «защите сонета» последовательным, Гамзатов, к сожалению, иногда защищает его от такой органической формы. На что цитированные два его сонета представляются совершенными, но и это совершенство, стоит лишить их рифм, кажется невыносимым. Конечно, есть в аварском стихе эквивалент формы, способный передать при его помощи колорит онегинской строфы, есть и эквивалент рифмы для сонета. Заявив: «для меня главное было — сохранить дух и характер сонетов», Гамзатов недодает, однако, читателю нечто для этого необходимое, тут же при этом запасаясь индугенцией: «Конечно, хорошо было бы соблюсти и форму. Но ведь и погода в разных местах бывает разная!»

В результате даром это не проходит. «Дух и характер» страдают. Они, вне «величайшей чуткости, интенсивнейшей работы мысли, неотступного соблюдения законов жанра» (И. Бехер), уже не те. Благодаря соблюдению жанра возрастает сопротивление поэтического материала, обостряется борьба между стратегией сонета и индивидуальной авторской тактикой, что уже — полдела. Н. Рыленкову за то и дорог сонет, что «каждый трепет в нем знаменует ясной мысли ход». Без борьбы не достичь положения, когда, как пишет другой поэт, форма будет восприниматься существующей ради того, чтобы вести мысли по определенному руслу и к определенной цели — к тому, что наиболее полно выражает его идею. Сонетная так называемая «магия» тогда только срабатывает, когда поэт, сумев, как было у Гамзатова, увидеть свой замысел в специфичной для сонета стихии, сумеет и не отступить в борьбе с формой.

О вознаграждении за это мечтает поэтесса Новелла Матвеева:

Завидую далеким временам,
Когда сонет мешал болтать поэтам.
А почему бы, думаю, и нам
Язык не укорачивать сонетом?

⁸ Л. Вышеславский. Слово о сонете, «Літературна Україна», 1963, 18 июня; в дискуссии участвовали также выступавшие в номере от 11 июня, в журн. «Вітчизна», № 4. Статья в «Літературній Україні» от 1 марта (автор Г. Плоткин) рассматривала сонет на широком фоне эпохи.

Нужна узда горячим скакунам,
Обложка — книге, рама — для портрета,
Плотина — разогнавшимся волнам,
Сонет — разговорившимся поэтам.

Сонет благожелательно жесток:
Он не допустит, чтобы лезли мысли
За край листа и бахромою висли,
Он говорит: «Вот финиш мысли. Стоп!»

И если он врасплох мою строку обрубит,
Я не поэт. А он поэтов любит.

Только почему бы, действительно, —
и нам?! Встречая ныне произведения
тех, кто в годы ученья ходил в формалистах, я вижу у них способность использовать функцию формы до конца, проявив тем самым внимание и к читателю. Как никому, им известно: талант литератора — это не одно только вдохновение, а еще и, как писал В. Кожевников, «способность к длительному трудовому напряжению в

борьбе за совершенство», иначе говоря, знание поэтического сопромата.

Пусть многоотраслевое хозяйство русской ли, аварской ли поэзии обзаводится и сонетом, «благожелательно жестоким», подлинным «четырнадцатинузловым бичом» (Г. Гейне). Для поэзии, приближающейся к своей зрелости, принесение в нее сонета знаменательно. Обратит внимание на этапность этого и хочет Р. Гамзатов своим вступлением — по существу, монологом в защиту сонета.

Прежде же всего аварский поэт просто мечтал о том, что при помощи сонета как ловко удалось выразить В. Брюсову («Сонет к форме», 1895):

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.
Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты!

Наш друг Маари...

Первые стихотворения юного Гургена Маари появились в дореволюционной периодической печати Тифлиса и Эревани, одновременно и сразу же привлекли внимание патриарха армянской литературы Аветика Исаакяна. Он предсказал их автору блестящее будущее, назвал его новорожденной яркой звездой на небосклоне армянской литературы. Сам же Гурген Маари впоследствии так охарактеризовал свое творчество:

Взыскующий бессмертной славы,
Ты верил свято и светло:
Одни лишь розы или лавры
Венчают вечности чело;

Но властно будни повелели
Идти в атаку трубачом,
И знать, стремясь к великой цели,
Что мир насилья обречен!

(Перевод Г. Онаняна)

Действительно, в его творчестве, кровно связанном со временем и жизнью родного народа, с высокопринципиальных позиций разрешены многие животрепещущие вопросы современности и, в частности, о единстве личного и общественного, о роли и месте поэзии в жизни общества. Это общественное звучание придало лире поэта веяния нового времени.

На раннем творчестве Гургена Маари сказались влияние западноармянских поэтов (П. Дуряна, Д. Варужана, Сиаманто), а также В. Теряна и других. Но особенно сильное влияние оказало на него знакомство с великим армянским поэтом советской эпохи Егише Чарендом. По существу он и стал литературным наставником Маари, как и многих других молодых поэтов и писателей.

В середине двадцатых годов Г. Маари опубликовал поэму «Ширакский канал», в которой вплотную подошел к поэтическому воплощению советской действительности. Социалистическое строительство отныне стало основной темой его поэтического творчества. Следуя направлению в том же году созданного Чаренцом союза «Ноембер», Гурген Маари некоторое время

пребывал в поисках собственных путей подхода к событиям общественной жизни и внутреннего мира человека, самостоятельного стиля и способов раскрытия жизненных явлений.

Пережив идейную и творческую эволюцию, Гурген Маари вышел на магистральную дорогу армянской поэзии традиций Чаренца. Эта тематическая, жанровая и эстетическая эволюция началась с лирических поэм, продолжилась в балладах и завершилась в сборнике его стихов «Мргаас» («Зрелость фруктов»), в котором более четко проявились оригинальный талант и литературное мастерство поэта. Это особенно ощутимо в поэме об империалистической войне «Зов деревень» и затем в ее логическом продолжении — посвященной гражданской войне поэме «С полуночи до утра».

В 1929 — 1930 годах Гурген Маари написал несколько поэм, в которых показана дореволюционная армянская деревня с ее мрачным бытом и безрадостной жизнью. Поэмы «Последний май» и «Кровью задушенные розы» отражают революционно-освободительную борьбу армянского народа. На эту тему в двадцатые годы писали почти все выдающиеся армянские поэты (Е. Чаренц, Н. Зарянц и др.). В упомянутых выше двух поэмах Маари рисует эпизоды майского восстания рабочих и крестьян Армении в 1920 году, подчеркивает его историческое значение.

Углубление социальной проблематики в поэзии Гургена Маари более многогранно отражено в его балладах. Как и в других жанрах, так и в этом новые пути развития армянской литературы открыл Егише Чаренц. Характерные для его баллад черты — романтическая интонация, драматический сюжет, стремительное действие, оригинальная ритмика — свойственны и балладам Маари. Выразительные возможности этого жанра использованы им при отображении героического содержания произведений, при создании ряда картин революционных боев. Сжато и лаконично выражены поэтом большие идеи и глубокое содержание «Баллады о Баку и о Двадцати Шести», где акцент делается не на от-

дельных эпизодах борьбы бакинских комиссаров, а на их неразрывной идейной связи с теми, кто строит новую жизнь Эпика поэта — свидетельство того, что его талант близок народу, обращен к жгучим проблемам времени.

Изданный в 1933 году объемистый сборник стихотворений Гургена Маари «Мргаас» как бы подводил итог его творческому пути. Он вызвал довольно оживленные споры литературной критики. Чаренц, внимательно следивший за творческим ростом Гургена Маари, дал высокую оценку его поэзии, а сборник «Мргаас» назвал первым вестником советской армянской лирики. И это тогда, когда лирическое стихотворение с трудом находило себе дорогу к сердцу читателя, когда грохот машин заглушал в поэзии биение сердца, любящего и тоскующего. Эмоциональная окраска и лирическая интонация в поэзии Маари доведены до совершенства. Его поэтические строки содержат в себе и прямой логический смысл, и все богатство оттенков чувств и переживаний поэта. Лирик с ярко выраженной поэтической индивидуальностью, он имел свое мироощущение, свой оригинальный голос. Такие качества присутствуют преимущественно в стихах о природе родной страны, которая для него — мост, связующий поэта с родиной. Стихотворения, посвященные родине, привлекают умелым сочетанием революционной действительности и индивидуальности человека: это — песнь о новой жизни, о трудовых буднях народа. Каждая новая весть об успехах Советской страны, о жизни народа обогащает духовный мир поэта красками радости. И свои впечатления от увиденного он передает с такой достоверностью, что все это кажется реально ощутимым.

Благодаря своей актуальности лирика Гургена Маари оставила значительный след в армянской советской поэзии. Для многих современных армянских поэтов она — творческий стимул. Поэзия Гургена Маари, полная юмора и нежности, обогатила армянскую по-

эзию «изысканным и оригинальным мастерством» (Е. Чаренц). 3411353331
* * * 308211101333

В литературе немало примеров, когда поэты становятся прозаиками не только в зрелом, но даже и в преклонном возрасте. Маари было около тридцати лет, когда параллельно с поэзией он начал заниматься прозой. Его первая книга рассказов под заглавием «О любви, ревности и садовых Ниццы» вышла в 1929 году. В то время, как известно, в нашей литературе особенно остро стоял вопрос о любви, о советской семье, о пролетарской этике. И Гурген Маари своим творчеством активно откликается на эти актуальные проблемы.

Оригинальность, мастерство, своеобразие таланта Гургена Маари ярче всего проявились в его трилогии, первая книга которой («Детство») издана в 1929 году, вторая («Отрочество») — спустя год, третья («На пороге молодости») — в 1955 году. И хотя это произведение автобиографического характера, в нем отражена судьба целого поколения в описываемый писателем отрезок времени. Тема трилогии — тяжкая участь той части армянского народа, которая проживала в Западной Армении под турецким игом, ее мучения в первую мировую войну и на дорогах переселения, в период дашнакского господства, хождение по мукам вплоть до той исторической грани, откуда начинается рубеж новой жизни.

Проза Гургена Маари открыла новую страницу в армянской литературе. Как отмечает профессор С. Агабабян, это исключительно интересное явление. По своей оригинальной манере письма Маари не имеет предшественников.

Нам же Гурген Маари дорог не только как замечательный писатель и гражданин, но и как человек, искренне любивший Грузию, друживший со многими деятелями грузинской литературы и искусства. Это получило отражение в его очерке «Тбилиссские встречи», написанном в 1959 году, выдержкой из которого и хочу закончить мои заметки.

Мы едем в Тбилиси для участия в работах пятого съезда писателей братской Грузии. Нас трое: Гурген Борян, Гиги Тер-Григорян и я... Я ощущаю знакомый аромат Тбилиси. Да, каждый город имеет свой специфический аромат! Если в Советском Союзе есть, скажем, пять колоритных городов, то один из них, несомненно, Тбилиси.

Наш автомобиль проезжает по мосту Челюскинцев. Медленно и торжественно течет Кура — один из несотъемлемых штрихов 1500-летней красавицы-столицы Грузии. Какие только люди не бывали в этом городе!

Гостиница «Тбилиси». Тбилиское утро 1959 года. Половина одиннадцатого. Через полчаса открывается съезд. Надо спешить...

Великолепное здание Верховного Совета. Просторный зал, кулуары переполнены. Вот мой старый друг, всегда радушный и всегда остроумный, талантливый поэт

Карло Каладзе, мастер грузинской прозы Константин Гамсахурдиа, драматург Михаил Мрелишвили. Содержательный доклад Ираклия Абашидзе прослушан напряженным вниманием. Выступил с приветствием Гурген Борян, которого зал принял так же восторженно, как был встречен Михаил Мрелишвили на съезде писателей Армении. Их выступления превратились в демонстрацию братства двух народов.

Снова в кулуарах. Мой чичероне говорит:

— Посмотри на ту девушку. Это дочь Тициана Табидзе...

Я помню Тициана Табидзе, чудесного поэта и задушевного человека с ясными голубыми глазами, с красной гвоздикой в петлице. Тициан Табидзе и Паоло Яшвили были неразлучными друзьями, оба высокоталантливые, могучие, оба из «Голубых рогов». С ними познакомил меня Чаренц. Еще задолго до Чаренца эти два избранника грузинского Парнаса поднимали чаши с Ованесом Туманяном.

После вечернего заседания идем в театр имени Грибоедова. После спектакля входим в один из залов ресторана «Тбилиси» и сразу оказываемся за братским столом, открытым Карло Каладзе.

Число гостей переваливает за двадцать. Тамада — Карло Каладзе, чемпион острословия и остроумия. Звучит продолжительный застольный гимн «Мравалжамьер». Мастер прозы Гамсахурдиа с тоской и печалью говорит об Исаакяне. Всегда радостный Григол Абашидзе спрашивает о Гегаме Сарьяне.

Утро. Телефонный звонок. Спустя час мы уже входим в мастерскую знаменитого грузинского художника Ладо Гудиашвили. Убеленный сединами, но с живым, молодым лицом художник принимает нас с распростертыми объятиями. Гудиашвили художник большой фантазии, очень своеобразный, совершенно лишенный шаблона и фотографичности... Вряд ли я мог бы спокойно спать в одной комнате с картинами Гудиашвили. Не каждый художник способен лишить человека сна, для этого нужно обладать силой Гудиашвили...

Вечером мы оказались в доме широко известного и популярного поэта Симона Чиковани... Вечер прошел в теплой, сердечной атмосфере. Сейчас, когда я пишу эти строки, я вижу спокойный лирический образ любимого поэта и человека, увенчанного красотой мягкого улыбочивого лица его жены Марики.

Симон и Марика, мы не забудем вас!

Следующий день. Я выхожу в город. День солнечный. Иду по проспекту Руставели. Вот дом. Здесь помещалась редакция еженедельника «Ван Госп», в котором были напечатаны мои юношеские стихотворения. Перехожу на Плехановский проспект. Я хочу видеть тот маленький магазин, куда в 1918 году мой дядя устроил меня продавцом. Вот он. В магазине сидит женщина и торгует. Такси везет меня в Ортчала. Да, тот одноэтажный дом, в котором в 1918 году помещалась больница «Союз городов», стоит на своем месте. Тут я нашел тогда свою мать. Сорок лет прошло с того дня. А вот и двухэтажный дом, где жила Мелине, моя юношеская любовь тифлисских лет. Я сажусь на одну из скамеек маленького сквера и смотрю на ее балкон. Зачем? Кого я жду?

Вот здесь, в Александровском саду,
Что ныне назван именем 26-ти,
Стоит сн...

Эти строки Чаренц написал у памятника Борису Дзnelадзе, который стоит, подставив грудь навстречу бурям, с пожаром Октября в зрачках. Чаренц снял перед памятником шапку и окаменел, вперив свои горящие зрачки в бронзовую фигуру Дзnelадзе. Будь я скульптором, я бы запечатлел Чаренца в этой и только в этой позе.

Вот и Ваке. Там, где вчера был пустырь, теперь раскинулся огромный, цветущий городской район, с великолепными домами и строениями. Серги Чилая останавливает машину и приглашает нас выйти.

— Видно, что вы любите Тбилиси, — говорит, улыбаясь, Чилая.

— У меня есть семь причин для этого, — отвечаю я.

— Первая? — большим пальцем правой руки он сгибает мизинец левой.

— Здесь я влюбился, опубликовал первые стихотворения.

Чилая поднимает обе руки:

— Дальше перечислять не надо. Этого достаточно.

Вот и уютная, приятная квартира Чилая. Здесь Расул Гамзатов, Бесо Жгенги, представитель грузинского Парнаса. За столом царит оживление. Входят новые гости, заслуженная артистка Додо Чичинадзе, наш Гиги.

Хорошо в Тбилиси! Но пора в Ереван.

— До свидания, Тбилиси, чудесный город, чудесные люди...

Ирина ШЕЛИЯ

Логика реальности ПРОТИВ ЛОГИКИ ИДЕЙ

Творческий путь Федора Достоевского уходит вдаль длиною более века. Широта охвата человеческой психологии, постоянное стремление проследить, осмыслить глубокие процессы эволюции, создать теоретическую траекторию мира и представить логически правомерный конец в сочетании с социальным мышлением делают непреходящей ценностью прозы Достоевского.

Творчество его остается общечеловеческим достоянием, ибо в нем идут поиски критерия единения несовместимых противоречий, в которых писатель стремился разобраться на протяжении всей своей жизни.

Социальная раздвоенность Достоевского, борьба противоположных убеждений в нем лишали писателя возможности принять определенную идеологическую позицию. Это, с одной стороны, можно рассматривать как отрицательное явление, породившее конфликт Достоевского с некоторыми современными ему передовыми мыслителями и послужившее основой едкой иронии писателя в их адрес. Полифония мышления Достоевского стала поводом самых различных толкований творчества великого писателя.

Поиск противоречивых начал в человеке, стремление к анализу глубин его мыслей и чувств — творческий почерк Достоевского. Писатель говорил о себе: «Меня зовут психологом, неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Крайняя обостренность мыслей и чувств, реализм, возведенный в свой высший смысл, являются результатом своеобразного характера размышлений писателя, которому во всем необходимо перейти какую-то невидимую другим черту. За этой чертой логическое осмысление получает полное раскрепощение, через разум приходит к искреннейшему чувству, словно оно пришло по наитию, безотчетно, и ему не предшествовал долгий, скрупулезный анализ.

Достоевского, писателя, погрузившегося в анализ внутренних противоречий, которые возникают при постоянном анатомировании самых глубоких побуждений, волнует вопрос о допустимости компромисса морального идеала с реальным действием. Возможен ли этот компромисс? Теоретически — нет. Практически — живому человеку приходится так поступать. И это глубоко ранит тонкую, предельно честную натуру. Но и верность своим убеждениям для Достоевского еще не означает принятия нравственного идеала. Его в первую очередь интересует, верны ли эти убеждения? Здесь-то и происходит крушение логики идей при их столкновении с логикой реальности, трагической нотой звучащее во всех романах Достоевского. Самые различные нравственные идеалы его героев разбиваются в столкновении с жизнью. Два радикально противоположных образа — князь Мышкин и Раскольников. В первом — положение, доведенное до крайности, слилось со своим антиподом. В одухотворенной отрешенности князя Мышкина немало подсознательной гордыни самоутверждения. В его образе Достоевский стремится определить черты своего человеческого идеала. Но личность героя поднимает бунт против самой сущности идеала, который нужен для того, чтобы отличаться от других. А князь Мышкин, каким его создал Достоевский, хочет уравнять себя с другими и других с собой. По замыслу, в образе князя автор собирается утверждать героизм непротivления. Но любовь и ненависть, добро и зло, утверждение и отрицание остаются неразрывно связанными друг с другом. И автор начинает сомневаться, что ему удалось выразить в концепции «хорошего» высшую желательность. В образе князя Мышкина проявилось столкновение некоего непорочного идеала с границей возможности его безыскусственного принятия.

Раскольников же дерзнул испытать на себе процесс освобождения от моральных предрассудков, считая его необходимым условием раскрепощения

великого духа. Но, несмотря на все свои умозаключения, он в глубине души продолжает преклоняться перед моральными ценностями, и истинная сущность его яростно протестует против попытки явить собой ницшеанский тип «бессправственности гения». Влечение к идее, одобренное моралью, представляется Раскольникову в конечном итоге одинаковым с осуждаемым и отвергаемым ею. Воля к власти зарождается в нем как поиск справедливости, а поиск истины становится средством воли к власти.

Моральные ценности, рождающие в душе Раскольникова ад в процессе совершения преступления и непосредственно после этого акта, теряют всякую значимость к наступлению момента «явки с повинною». Здесь происходит обратный процесс. Принимая христианское смирение, все нутро Раскольникова бунтует против догм, против моральных рамок. И снова он погружается в ад сомнений и в ценности веры, и в ценности ее отрицания.

Тяжелой ценой заплатил Раскольников за свою игру в сильную личность. В теоретическом построении он оправдывал героя, которому «дозволено рушить все преграды, перешагнуть через все препятствия... Во имя всеобщего блага». Но сам, дойдя до грани преступности в жизни, состоящей из ежемгновенных мелких преступлений, не вынес «беспредельной внутренней свободы».

«Смешной человек», как назвал Достоевский определенную категорию своих героев, не хочет мириться с мыслью, что он покинет мир смешным мечтателем, не получившим тайно желаемой славы. Славы, которую он так стремится презирать и тем сильнее жаждет. Эгоистичный и тщеславный, он не хуже других. Природа наказала его, послав в дар умение с ювелирной дотошностью копаться в своих помыслах и инстинктах. Жгучие влечения, заложенные в нем и не имеющие возможности проявиться во вне, приводят к самоуглублению. Ему дано многое осмыслить, остро чувствовать прекрасное и болезненно, физически даже, отвращаться от грязи и зла. Богатство чувств, ярость ощущений грызут и мучают его, вдруг возносят и так же внезапно потухают, уступив место новому наплыву раздражителей. Он умеет иногда быть счастливым, как никто. И так же несравненно способен страдать. Он несет в себе мучительную тайну — мысль, что в жизни «все-все равно». Но относиться безразлично к ней в себе и для себя — он не умеет.

Муки героев Достоевского вызваны трудным стремлением быть бескорыстно благородными. Их душевная боль возникает в результате столкновения честолюбивых мечтаний с тяжестью взятой на себя обязанности быть буднично, «каждодневно добрым».

У Достоевского обычное человеческое поведение как бы проводится сквозь сложный трансформирующий механизм. Для его героев требование обнажать свой внутренний мир не определяется наивностью. Они говорят то, что думают, бывают правдивыми не только при предположении быть понятыми, но и при любых обстоятельствах. Самые религиозные из них забывают заповедь Евангелия: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас», если им необходимо высказаться, чтобы свою «мысль разрешить».

Разделительная черта веры и безверия носит у Достоевского очень своеобразный характер, который не укладывается в привычные понятия. Порой он сам становится в чем-то нигилистом, хотя ненавидит и высмеивает нигилизм. Но его, если вообще можно так назвать, нигилизм — особый, все до конца переживший в себе и уже имеющий его вне себя.

В «Преступлении и наказании» судебный следователь Порфирий Петрович говорит, что преступление Раскольникова есть плод «теоретически раздраженного сердца». То же можно сказать и о других героях Достоевского. Их изощренный ум, способный в своей гибкости постичь самые несовместимые понятия, является истинным виновником преступлений, совершаемых или только «разрешаемых по совести». И он, этот ум, сам же является и наказуемым, ибо мучительная мысль, стремящаяся к разрешению, страдает не только тяжким процессом реального воплощения, но и его результатом. Ум, рождающий поступки, великие в идее и столь ничтожные в реальном действии, сам перед собой в ответе за себя, сам себя карает и казнит. Он и рождает мучительный ад великих идей, как в кривом зеркале преломленных на практике. Две разные идеи, вера и неверие, у Достоевского — противоречивые формы бытия. Это допущение права на существование прямо противоположных убеждений, умение с одинаковой объективностью анализировать все «за» и «против» взаимоисключающих положений ложится в основу построения сложного и своеобразного мира Достоевского. Называя писателя «зачинателем и предопределеителем нашей культурной сложности», Вячеслав Иванов говорит о Достоевском: «Он сделал сложными нашу душу, наше искусство, создал, — как «Тернер создал лондонские туманы», — то есть открыл, облек в форму осуществления начинавшуюся и еще неосознанную сложность нашу; поста-

вил будущему вопросы, которых до него никто не ставил, и нашептал ответы на еще не понятные вопросы».

Достоевский ясно видит не только то, что стоит прямо перед глазами. Утверждая свое творческое кредо в разрешении сложнейших и противоречивейших глубин человеческого мышления и чувствования, сам Достоевский говорит в «Дневнике писателя»: «Простота прямолинейна и сверх того — высокомерна. Простота — враг анализа. Очень часто кончается ведь тем, что в простоте своей вы начинаете не понимать предмета, даже не видите его вовсе, то есть ваш же взгляд из простого сам собою и невольно переходит в фантастический».

В произведениях Достоевского человеческая личность все время борется с заложенными в ней противоречиями. Эта личность «философствует жизнью и живет философией». Мысль раскаляет страсть.

Для Достоевского современная ему трагедия русской интеллигенции — это в первую очередь трагедия философского и религиозного сознания. Поэтому в образах, наиболее глубоко и полно очерченных, он обращается именно к этой проблеме. Искание выхода из религиозных противоречий, доводы, опровергающие друг друга, отразились в романе «Бесы». Народнический фанатизм Шатова при всей силе его душевного подъема есть фактически разновидность человеческого безверия.

Произведения Достоевского насыщены живыми мирами человеческих психологий. И каждая из них несет в себе свою неожиданную, новую логику, свою особенную, противоречивую правду. Сила их мысли создает логику, которая своеобразно выражает глубину ощущений, зачастую подсознательных. Эта логика уводит глубоко от наглядной поверхности явлений.

Тонкий анализ самых затаенных мыслей ставит героев Достоевского в обособленное от обычного мира положение. Но психология героев Достоевского, обнаженная в художественном эксперименте, есть в сущности психология каждого живого человека, только доведенная до крайней остроты и силы.

Сопоставление противоречивых морально-философских убеждений диаметрально противоположных героев становится еще одним свидетельством преломления теоретического идеала в заниженную реальность.

Внутренняя потребность досконально разобраться в христианской морали, критически проанализировать все ее положения приводит Достоевского к столкновению религиозных и атеистических идей. Это столкновение приобретает в нем огромный накал, становится одной из движущих сил творчества, источником создания резко противоположных, сложных художественных образов. Его герои несут в себе каждый свою идеологию, свое стремление разрешить одну определенную мысль, которая по своей общечеловеческой, глубоко философской значимости оказывается непосильной для самой твердой, логической психики.

Пытаясь разобраться в вопросе столкновения логики реальности с логикой теоретических построений в творчестве Достоевского, особенно важно иметь ясное представление о характере отношения писателя к созданному им многоголосному миру героев в целом и к каждому из них в отдельности.

Для Достоевского психологический круг человека становится благоприятным материалом художественного изображения. Он искал и находил героя, вся жизнь которого, как и его самого, сосредоточивалась в осознании себя и мира.

Изменяемый, полный прелести, проникнутый жадной живостью жизни и в то же время жестокий, мстительный, ироничный мир творчества Достоевского пленяет своей трепетной незащищенностью и пугает потенциальным зарядом допустимости самых мрачных преступлений. В этом мире живут герои книг Достоевского — реальные плоды его неуемной фантазии. Они многолики, эти герои. Будучи типичными продуктами своей эпохи, они стоят вне времени. Эти живые живых живые призраки словно не перестают бродить по серым улочкам и гранитным мостам Петербурга. Все бродят и ищут в себе и других ответа на безответные вопросы — почему, зачем, все ли равно?

Для героев Достоевского **многое составляет лишь подсознательное стремление к разрешению противоречивых вопросов жизни, морали и религии.** Веруя, они не веруют, что веруют, не веруя, сомневаются в обоснованности отрицания. Смятение души, в которой не прекращается борьба бога с дьяволом, возвышенных мыслей с самыми циническими, доводит их до трагических катастроф. В мире идей их привлекает самое высокое, самое нравственное. В реальной жизни они ежечасно сталкиваются с ложью и притворством. Вот тогда и рождается безумная мысль перейти за черту, где «все дозволено», хотеть и не может не быть в них глубоко запрятана убежденность в крахе, что ждет их за этой самой чертой. В реальной жизни вне них все может быть дозволено — **убийство, ложь, насилие.** Не дозволено только родиться со светлой мечтой и красивыми идеалами. Смирная жертвенность, необходимая в таком случае, встречает бунт гордого человека. Стать способным убить, ограбить — ведь это

16105930
840101933

для них, в сущности, значит убежать от своего обособленного одиночества, стать как все. Но и здесь формула «как все» гиперболизируется. Если все в жизни вокруг него способно на маленькую, невинную порой ложь, на «нормальные» беззакония, то он пойдет на высшее преступление, на высшую подлость. Однако реальный мир оказывается еще жестче, чем он предполагал. Если жизнь и дозволит ему воплотить в одном своем за черту выходящем поступке несвершенные общечеловеческие пороки, то все равно оставит в нем живым его истинное «я», которое все видит, все понимает, а потому осуждает и страдает.

Глубокое познание вызывает саркастическое отношение к действительности.

Герои Достоевского — целый разнохарактерный мир, в котором живут разные люди со своеобразным строем мыслей. Но при всей своей разноречивости это очень цельный и законченный мир, не похожий ни на какой другой. Как ни отличны друг от друга рассуждения героев Достоевского, в основе их — всегда борьба, всегда столкновение «логики страстей» со «страстями логики». Отсюда и «двойственные» мысли, которые мучают не только Раскольникова или Ставрогина, но и чистого, непоколебимого в своей непорочности князя Мышкина.

Одухотворенная отрешенность князя Мышкина не спасла его от глухой растрепанной боли внутри и от подсознательного стремления отвлечь внимание чуждого мира от своего уязвимого «я».

Глубокий реализм и самый пылкий романтизм достигают у Достоевского каждый высшей своей точки, их взаимосвязь доводит до отчаянного восклицания: «Я икс в неопределенном уравнении, я какой-то призрак жизни, который потерял все концы и начала, и даже сам позабыл, наконец, как и назвать себя».

Стремясь найти идеал человека в образе князя Мышкина — символе романтика, — писатель словно хочет сказать всей его судьбой: «смирись, гордый человек», соединишь жизненно с людьми, чтобы спастись самому..

Противоположные начала, «двойники», которые слепо боролись в сознании Раскольникова и князя Мышкина, предстали в романе «Бесы» живыми личностями, обретшими право на реальное существование. Нравственная двойственность Николая Ставрогина, две противостоящие его идеи трансформировались в реальность образами Шатова и Кириллова.

Ставрогин бессознательно ищет последней степени раздвоения, ищет «последнего бремени», за чертой которого должно прийти освобождение. Но в нем нет четкого осознания того, что он ищет, и потому, находя, он начинает сомневаться: не нашел ли то, чего не искал.

Петербург второй половины XIX века, мрачный, полусвихнувшийся от раздражающих его бед и противоречий, родил Федора Михайловича Достоевского.

Новый тип художественного мышления, созданный Достоевским, тонкий до изысканности, отточенный юмор определяют своеобразный и редкостный по философской глубине творческий почерк писателя. Писателя, который всю жизнь размышлял о логике человеческих противоречий и, разрешая эту свою мысль, говорил: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей».

Творчество Достоевского сыграло большую роль в развитии жанра философского романа в русской и мировой литературе.

В современной литературной критике часто говорится о влиянии творчества Достоевского на развитие западноевропейской, в частности французской, литературы. Проблема «маленького человека», которой впервые наряду с Гоголем коснулся Достоевский, получила в современной литературе различные толкования, зависящие от мировоззрения и личности писателя.

Для героев Достоевского многое еще неясно. Однако знания, приобретенные героями современности, не изменили остроты вековых психологических проблем. Герои мудрого философа Томаса Манна, трезво и спокойно расценивающие многое из того, что служило причиной безумного смятения чувств достоевских персонажей, стоят перед этими проблемами такими же беспомощными, как и призрачные тени, бродящие по гранитному Петербургу.

Но в каком бы веке, в каком бы мире ни жил человек, коль скоро он по-настоящему задумался над смыслом жизни и не способен стал жить «хлебом единым», он обрекает себя на муки и одиночество.

Истинный художник умеет выразить общечеловеческое в конкретном. Все взволнованное творчество Федора Михайловича Достоевского, посвященное поиску разрешения загадок сложного человеческого существа, окрашено национальным и эпохальным своеобразием России второй половины XIX века.

Эдуард СИХАРУЛИДЗЕ

БЕССМЕРТИЕ ФОРЭ

Сопровождать нас в поездке по Северной Италии поручено было сотруднику Римского отделения ТАСС Дмитрию Степанченко, который был хорошо знаком с вопросами, связанными с итальянским Сопротивлением.

В Риме были у нас еще интересные встречи — в ЦК Итальянской коммунистической партии с Армандо Косута и Мауро Галеном, автором известной советскому читателю книги «Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления», с секретарем Национальной ассоциации бывших итальянских партизан, национальным героем Италии Роберто Ветерони. Все они знали и с любовью вспоминали Форэ Мосулишвили. Повидались мы и с бывшим политическим комиссаром 118-й гарибальдийской бригады Эральдо Гастоне, который одним из первых подписал представление к награждению Форэ Мосулишвили золотой медалью «За воинскую доблесть». Он показал нам бережно хранимый оригинал этого документа, в котором говорится, что в дни тяжелых партизанских сражений Форэ Мосулишвили проявлял чудеса храбрости и служил примером для партизан.

И вот, наконец, поезд мчит нас на север Италии. Гляжу из окна вагона на незнакомые просторы и невольно думаю о судьбе моего соотечественника. Думал ли простой грузинский паренек из села Квемо-Мачхаани, что ему суждено распротиться с жизнью у подножия Альп, что последней живой картиной перед угасающим его взором станет не склон родного Цивгомбори, а заснеженная вершина Монте-Розы?

Эту землю многое роднит с Квемо-Мачхаани. Крестьянин-итальянец, как и крестьянин-грузин, спокон веку холит и лелеет лозу. Да и песня, мелодичная, итальянская песня, созвучна тем, что поют в Квемо-Мачхаани. Но что ни говори, запах родной земли ближе и дороже всего сердцу каждого человека. Поэтому-то и привез я на могилу Форэ горстку грузинской земли...

„Лучше смерть, но смерть со славой...“

Кто ведает, сколько еще добрых дел для итальянских патриотов смог бы совершить Форэ Мосулишвили, доведись ему дожить до конца войны? Но судьба распорядилась иначе: в морозное утро 3 декабря 1944 года на окраине села Колония он добровольно пожертвовал своей жизнью ради спасения других.

Воспользовавшись суровой зимой — самым тяжелым периодом времени для партизан, немцы решили окончательно уничтожить ненавистных им народных мстителей. Несмотря на накопленный партизанами опыт борьбы в зимних условиях, морозы и снег доставляли им много неприятностей. Особенно плохо обстояло дело со снабжением продуктами, участились болезни...

На рассвете 1 декабря разведка 118-й партизанской бригады «Сервадей» засекла немецкие колонны, приближавшиеся к расположению гарибальдийцев со стороны Аграно и Армено. Части бригады расположились на склонах Матароне и приготовились дать отпор фашистам. Увидев, что им не удалось неожиданно напасть на гарибальдийцев, гитлеровцы повернули назад.

На другое утро четыре фашистских карательных отряда окружили и начали обстреливать расположенное в стороне от своих партизанское подразделение, которым руководил некто Чинкванто, известный своими авантюристическими наклонностями. Руководство партизан давно собиралось его арестовать. Оказавшись в тяжелой ситуации, Чинкванто изменил своим и выдал их. Попавших в плен партизан фашисты безжалостно расстреляли.

Теперь главной своей мишенью немцы выбрали расположенный в окрестностях Нижней Вербани сектор действий гарибальдийской бригады «Сервадей».

Окончание. Начало в № 11.

Попав в окружение и стараясь вырваться из него, бригада выделила для тактического маневра отряд под командованием Эдо Дельгратто, в который как теперь установлено, входило шестнадцать человек — девять итальянцев и семеро грузин. В их числе, кроме Форэ Мосулишвили, являвшегося по существу заместителем командира, были Михаил Сакварелидзе, Баграт Эсартяи, Шалико Квирикашвили, Шота Бекая, Владимир Чежия и Захария Томашвили. Под плотной завесой огня партизаны сумели пробраться к крестьянскому домику на окраине деревни, однако здесь были достигнуты врагами.

Марио Дзинонни, участник боевого сражения 3 декабря 1944 года, вспоминает:

— Было очень холодно. С вечера мы расположились в пустовавшем каменном доме на окраине села Колония, там, где обрывается полоса виноградников и начинается густой лес. Мы очень устали и решили передохнуть. Было что-то около 11 часов. Как только рассвело, увидели, что немцы окружили наше укрытие плотным кольцом, и поняли, что дела наши плохи. Однако каждый был полон стремления сражаться до последнего патрона.

Разгорелся жестокий бой. Мы уничтожили в тот день немало фашистов. Но через некоторое время кончились патроны, а это означало для всех нас неминуемую смерть.

Гитлеровцы постепенно сжимали тиски окружения и, подступив вплотную к дому, потребовали выдачи командира отряда.

Многие из нас истекали кровью. Тяжело ранен был и Форэ. Фашисты же настойчиво повторяли свое требование:

— Если сдастся командир, остальные останутся живы. В противном случае расстреляем всех...

Мы переглянулись. Командир отряда Эдо Дельгратто, все остальные стояли недвижимо. Выйти к гитлеровцам — значило верную гибель, мучительную смерть с жестокими пытками и издевательствами.

И в эти самые, казалось бы, последние мгновения нашей жизни, когда уже не было никакой надежды на спасение, окровавленный Форэ Мосулишвили добрался до входной двери, распахнул ее и смело бросил в лицо врагу:

— Я командир, гады! Но я предпочитаю умереть, чем стать вашим пленником. Да здравствует свобода!

Раздался выстрел...

Самопожертвование Форэ спасло нас, шестнадцать оставшихся в живых партизан.

Фашисты посадили взятых в плен гарибальдийцев в тюрьму города Бавено. Несколько раз они собирались расстрелять своих пленников, но почему-то не сделали этого. Их перевозили из одного города в другой, пока в апреле 1945 года партизаны не освободили товарищей...

На могиле героя

...С нетерпением ждали мы дня 17 февраля. По инициативе аккредитованного в Риме советского посольства в этот день должна была состояться церемония возложения венков на могилу национального героя Италии Форэ Мосулишвили.

В маленьком городок Мейне, где итальянская земля приняла нашего соотечественника, прибыли военный атташе советского посольства И. Кашков и советник посла Г. Уранов.

Перед зданием городского муниципалитета собралось множество людей: бывшие итальянские партизаны, представители общественности...

Ровно в полдень процессия направилась к могиле героя. Естественно, земляки Форэ волновались больше всех. Через несколько минут нам предстояло увидеть могилу героя. А вот и она. Небольшая, заботливо ухоженная могила, в стене — ниша, украшенная свежими цветами...

Теплую, волнующую речь произнес Бруно Галлетти, или, как называли его в годы партизанского движения, «капитан Бруно», одно только упоминание которого приводило фашистов в ужас.

— Для меня, бывшего гарибальдийца, — сказал он, — сегодняшний день запомнится навсегда. Ведь я воочию убедился, что в сердце народа бессмертна память о героических делах участников движения Сопротивления. Мы никогда не предадим забвению и светлого имени Форэ Мосулишвили, который пожертвовал собой ради свободы и счастливого будущего моей Италии...

Вместе с представителями советского посольства мы возложили на могилу героя лавровый венок. Я посыпал могилу горстью грузинской земли, которую

бережно вез сюда, на Апеннины. Потом по грузинскому обычаю мы допилили бокалы с кахетинским вином в память о сыне Кахетии — Форэ.

Мы отправились в близлежащий город Арону, где осмотрели мемориал погибшим партизанам. Сюда по постановлению Национальной ассоциации бывших итальянских партизан должен быть перенесен прах Форэ, воздвигнут в его честь обелиск.

* * *

Во время пребывания в Италии нам представилась возможность провести два дня в городе Генуе. Не просто любознательность туристов привлекла нас к этому городу. В годы второй мировой войны провинция Лигурия и, в частности, ее столица — Генуя являлись одним из главных центров партизанского движения.

Мы встретились здесь с легендарным итальянским партизаном Франческо Капуро (это имя хорошо известно советским читателям по произведениям Сергея Смирнова), долго беседовали с ним. Капуро несколько раз бывал в Советском Союзе, у него много друзей в нашей стране. Он любезно предложил сопроводить нас в поездке по городу. В первую очередь мы посетили знаменитое генуэзское кладбище, у входа на которое нас ждал неожиданный и приятный сюрприз: в киоске увидели снимки могилы национального героя Италии нашего соотечественника Федора Полетаева.

Франческо Капуро купил букет свежих цветов и повел нас за собой. Вскоре мы очутились на «Кампо делла gloria» (это означает «поле славы»), где похоронены партизаны, погибшие в боях второй мировой войны. Мы возложили цветы на украшенную мраморным камнем могилу Федора Полетаева, погибшего 2 февраля 1945 года близ маленького городка Канталуппо. Полетаев сражался в бригаде «Оресто» партизанской дивизии Пинан Чикеро. 7 ноября 1944 года, после побега из фашистского плена, он был зачислен в звено «Нинно Франки».

В марте 1947 года был обнародован декрет итальянского правительства о посмертном награждении Федора Полетаева золотой медалью «За воинскую доблесть». 27 декабря 1962 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Федору Полетаеву было присвоено почетное звание Героя Советского Союза.

Интересная деталь: наш соотечественник Форэ Мосулишвили совершил свой героический подвиг ровно за два месяца до гибели Федора Полетаева...

Встречи на итальянской земле

В Новару мы прибыли поздно вечером. На следующий день нам представили симпатичного молодого человека — корреспондента газеты «Унита» Эцио Рондолини. Он великолепно знает историю национального движения Сопротивления, его связывают дружеские отношения со многими бывшими итальянскими партизанами. Для нас особенно важно было то, что Рондолини располагал интересными материалами о грузинах, сражавшихся в рядах бойцов итальянского Сопротивления. Он сказал нам, что о героических делах нашего славного соотечественника знают не только в Новаре, но и во всей Италии, и обещал помочь встретиться с товарищами Форэ по оружию.

В тот же день мы отправились в город Омени, где должна была состояться большая митинг-манifestация бывших итальянских партизан. В зрительном зале кинотеатра «Сочали» нам открылась необычайная картина: вся сцена буквально утопала в знаменах. Один за другим на трибуну поднимались ораторы, раздавались аплодисменты, звучали песни партизанских времен.

Омени чтит память тринадцати итальянских партизан, погибших в неравном бою с гитлеровцами в феврале 1944 года. Одновременно эта встреча являлась манифестацией против неофашизма. Среди присутствовавших в зале были легендарные руководители итальянского движения Сопротивления — Чино Москателли, Эральдо Гастонэ, «капитан Бруно», профессор Антоничелли и др.

Это были те люди, которые, не жалея сил и энергии, сделали все для того, чтобы память о нашем славном соотечественнике не была предана забвению.

— Вы не смогли бы увидеть всех этих людей вместе, даже если бы пробыли в Италии целый год, — сказал нам Рондолини.

В тот же день на банкете мы услышали много добрых слов о Форэ Мосулишвили, о его подвиге. С особой теплотой был произнесен тост за мать героя — Тебро. Триста бывших итальянских партизан встали в знак уважения к этой женщине, родившей чудо-героя.

* * *

Наш маршрут пролегал по местам партизанских сражений. Мы задержались в городе Стрезе, где 7 сентября 1944 года военнопленные грузины разоружили фашистов, после чего примкнули к итальянским партизанам...

И вот начинается самый волнующий этап нашего путешествия. Дорога поднимается все выше и выше, показалась деревня Компаго. Здесь, в этом маленьком итальянском селе, провел предпоследний день своей жизни Форэ Мосулишвили. Спустя 27 лет мы находимся в той самой комнате, где накануне рокового дня расположился на короткий отдых партизанский отряд.

Бывшего хозяина дома и его жены уже нет в живых. Нас тепло встретила их дочь Терезина, которая в дни войны была связной партизанского отряда и выполняла много ответственных заданий.

Помнит ли она Форэ?

Услышав это имя, Терезина вздрогнула и отвела взгляд. Воцарилось долгое молчание. Я видел, как у нее задрожали губы. Возможно, имя Форэ затронуло самые сокровенные струны ее души...

Терезина Мотта рассказала нам, что грузинские партизаны не раз собирались в их доме. Порой они засиживались до поздней ночи, вспоминали родину, пели грузинские песни, пили красное вино, которым их щедро угощал хозяин...

Отсюда мы отправились к тому месту, где 3 декабря 1944 года Форэ Мосулишвили отдал жизнь в борьбе с фашизмом.

Оставив машину на дороге, мы пешком поднялись по склону горы и минут через пять оказались около дома, который послужил последним прибежищем для нашего героя. Такие дома лесники в Италии обычно используют для ночлега. Фасад этого дома сохранил лишь дверь и окно.

С волнением мы осматривали место трагедии. Сохранившиеся на камнях следы от пуль как бы уводили нас в прошлое, вызывая перед глазами картину боя...

С болью в сердце покидал я этот дом, увитый диким плющом...

Последовав совету нашего гида Эцио Рондолини, мы заехали и в село Корпунино, где встретились с бывшим партизаном Стефано Ганджи, вместе с Форэ участвовавшим в освобождении раненых из Оменского госпиталя.

В соседнем селе Колацца мы виделись с непосредственным участником последнего боя Форэ Мосулишвили Марио Дзинонни.

— Доблесть его спасла нам жизнь, — сказал он, добавив, что, если ему когда-нибудь доведется побывать в Грузии, он обязательно повидает мать Форэ Мосулишвили.

* * *

В Боргосезии мы навестили видного организатора партизанского движения, известного общественного деятеля Чино Москателли. Один из самых популярных людей итальянского Сопротивления встретил нас очень радушно.

Советские читатели знакомы с его книгой «Монте-Роза спустилась в Милан», которую Москателли написал в соавторстве с другим известным деятелем Итальянской коммунистической партии Пьетро Секкья. Книга была переведена на русский язык и издана у нас в 1961 году.

Для нас крайне важным был тот факт, что в архиве Чино Москателли хранится более 20 тысяч различных документов времен партизанского движения. С особой любовью и уважением он вспоминал грузинских партизан, многих из которых знал лично. Чино Москателли подарил нам фотокопии чрезвычайно ценных документов, в частности портрет Форэ Мосулишвили, сделанный в 1944 году. Показал он нам и письмо следующего содержания: «Дорогой генерал Москателли, разрешите передать Вам искренний привет от имени грузинского подразделения Вашего славного партизанского отряда...».

Дружба продолжается

Грузинские воины, сражавшиеся в годы второй мировой войны за освобождение итальянской земли от фашистских захватчиков, вписали светлые страницы в летопись дружбы двух народов.

В Италии друзья и товарищи Форэ Мосулишвили по оружию говорили нам о своем желании посетить родину героя, познакомиться с его матерью, родными. Вскоре желание бывших итальянских партизан было удовлетворено, и 22 октября 1971 года в Тбилиси прибыла группа ветеранов итальянского движения Сопротивления, возглавляемая депутатом парламента коммунистом Эральдо Гастонэ.

Незабываемой была встреча с итальянскими друзьями на родине национального героя Италии — в грузинском селе Квемо-Мачхаани.

С теплыми словами приветствия к присутствующим обратился участник движения Сопротивления, бывший комиссар подразделения 42-й дивизии имени Вальтера Фонтана, кавалер «Золотой медали гарибальдийца» Шалва Мунджишвили.

Особенно волнующей была встреча со старой матерью Форэ.

— Трудно выразить наши чувства, мать дорогого всем нам человека обратился к ней руководитель группы Эральдо Гастонэ. — Мы знаем, что Вы очень долго ждали возвращения сына. Мы проехали столь длинный путь, чтобы сказать вам: память о Форэ жива в сердце каждого итальянца. Геронизм Форэ восхищал всех бойцов ударной гарibaldiйской бригады. Награждение Форэ Мосулишвили и Федора Полетаева золотой медалью «За воинскую доблесть» выражает глубокое уважение демократической Италии ко всем советским воинам, которые сражались в рядах Сопротивления за свободу итальянского и советского народов.

Бывшие участники Сопротивления и в настоящее время являют собой мощную силу, пользующуюся огромным авторитетом в демократическом движении Италии. Они по-прежнему находятся на переднем фланге борьбы за права трудящихся, активно сражаются против происков реакции и неонацизма.

На трибуне — бывший командир ударной гарibaldiйской бригады «капитан Бруно». Во время войны он был боевым побратимом Форэ.

— Ваш замечательный соотечественник, — сказал он, — произвел огромное впечатление на всех партизан, которые сражались вместе с ним в составе прославленного батальона гарibaldiйцев «Пеппино». Он был простым и скромным в быту, непоколебимым и бесстрашным на поле боя. Многие гарibaldiйцы навсегда запомнили боевые операции с его участием. И не случайно после гибели «Порэ», как звали грузинского парня итальянские партизаны, генералитет бригады «Ремо Сервадей» принял решение о создании батальона имени Форэ Мосулишвили. Это боевое подразделение под командованием гарibaldiйца Карло Карабелли сражалось против фашистов более шести месяцев. В батальоне были и итальянские, и советские воины. В конце апреля 1945 года батальон имени Форэ Мосулишвили вместе с другими силами освобождения вошел в Милан...

В Тбилиси и Сигнахи, Телави и Хоби, повсюду, где побывали дорогие гости, встречи с ними превращались в настоящий праздник дружбы итальянского и грузинского народов.

Во время нашего пребывания в Италии говорилось о предполагаемом переносе праха Форэ Мосулишвили на партизанское кладбище города Ароны. Муниципалитеты городов Мейне и Ароны оперативно решили этот вопрос, и уже 5 декабря 1971 года в Ароне состоялась торжественная закладка памятника герою.

Недавно по приглашению Ассоциации партизан провинции Новара в Италию побывала с ответным визитом делегация из Грузии. Итальянцы особенно радушно принимали земляков Форэ Мосулишвили. Достаточно сказать, что с делегацией встретились президент республики Джованни Леоне и председатель Итальянской коммунистической партии Лунджи Лонго.

Стало известно, что муниципалитет города Ароны принял официальное решение установить дружеские отношения с родным городом героя — Сигнахи.

* * *

24 октября 1972 года по приглашению Советского правительства в Москву прибыл с официальным визитом Председатель Совета Министров Италии Джулио Андреотти. В речи на обеде в Кремле, вспоминая о тяжелых годах войны и фашистской оккупации, он с чувством глубокой признательности говорил о 425 советских партизанах, отдавших свои жизни за освобождение Италии, и среди них о Федоре Андриановиче Полетаеве и Форэ Николаевиче Мосулишвили, удостоенных высшей итальянской награды — золотой медали «За воинскую доблесть».

* * *

3 октября 1972 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном награждении Форэ Мосулишвили орденом Отечественной войны 1-й степени. В Указе говорится:

«За героизм и мужество, проявленные в период второй мировой войны в боях против фашистских захватчиков в рядах отряда итальянских партизан, наградить **ФОРЭ НИКОЛАЕВИЧА МОСУЛИШВИЛИ** орденом Отечественной войны 1-й степени».

* * *

Тысячи километров отделяют нашу Родину от далекой Италии, где у подножия Альп покоится прах Форэ Мосулишвили, человека, который прославил свою Отчизну, свой народ, доблестно и до конца выполнил свой воинский долг.

Он никогда больше не увидит родного села Квемо-Мачхаани, не обнимет свою седую мать, многие годы ждавшую его и с надеждой глядевшую на дорогу...

Но навечно памятником ему останется доброе его имя. Навечно — ибо бессмертен светлый образ героя, отдавшего свою жизнь за свободу и счастье народа.

„Угрюм-река“ на грузинском...

Еще на первом году Великой Октябрьской социалистической революции Вячеслав Яковлевич Шишков начал работать над романом «Угрюм-река». Писал он его пятнадцать лет. Сам автор отводил этому произведению особое место в своем творчестве. «Много вложено души, бумаги и чернил...» «Угрюм-река» — та вещь, ради которой я родился», — читаем мы в его письме к К. Федину в июле 1931 года. А в 1936 году он писал: «...Это роман страстей, положенных на бумагу в меру моего среднего дарования».

«Бесправие, насилие, варварство, ограбление трудящихся — все это в романе проклято: капиталу, всему старому эксплуататорскому строю пропета отходная. Угрюм-река замкнула свой круг, и сквозь мрак, сквозь тьму отжившего строя уже брызжет рассвет, звучат бодрые голоса грядущих битв и побед: там течет «Река Радости», — так объяснял Шишков идею своего произведения.

В 1933 году писатель отправил только что вышедший из печати роман «Угрюм-река» А. М. Горькому. Он писал: «Посылая вам книги, я мысленно вспоминаю вас, как своего первого по литературным делам учителя».

К. Федин писал о романе «Угрюм-река»: «В двух томах «Угрюм-реки» автор рассказывает историю

зарождения, роста и гибели богатей — золотопромышленника, символизируя его образом обобщенный идейный рост и гибель промышленного капитала в Сибири... Роман сюжетен, занимателен, роман читается, как смотрится хороший театр».

В 1953 году Тинатин Джавахишвили перевела роман В. Шишкова «Угрюм-река» на грузинский язык. Хорошо зная природу и людей Крайнего Севера, Тинатин Давидовна с особой любовью обратилась к этому произведению и работала над его переводом в течение пятнадцати лет — с 1938 по 1953 год. В 1961 году перевод первой книги романа вышел в издательстве «Сабчота Сакартвело» под редакцией К. Лорткипанидзе, вторая книга вышла в 1962 году.

Роман имел большой успех у грузинского читателя и в 1968 году был издан вторично в том же издательстве в двух томах под редакцией А. Давитиани. Очевидно, немалую роль в этом сыграл и высокий общий уровень переводческого мастерства Тинатин Давидовны Джавахишвили. Необходимыми предпосылками для этого явились, с одной стороны, глубокая филологическая культура, дающая возможность полного понимания оригинала в его характерных чертах, связях с эпохой, в его технических деталях, во

всех особенностях текста и, с другой, тончайшее мастерство во владении грузинской речью, совершенное знание богатств грузинского словаря и средств языковой выразительности, позволившие переводчице найти лучший из возможных вариантов.

Перевод этот представляет собой пример такого языка, который заставляет забыть о том, что это не оригинальное произведение, а переводное. Тинатин Джавахишвили воспроизводит народный язык оригинала богатыми средствами грузинского народного языка. Она сумела создать на грузинском языке произведение, которое не просто показывало бы смысл и формальные особенности подлинника, а схватывало бы его неповторимое художественное своеобразие, делало его художественно живым организмом.

В процессе работы над переводом Тинатин Джавахишвили близко познакомилась с супругой Вячеслава Яковлевича Шишкова — Клавдией Михайловной и по сей день переписывается с ней. «Для меня большая радость, — пишет Клавдия Михайловна в одном из последних писем. — Звонил мне секретарь Г. Марков и сказал, что столетие Вячеслава Яковлевича должно отмечаться как юбилей большого русского писателя... Я буду рада Вашему приезду».

Н. МЕГУЛИШВИЛИ

„Самый культурный человек на Руси...“

Как члену правления Всероссийского Союза поэтов мне довелось общаться со многими поэтами и писателями, в том числе и с Валерием Яковлевичем Брюсовым. В 1918 году он был выдвинут председателем правления этого союза, но из-за перегруженности основной работой отказался от этого поста. В 1922 году его все же выбрали председателем правления Всероссийского Союза поэтов, деятельностью которого он руководил в течение двух лет вплоть до самой смерти.

Его выступления в Союзе поэтов всегда привлекали многочисленную аудиторию.

Часто сидя в «Кафе поэтов» за чашкой кофе, Валерий Яковлевич слушал, как читает стихи молодежь. Потом по просьбе публики поднимался на эстраду и читал свои новые стихи. Зал замолкал. Каждое его стихотворение вызывало бурю аплодисментов. В заключение Брюсов говорил, что стихи надо писать ежедневно так же, как пианист ежедневно упражняет свои руки.

В 1923 году, находясь на квартире Анатолия Васильевича Луначарского, я был свидетелем его спора с Валерием Яковлевичем. Речь шла об устройстве юбилея Брюсову в связи с его 50-летием. В первые годы Советской власти подобные юбилеи отменялись не часто, но ввиду того, что Валерий Яковлевич с пер-

*Из воспоминаний о
Валерии Яковлевиче
БРЮСОВЕ*

вых же дней установления Советской власти начал работать в Наркомпросе, вступил в Коммунистическую партию, вел большую и плодотворную литературную и общественную работу, Луначарский настаивал на торжественном праздновании этой даты. Валерий Яковлевич отказывался от юбилея по разным причинам. В крайнем случае он соглашался на скромный вечер в Союзе писателей, но Анатолий Васильевич в конце концов уговорил его. Чествование Брюсова состоялось 17 декабря 1923 года в Большом оперном театре, сверкающий огнями зал которого был переполнен. Произносилось множество речей, поздравлений. Представители армянского народа преподнесли Брюсову свой национальный музыкальный инструмент, который положили к его ногам в знак благодарности поэту, сделавшему достойным русскую культуру лучшие творения их соотечественников.

В 1924 году вместе со всеми литераторами и общественностью Москвы я провожал Валерия Яковлевича в последний путь. Брюсов умер в расцвете творческих сил. В прощальной речи Анатолий Васильевич Луначарский сказал, что с его смертью мы потеряли очень много, потому что Брюсов горячо любил жизнь и труд.

Но и сделано им было очень много. Поэт, прозаик, драматург, литературовед, историк, переводчик, выдающийся общественный деятель, он оставил огромное литературное наследие. Трудно поверить, что все это создано человеком, прожившим всего 50 лет. Валерий Яковлевич — автор десятка тысяч превосходных поэтических строк, многочисленных рассказов, повестей, очерков, больших исторических романов «Огненный ангел», «Алтарь победы», «Юпитер поверженный». Зная латынь, греческий, французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, армянский и другие языки, он перевел на русский язык множество произведений, среди которых «Фауст» Гете, «Энеида» Вергилия и другие. Брюсов познакомил русского читателя с творчеством поэта-певца народов Закавказья Саят-Нова, много переводил армянских поэтов. Под его редакцией в 1916 году вышла книга «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов». За это Совнарком Армянской ССР присвоил Брюсову звание народного поэта Армении. Помимо литературной работы, он занимался публицистикой, был военным корреспондентом, читал лекции по истории и литературе. Горький недаром назвал его «самым культурным человеком на Руси».

Ф. ДОЛИДЗЕ.

СЛУЖА ВЫСОКИМ ИДЕАЛАМ

Уже с детства Иону Меунаргия увлекала идея изучить великие достижения национальной культуры грузинского народа, вынести их за пределы родной страны. А в ранней юности он пришел к твердому убеждению, что должен сам стать борцом за осуществление своих заветных идеалов, а это, по его мнению, было неосуществимо без глубоких знаний, без подлинно научных исканий.

Поэтому его не огорчило исключение из духовной семинарии. «Я очень этому рад, — писал он, — не хотелось мне все же медленно плестись по той дедовской дорожке, по которой ведут взнузданных учеников под свист правительственной нагайки. Пусть лучше попаду я в дремучий лес и сам найду себе дорогу в жизни»¹.

В этих словах проявился непримиримый характер человека, смело бросившего вызов всему реакционному лагерю и избравшему свой собственный путь в жизни.

К тому времени скончался его ближайший друг Герасим Каландаришвили, смерть которого Меунаргия переживал не только как личную трагедию, но и как огромную потерю для прогрессивной части общества. С исключением из семинарии совпала и смерть его горячо любимой матери. «Кое-как, — записал Иона в своем дневнике, — перенес я смерть друга, и теперь, за последнее время, когда и без этого с печалью и горечью смотрю на свою звезду... умерла моя любимая мать... Что же мне сказать этой звезде, или судьбе, или богу, если есть они где-нибудь?»². Неужившимся в духовной семинарии сыном был недоволен отец Ионы — священник Михаил Меунаргия. Но Иона все же не подчинился требованиям служителей церкви, отказался от ожидавшей его карьеры и отправился в Швейцарию, где, как он знал, было немало грузин. Страна эта

в то время представлялась грузинской молодежи «приютом свободы»³.

И. Меунаргия продолжает учебу сперва в Женевской академии, а затем в Париже. Здесь он в совершенстве овладевает французским языком и основательно изучает европейскую литературу.

Но и находясь за границей, И. Меунаргия постоянно думает о своей родине. В Женевской и Парижской национальных библиотеках он знакомится с литературой о Грузии, усердно исследует грузинские источники, переписывает ряд интересных сведений и материалов, в том числе — добавления к «Витязю в тигровой шкуре», принадлежащие Нануче Цицишвили (396 строк). Ему удается встретиться с таким титаном французской литературы, как Виктор Гюго. Темой разговора была опять-таки Грузия.

К концу 70-х годов прошлого века, когда И. Меунаргия вернулся в Грузию, здесь росло и ширилось народническое движение. Ведущие тенденции газет «Дрозба» и «Иверия» оказывали благотворное влияние на развитие литературной жизни. Вместе с тем, однако, уже чувствовалось приближающееся мертвящее дыхание реакции 80-х годов, грозившей гибелью всему прогрессивному.

Передовая часть грузинской общественности во главе с И. Чавчавадзе, А. Церетели, Я. Гогебашвили, Д. Кипиани и другими деятелями осознавала необходимость консолидации революционных сил для ведения последовательной, повседневной и непримиримой борьбы против реакции. В этом направлении многое уже было сделано. Деятельность передовой грузинской общественности служила вдохновляющим примером для молодого литератора. С первых же дней после своего прибытия в Грузию он активно включается в народно-освободительное движение, становится одним из его выдающихся участников. Характерно, что в даль-

¹ «Литературиლი матиан», кн. 3 — 4, 1942, стр. 217 — 218.

² Там же, стр. 226.

³ И. Мансверашвили, Воспоминания, под ред., с предисл. и примеч. Л. Асатиани, Тб., 1936, стр. 10.

нейшем И. Меунаргия почти каждый шаг своей практической деятельности связывает с «популярнейшим общественным деятелем революционного движения Грузии второй половины XIX века» — И. Чавчавадзе⁴, который по этому и сам писал ему: «Не забывай что у тебя есть один-единственный друг, и друг этот — твой Илья Чавчавадзе»⁵.

Почти сразу же по прибытии в Грузию (1879) И. Меунаргия вместе с И. Чавчавадзе начал работать в Обществе по распространению грамотности среди грузин. Участие в этом обществе было по существу служением великому делу национального освобождения родного народа. Иона Меунаргия как член правления играл роль одного из руководителей общества. Как секретарь правления на протяжении ряда лет он нес на своих плечах всю тяжесть канцелярско-технической работы. С этого периода начинается также общественная и плодотворная критико-литературная деятельность Ионы Меунаргия. Увлеченный великой поэмой Руставели, за сравнительно короткий срок он сумел проделать огромную работу по переводу и установлению текста «Витязя в тигровой шкуре». К середине 80-х годов минувшего столетия Меунаргия перевел поэму на французский язык. Именно по этому переводу выполнил свои знаменитые, поистине великолепные иллюстрации венгерский художник Михай Зичи.

Работа И. Меунаргия над переводом поэмы Руставели сразу же получила заслуженную оценку такого авторитета, каким был Илья Чавчавадзе. В одном из своих выступлений великий писатель и общественный деятель сравнил И. Меунаргия с яркой луной, «ибо, — говорил он, — как солнечным светом озарена луна, так с этого дня озарил себя светом Руставели Меунаргия среди наших общественных деятелей»⁶.

В связи с этим переводом «Витязя в тигровой шкуре» поэт В. Орбелиани посвятил И. Меунаргия замечательное стихотворение «Светильник среди развалин». Он сравнивает в нем гениальное творение Руставели с лампадой, озаряющей путь грузинской душе, блуждающей «среди развалин», возлагает на голову переводчика этой поэмы увядающий поэтический венок. На французский перевод поэмы Руставе-

ли, выполненный Меунаргия, откликнулись иностранные специалисты.

Выдающиеся заслуги принадлежат И. Меунаргия и в области изучения и установления текста «Витязя в тигровой шкуре», с которыми был связан и самый перевод поэмы на французский язык. Как известно, к 80-м годам XIX века по инициативе И. Меунаргия была создана редакция по установлению текста «Витязя в тигровой шкуре». Редакция проделала большую работу. Ионе Меунаргия как секретарю и члену редакции пришлось вынести почти всю ее тяжесть на своих плечах. Этот бескорыстный его труд запечатлен в издании «Витязя в тигровой шкуре», осуществленном Картвелишвили. Хотя следует заметить, что заслуги И. Меунаргия в деле изучения бессмертной поэмы Руставели и, в частности, в связи с упомянутым изданием еще ждут своего исследователя.

Еще в студенческие годы И. Меунаргия начал сотрудничать в прессе. В фельетонах и корреспонденциях, которые он присылал в Грузию из-за границы, нельзя не ощутить его огромной любви к родине. Он старается держать своих соотечественников в курсе важнейших европейских событий. Вернувшись на родную землю, он сразу же с головой окунается в интенсивную публицистическую деятельность: становится постоянным сотрудником редакций грузинских газет; на протяжении ряда лет в «Иверии» под псевдонимом «Лело» печатались его «Острые заметки», заслужившие большую известность.

Внимание читателей привлекли написанные со знанием дела и с большим вкусом критические статьи Ионы Меунаргия, в которых были по-новому освещены многие проблемы развития грузинской литературы. Но особенно велики заслуги И. Меунаргия в развитии грузинской национальной культуры и литературы, и прежде всего как исследователя и биографа.

«До сих пор, — еще в 1881 году писал П. Умикашвили, — литературно-биографический материал совершенно не разработан. Время идет и уносит с собой даже те незначительные сведения, которые касаются писателей начала этого столетия, например, Александра Чавчавадзе, Петра Ларадзе, Георгия Эристави, Соломона Додаева (Додашвили. — Н. К.) и других»⁸.

⁴ Газета «Правда», 4 сентября 1936 г.

⁵ Труды Зугдидского государственного историко-этнографического музея, 1947, I, стр. 119. (Ниже мы всюду указываем: «Зугдидский музей», «Труды Зугдидского музея»).

⁶ «Дрозба», 1884, № 260.

⁷ «Мнение иностранца о «Витязе в тигровой шкуре», по поводу перевода поэмы на французский язык» (статья барона Сутерна), «Иверия», 1884, № XI — XII, стр. 68 — 102, «Дрозба», 1884, № 258, 259, 261, 262, 265; 1884, № 265, 267, 268.

⁸ «Дрозба», 1881, № 208.

57340
1701933

И. Умикашвили выразил по существу общее мнение. Иона Меунаргия остро ощутил это требование эпохи. Он составил биографии почти всех выдающихся писателей и исторических лиц. В грузинской литературе девятнадцатого века им впервые заложена основа биографического жанра литературы. Именно поэтому академик С. Джанашиа совершенно справедливо назвал И. Меунаргия «Плутархом грузинских общественных деятелей»⁹. Его перу принадлежат блестящие монографии об А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, Г. Эристави, Д. Эристави и других писателях, исторические исследования, жизнеописания Дадиани, воспоминания об И. Чавчавадзе, А. Церетели и т. д. Эти труды не утратили своего значения и по сей день. Богатство фактического материала, тонкий критический вкус и научно-исследовательское чутье, способность к классификации собранного материала, беззаветная любовь к изучаемому предмету, глубоко научное мышление и удивительно изящный и легкий, стиль придают монографиям И. Меунаргия неповторимое очарование.

«Этот замечательный биограф грузинской литературы девятнадцатого столетия, — пишет профессор А. Гацерелия, — имеет огромные заслуги в области собирания сведений, услышанных от современников, почерпнутых из различных документов и вообще первоисточников». Вместе с тем, продолжает он, И. Меунаргия-исследователь был хорошим стилистом, наделенным тем даром прекрасной простоты, который превращает его произведения в своеобразные художественные летописи. Все это отводит автору «совершенно особое место в истории грузинской литературы»¹⁰.

В своих исследованиях Иона Меунаргия не выходит за рамки ошибочной буржуазной методологии. Однако, отмечая это, следует учитывать мировоззрение писателя, воспитанного на принципах народнической идеологии. Главное — в другом: И. Меунаргия энергично боролся за победу революции 1905 года, радостно встретил весть о торжестве Великого Октября. В понимании революции, подобно «тергдалеули», он не пошел дальше чувства радости, вызванного надеждой на освобождение страны, так как был далек от объяснения революции с точки зрения на-

учного понимания классовой борьбы. Тем не менее, Иона Меунаргия стоял на высоте прогрессивных требований времени и в своих трудах сумел правильно поставить и разрешить многие вопросы с позиций прогрессивной идеологии. И. Меунаргия развил многие важные стороны литературной жизни Грузии, и именно в этом — его огромная заслуга перед историей грузинской культуры и литературы.

Иона Меунаргия — общественный деятель-практик, умный и отзывчивый руководитель, всегда служивший народу на выборных должностях и никогда не лакействовавший перед царизмом. Этот исключительно добросовестный, исполнительный и честный человек пользовался огромной любовью своих сотрудников, всей общественности Грузии. Но прежде всего современники знали его все же как замечательного литератора, который был для них крупным авторитетом¹¹.

Передовые круги грузинской общественности с особой радостью встречали каждое выступление Меунаргия. В связи с одной из его публичных лекций «Иверия» писала: «Мы должны с удовольствием и радостью встретить известие о том, что г-н Меунаргия пожелал в эти дни прочесть публичную лекцию». Газета обстоятельно разбирала эти лекции и неизменно давала им высокую оценку. Знаменательно также и то, что царская цензура всегда стремилась сорвать их¹². Его манера письма, стиль, метод исследования сразу же нашли подражателей. Однажды, вспоминает поэт-академик И. Гришашвили, «я прямо сказал ему: «Я подражаю тебе в своих исследованиях, и в этом отношении ты — мой великий учитель»¹³.

И. Меунаргия внес выдающийся вклад в историю общественного движения Грузии второй половины девятнадцатого столетия. Своей публицистической, критической и литературной, а также практической деятельностью он сыграл важную роль в деле дальнейшего развития освободительного движения грузинского народа. Выдающийся представитель поколения грузинских писателей и общественных деятелей второй половины девятнадцатого столетия, он видел цель жизни в борьбе за осуществление общечеловеческих идеалов и за лучшее будущее своей родины.

⁹ Акад. С. Джанашиа, Материалы по истории Кавказа и Грузии, III, 1939.

¹⁰ Григол Орбелиани, полное собрание сочинений, под ред. А. Гацерелия и Д. Чумбуридзе, Тбилиси, 1959, стр. 503.

¹¹ Зугдидский музей, фонд И. Меунаргия, дело №397.

¹² «Иверия», 1888, №№ 63, 65, 70.

¹³ Газета «Вечерний Тбилиси», 1959, №236 (1929).

Григорий ЛЕЖАВА

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗСКОЙ АССР

Интернационализация всей общественной жизни, являясь одной из объективных основ сближения наций, составляет главную тенденцию изменений, которые на современном этапе нашего развития привели к созданию новой исторической общности — советского народа. Эта общность характеризуется гармоничными отношениями между классами, социальными группами, нациями и национальностями.

Наряду с индустриализацией и коллективизацией интернационализация стала одной из центральных проблем теории и практики коммунистического строительства. Эти вопросы стоят в центре внимания как соответствующих научных организаций, так и нашей партийной печати.

Изучение названных проблем велось в последние годы и в Абхазском институте языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР. Разрабатывалась тут, к примеру, и такая историко-социологическая тема: «Интернационализация социально-классовой структуры населения Абхазской АССР (1926—1970 гг.)». В ходе исследования была предпринята попытка на конкретном примере населения Абхазской АССР осветить некоторые стороны внутреннего механизма этого сложного процесса. В предлагаемой ниже вниманию читателей статье Г. Лежава дана постановка рассматриваемого вопроса и некоторые результаты его изучения.

Образование многонационального социалистического государства — выдающийся результат революционного творчества всех советских народов, руководимых и вдохновляемых нашей славной Коммунистической партией.

В полной мере оправдалось предсказание Маркса и Энгельса о том, что «в той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собой»¹.

Установление диктатуры пролетариата оказалось важнейшим условием ре-

шения национального вопроса, а социалистическая собственность на основные орудия и средства производства — экономической базой сближения наций. Пролетарский интернационализм вытекает из самой сути борьбы рабочих за свое социальное освобождение. При этом в качестве главной силы в борьбе против всяческих форм угнетения, за установление братских отношений между трудящимися различных национальностей выступает рабочий класс.

Национальный вопрос особенно остро стоял в царской России. Самодержавие превратило страну, населенную многими десятками народов, в колониальную империю, в которой значительная часть населения испытывала на себе жестокий национальный гнет. Положение осложнялось тем, что на-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. 4, стр. 445.

кануне Великой Октябрьской социалистической революции отдельные районы России находились на разных ступенях экономического развития. Если в Центральной России, на Украине, в Прибалтике и в некоторых других районах сложились кадры промышленного пролетариата, то в Средней Азии, на Северном Кавказе, в районах Севера эти кадры были либо крайне малочисленны, либо вообще отсутствовали.

Особые условия сложились в Закавказье. Меншевики, мусаватисты и дашнаки всячески разжигали тут межнациональную рознь. Господство меньшевиков нанесло большой вред национальным отношениям в Грузии и, в частности, в Абхазии. Сегодняшняя жизнь Абхазской АССР является ярким результатом реализации программы Коммунистической партии Советского Союза по социальному и национальному вопросу. Чтобы показать, в каких сложных условиях приходилось решать эту проблему, приведем некоторые социально-демографические показатели. Согласно статистическим данным, в 1897 году сельское население Абхазии составляло 92,5 процента, в 1917-м — 90, в 1923-м — 86 процентов.

Наглядную картину социально-классовой и национальной структуры населения республики дают материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года. По этим данным сельское население Абхазии составляло 85 процентов. Среди них абхазов было 30 процентов, грузин — 33, армян — 13, русских — 4, прочих — 20. Среди городского населения удельный вес абхазов равнялся 6,4 процента, грузин — 26,4, русских — 17,3, греков — 9,4, армян — 8,4.

Классовая структура населения Абхазии к 1926 году носила крестьянский характер. Некооперированные крестьяне в общей численности занятого населения составляли 81 процент, рабочие — 6,3, служащие — 6,1. Сохранились эксплуататорские элементы — зажиточные хозяйства с наемными рабочими (3 процента). Рабочих было 6431 человек, т. е. 3 процента всего населения Абхазии (национальный состав рабочих приводим ниже). Это были преимущественно сельскохозяйственные рабочие, а также рабочие типографий, портов, табачных и лесопильных заводов. При этом следует отметить незначительный удельный вес всех местных жителей — абхазов (0,7 процента) и грузин (5,1 процента). Аналогичное положение наблюдалось и во многих других республиках.

В Абхазской АССР, как мы показали, подавляющее большинство населения составляло крестьянство, и пото-

му решение национального вопроса (так же как в стране в целом) теснейшим образом было связано с крестьянским вопросом. Необходимо было превратить крестьянство в надежного союзника пролетариата по борьбе за социальное и национальное возрождение. Поэтому местные Советы с первых дней своего существования стали тут подлинным олицетворением пролетарского интернационализма. Все республиканские съезды Советов были многонациональными. Местные органы Советской власти объединили вокруг рабочего класса широкие массы крестьянства, всех трудящихся автономной республики различных национальностей. Демократическая сущность Советов побуждала их к сближению.

Объективный ход исторического развития вел отдельные советские республики к сближению. Однако процесс интернационализации проходил не стихийно, а под направляющей рукой Коммунистической партии, в соответствии с ленинским планом национально-государственного строительства.

Изучение процессов социалистического строительства в Абхазии позволяет установить конкретные и убедительные факты, свидетельствующие о достижении огромных успехов в экономическом и культурном развитии отсталых ранее районов страны. Можно привести много примеров бескорыстной помощи, которую оказывали русский и грузинский рабочий класс трудящимся Абхазии в обеспечении республики кадрами, материальными и денежными ресурсами. Достаточно сказать, что правительства СССР, ЗСФСР и Грузинской ССР неизменно выделяли крупные средства для строительства новых промышленных предприятий, для развития сельского хозяйства. К примеру, центральные районы России выделили оборудование для табачной фабрики, винокуренных заводов и т. д.

Наличие природных богатств обусловило здесь быстрое развитие многоотраслевого и трудоемкого сельского хозяйства (чаеводство, табаководство, цитрусоводство и др.), высокие темпы индустриального развития, особенно пищевой, угольной и электроэнергетической промышленности. Проводилась большая работа по расширению сети общеобразовательных школ, специальных и высших учебных заведений, научно-исследовательских учреждений. В результате всего этого произошла ликвидация экономической, политической и культурной отсталости края.

Советское государство активно проводило линию на создание однородной социальной структуры во всех частях страны. Это рассматривалось им как важнейшее условие фактического равенства народов, их общественного

прогресса. Значительную роль в осуществлении такой задачи сыграло создание социалистической промышленности в национальных республиках.

Учитывая, что население Абхазии по своему составу многонационально и имеет почти аналогичное со всем Советским Союзом соотношение классов, а все социальные изменения, происходящие в СССР, как бы в миниатюре отражаются в общественной жизни Абхазской АССР, мы имеем возможность, исходя из материалов всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959 и 1970 гг. и др., поставить вопрос об интернационализации социально-классовой структуры общества, как части процесса интернационализации всей общественной жизни и одной из объективных основ сближения наций СССР.

Интернационализация общественной жизни — это «уничтожение раздробленности человечества»¹. При капитализме интернационализация социально-классовой структуры состоит в уничтожении пестроты социально-классового состава общества, характерного для докапиталистических формаций, в резком размежевании классов и классовых интересов.

Социализм упрощает социально-классовую структуру, поскольку ликвидирует эксплуататорские классы. Остаются два дружественных класса. Качественное отличие интернационализации социально-классовой структуры состоит здесь в нарастании социальной однородности, которая усиливается в период строительства коммунизма.

Население Абхазской АССР, как и все наше общество, строящее коммунизм, состоит из классов и социальных слоев, совокупность и взаимоотношение которых составляют социально-классовую структуру общества.

Одним из характерных признаков прогрессивных сдвигов в классовой структуре населения является рост удельного веса рабочих и служащих. Так, если в 1926 году среди занятого населения Абхазии рабочие и служащие составляли 12,4 процента, в 1939 году — 39,4 процента, в 1959 году — 52,4 процента, то в 1970 году они достигли 72,1 процента. Из них рабочие соответственно — 6,3; 23,1; 31,2 и 45,6, служащие составили в 1926 году 6,1 процента, в 1970 году — 25,5 процента. Иная картина с крестьянством. Если в 1926 году крестьяне-единоличники и некооперированные кулаки составляли 81 процент всего занятого населения, то к 1970 году их удельный вес дошел до 0,2 процента, к тому же одновременно возник новый класс — колхозное крестьянство. В связи с непрерывным развитием про-

мышленности, преобразованием колхозов в совхозы и переходом крестьян в города удельный вес колхозников в численности населения Абхазии падает. Так, в 1939 году их было среди занятого населения 50,5 процента, в 1959 году — 47,9 процента, а в 1970 году это число уменьшилось до 27 процентов.

В 1926 году среди занятого населения статистика зафиксировала 3 процента зажиточных хозяйств с наемными рабочими; позже элементы эксплуататорских классов полностью исчезли.

Резкое увеличение удельного веса рабочих и служащих и постепенное уменьшение удельного веса колхозного крестьянства сами по себе говорят о тенденции интернационализации классовой структуры населения, о ведущей роли рабочего класса в общественной жизни республики.

Подтверждением прогрессивных сдвигов в социально-классовой структуре населения Абхазии может служить также сопоставление показателей классовой структуры населения Абхазской АССР с аналогичными данными других республик. Если в 1939 году среди всего населения СССР и Украинской ССР рабочие и служащие составляли 50 процентов, а в Грузинской ССР — 37 процентов, Армянской ССР — 32 процента, Азербайджанской ССР — 42 процента, то в Абхазской АССР — 37,5 процента. В 1959 году этот показатель соответственно изменился так: СССР — 58, Украинская ССР — 58, Грузинская ССР — 56, Армянская ССР — 62, Азербайджанская ССР — 58 и 55 — в Абхазской АССР. К 1970 году по материалам Всесоюзной переписи на 1 января 1970 года удельный вес рабочих и служащих по СССР равнялся 80 процентам, по Грузинской ССР — 71,6 процента, по Абхазской АССР — достиг 67 процентов, а рабочих соответственно — 55, 47, 44, служащих — 25, 25, 23, колхозного крестьянства — 20, 28, 33.

Таким образом, по удельному весу основных общественных групп населения Абхазская АССР приближается к общесоюзным показателям. Это свидетельствует о выравнивании социально-классовой структуры населения Абхазии.

Выравнивание социально-классовой структуры — нарастание социальной однородности — выражает процесс интернационализации. Однако суть интернационализации социально-классовой структуры заключается и в том, что многонациональными становятся сами классы (рабочий класс, колхозное крестьянство) и главный социальный слой (интеллигенция). При исследовании процесса интернационали-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 256.

зации классовой структуры и сближения наций можно выделить четыре основные нации, представленные в Абхазии: абхазов, грузин, русских и армян.

Каждая нация в то же время имеет свою социально-классовую структуру, так как состоит из национального отряда рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Следовательно, национальные отряды рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции являются частью единого многонационального класса (или слоя), с одной стороны, и частью определенной нации — с другой.

Такая двойная связь, отражая реальное взаимопроникновение классовых и национальных общностей людей, их взаимосвязь, позволяет классам играть важную роль в осуществлении процесса сближения наций на всех этапах развития народностей и наций.

Надо подчеркнуть, что классы, социальные слои, нации и национальности нами рассматриваются в данном случае, как объекты истории, то есть изучаются те изменения, которые они претерпели в процессе социалистического строительства.

Особое внимание в ходе социалистического строительства уделялось созданию национальных отрядов рабочего класса. Заметных успехов в создании национальных кадров рабочих достиг ряд республик, входящих в состав СССР.

Однако темпы формирования национальных отрядов рабочего класса сдерживались рядом факторов: сравнительно низким исходным уровнем профессиональной подготовки местного населения, недостатками привлечения рабочей силы из деревни в промышленность. Эти факторы полностью распространялись наряду с другими республиками и на Абхазскую АССР.

Специфической особенностью развития сельскохозяйственного производства Абхазии, как и других субтропических районов страны, является то, что здесь исключительно большое значение придавалось выращиванию трудоемких технических и субтропических культур: чая, табака, цитрусовых и др. Это сдерживало миграцию сельского населения в город, в промышленность.

В таких условиях большую роль в формировании кадров рабочих в Абхазии играло население старых промышленно развитых районов СССР, особенно русские и украинцы.

Если общую численность рабочих в составе рабочего класса Абхазии принять за 100, то в 1926 году абхазов было 2,6 процента, грузин — 19,7 процента, а остальные — 77,7 процента — были русские, украинцы, армяне и прочие. В 1939 году удельный вес аб-

хазов увеличивается до 3,9 процента, в 1959 году — до 6,3 процента, а в 1970 году — до 10,3 процента. Удельный вес грузин в 1939 году уменьшается до 12,4 процента, однако в 1959 году он достиг 21,8 процента, а в 1970 году — 36 процентов.

В период строительства социализма основное национальное ядро рабочего класса Абхазии составляли русские, их удельный вес в 1939 году был равен 56,8 процента, некоторое снижение — до 46,3 процента — произошло в 1959 году, а к 1970 году он падает до 29,8 процента. Удельный вес армян среди рабочих возрос с 5,2 процента в 1939 году до 10,2 процента в 1959 году и 11,7 процента — в 1970 году.

Таким образом, рабочий класс Абхазии многонационален по своему составу, в котором заметна четко выраженная тенденция постоянного роста кадров из местной коренной национальности.

Изменение удельного веса национальных отрядов в многонациональном рабочем классе сопровождается изменением классовой структуры вышеуказанных национальных групп в сторону выравнивания удельного веса рабочего класса ранее угнетенных национальностей. Так, если общую численность всех национальных групп взять за 100, то рабочие среди абхазского населения в 1926 году составили 0,7 процента, в 1939 году — 5,1 процента, в 1959 году — 12,5 процента и в 1970 году — 29,7 процента; среди грузин соответственно — 3,2; 9,7; 18,4; 38,8 процента; среди армян в 1939 году — 8,5 процента, в 1959 году — 19,8 процента, в 1970 году — 36,7 процента, а среди русского населения удельный вес рабочих увеличился с 60,8 процента в 1939 году до 64,4 процента в 1959 году и 66,5 процента — в 1970 году.

Выявление указанных соотношений удельного веса рабочих среди национальностей, населяющих Абхазскую АССР, создает конкретную картину, без учета которой невозможно правильно ориентироваться при изучении сложных вопросов национальных отношений в Абхазской АССР. Однако, чтобы показать плодотворные результаты политики нашей партии в национальном вопросе на примере Абхазской АССР, следует выделить абхазскую нацию, являющуюся аборигеном в республике.

При изучении статистических материалов об абхазах в первую очередь обращают на себя внимание показатели, отражающие миграционные процессы среди абхазского населения. Так, рост удельного веса абхазов в городском населении составил: в 1926 году — 6,4 процента, в 1939 году — 8,6 процен-

та, в 1959 году — 10,2 процента и в 1970 году — 11,4 процента.

Полную картину процесса урбанизации среди абхазов дает их распределение по городскому и сельскому населению. Так, если в 1926 году в городах Абхазской АССР проживало 2 063 абхаза, или 3,7 процента всего абхазского населения, то в 1970 году численность абхазов в городах поднялась до 24 446 человек, что составляет 32 процента всего абхазского населения.

Как видно, доля горожан среди абхазского населения и их численность увеличились в 12 раз. Невозможно переоценить прогрессивность этого сдвига в структуре абхазской нации.

О выравнивании классовой структуры абхазов, появлении промышленных рабочих среди них и становлении однотипной социальной структуры советских наций, в том числе и абхазов, говорят следующие данные: удельный вес рабочих и служащих среди коренной национальности в РСФСР в 1939 году составлял 56,8 процента, в 1959 году — 76 процентов; в Украинской ССР — соответственно 42,4 и 47; в Белорусской ССР — 31,5 и 43; в Азербайджанской ССР — 21,7 и 39; в Армянской ССР — 41,3 и 60; в Узбекской ССР — 16,5 и 35; в Туркменской ССР — 17,7 и 31; в Таджикской ССР — 14,4 и 26; в Грузинской ССР — 29,4 и 46; в Абхазской АССР — 15 и 27.

Промышленные рабочие в 1959 году среди коренной национальности в РСФСР составляли 23 процента, в Армянской ССР — 17, в Украинской ССР — 15, в Белорусской ССР — 11, в Грузинской ССР — 10, в Азербайджанской ССР — 8, в Казахской ССР и Абхазской АССР — по 6; в Туркменской ССР — 5, а в Узбекской, Таджикской и Киргизской ССР — 4 процента.

Хронологические рамки динамики социальной структуры советских наций ограничены 1959 годом, так как материалы последней Всесоюзной переписи населения пока еще полностью не обработаны. Имеются данные переписи о распределении населения по общественным группам источников средств существования и национальностям по Абхазской АССР. Это позволяет воссоздать полную картину изменения классовой структуры абхазов за 50 лет.

Так, удельный вес рабочих и служащих среди абхазов вырос с 3,4 процента в 1926 году до 48,2 процента в 1970 году, в том числе удельный вес рабочих увеличился с 0,7 процента до 29,4 процента, служащих — с 2,7 процента до 18,8 процента.

Особого внимания заслуживает изменение, которое претерпело абхазское крестьянство, так как при образовании СССР абхазы были почти полностью

крестьянами. В 1926 году среди неорганизованных крестьян составляли 89,3 процента, после коллективизации абхазское село преобразовалось на социалистических началах, и возник новый класс — колхозное крестьянство, которое в 1939 году уже составляло 79,8 процента всего абхазского населения, в 1959 году их доля уменьшается до 72,8 процента, а в 1970 году в связи с возникновением совхозов на базе колхозов удельный вес колхозного крестьянства составил 51,4 процента.

Приведенные данные свидетельствуют об огромных изменениях в классово-национальной структуре за годы Советской власти в Абхазии. Разумеется, это относится и ко всему советскому обществу.

Создание социально однородного общества, общества без классов и национального неравенства — основная тенденция этих изменений, которая привела на современном этапе нашего развития к созданию новой исторической общности — советского народа, характеризующейся гармоничными отношениями между классами, социальными группами, нациями и национальностями¹.

На примере изменения классовой структуры абхазов можно утверждать, что если даже национальная структура малочисленной народности совершенствуется и достигает уровня более высокоразвитых наций, то в них обнаруживаются объективные признаки превращения народности в нацию, сближения с другими нациями и народностями.

Диалектика развития социалистического общества такова, что сближение классов и социальных слоев, наций и народностей происходит на базе их всестороннего развития. Эта закономерность подтверждается и на примере развития рабочего класса Абхазии как ведущей силы общественного развития республики, а также преобразованием ранее отсталой этнической группы в развитую социалистическую нацию.

Таким образом, произошли изменения и взаимопроникновение классовой и национальной общностей людей, взаимосвязано изменялись классовые и национальные отношения. Формирование многонационального рабочего класса Абхазии сыграло решающую роль в сближении различных национальностей, населяющих Абхазию. Изменение классовой структуры всего населения республики непосредственно влияло на развитие и сближение национальностей, а усиление социальной однород-

¹ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. I, М., 1971, стр. 101.

ности наций являлось важнейшим фактором их сближения.

Количественная характеристика процесса изменения классово-национальной структуры населения Абхазской АССР подтверждает качественно новое содержание закона развития наций и национальных отношений при социализме, которое состоит в сближении двух известных тенденций нации. Это проявляется в том, что не только сближение (вторая тенденция), но и всестороннее развитие, расцвет (первая тенденция) означают рост наряду с интернациональными национально-специфическими черт наций.

Глубокая причина этого процесса заключена в природе социализма, в частности, в интернациональной природе ведущего класса нации — рабочего класса.

Следует отметить, что в структуре национального фактора происходит изменение соотношения интернациональных и национально-специфических черт в сторону увеличения интернациональных, что, безусловно, служит ярким показателем сближения наций. В росте интернационального начала нации отражается процесс интернационализации общественной жизни, который является основой сближения наций.

В. И. Ленин подчеркивал всемирно-исторический характер процесса интернационализации, отмечая при этом, что вся жизнь начинает интернационализироваться при капитализме, социализм же целиком интернационализирует ее.

Однако это не значит, что процесс интернационализации вызывает ослабление развития национального фактора, ограничение (или потеснение) им. Здесь другая диалектика соотношения. И состоит она не в простой взаимосвязи и взаимодействии, а во взаимообусловленности и даже взаимопроникновении. Интернациональное существует не само по себе, а только на основе национального, в единстве с ним. Национальное же во всех своих основных проявлениях развивается на базе интернационального. Характер соотношения и единства ярко олицетворяется в советском народе, как в новой исторической общности людей.

Многонациональный советский народ, как новая историческая общность, не есть результат исчезновения наций, а является достижением определенной степени единства, обусловленного социально-экономическими и идейно-политическими факторами.

Именно диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность процессов расцвета и сближения наций привела к тем политическим, экономическим и культурным изменениям, на основе которых сложилась новая историческая

общность — советский народ.

Таким образом, в результате глубоких социальных преобразований и ликвидации тех общественно-экономических диспропорций, которые существовали между народами до Великой Октябрьской социалистической революции, возникло общество в целом и каждая нация и народность, имеющие однотипную социальную структуру (рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция). Такая структура названа в постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик в числе самых важных достижений советского народа.

Советское многонациональное государство, преследуя цель наиболее полного удовлетворения интересов всего советского общества, добивается ускоренного развития республик, которые еще отстают от других по уровню производства. Эта линия закреплена в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития СССР на 1971 — 1975 гг. Осуществление намеченной программы является важнейшим вкладом Советского государства в процесс дальнейшего выравнивания социальной структуры социалистических наций, ликвидацию элементов экономического и культурного отставания отдельных народов вследствие политических и географических факторов их развития в прошлом¹.

Более высокие, чем ранее, формы экономического сотрудничества наций на современном этапе, рост социальной однородности наций обогащают идеи и принципы социалистического интернационализма. Советская федерация, как единый организм, может успешно развиваться лишь на основе ленинского демократического централизма в руководстве народным хозяйством. Этот принцип позволяет успешно сочетать общегосударственные интересы и интересы каждой республики.

Интересы республик формируются под влиянием ряда факторов: уровня развития производительных сил, соотношения городского и сельского населения, промышленного и сельскохозяйственного производства, удельного веса продукции, производимой для вывоза и внутривнутриреспубликанского потребления, национальных традиций, национального состава населения, его культурно-технического уровня. Структура и характер национальных интересов не остаются неизменными.

¹ О сохранении разницы между уровнем развития социальной структуры социалистических наций говорят вышеприведенные данные изменения классово-национальной структуры населения СССР.

КУЗНИЦА АВИАТОРОВ

20 июля 1944 года в неравном бою за переправу на реке Западный Буг смертью храбрых пал Герой Советского Союза гвардии майор Чичико Бенделиани. В том же году имя славного сына грузинского народа, на счету которого было 400 боевых вылетов и 30 сбитых самолетов противника, присвоили Тбилисской спецшколе ВВС.

История этого учебного заведения такова.

В Европе бушевала вторая мировая война. Фашизм угрожал и нашей социалистической Родине. Среди прочих многообразных забот по обеспечению оборонного могущества Родины наша партия принимала меры и к созданию квалифицированных кадров для советской военной авиации. Было решено готовить советских юношей для поступления в летные училища в специальных средних школах военно-воздушных сил. С этой целью во многих крупных городах страны были созданы такие авиационные спецшколы. Такая спецшкола ВВС была организована и в Тбилиси.

Свой первый учебный год специальная школа начала 13 января 1941 года. Из 1800 юношей, подавших заявление, было отобрано и приступило к обучению 470.

Первый выпуск состоялся буквально накануне Великой Отечественной войны—21 июня 1941 года. Все 64 выпускника были направлены в Майкопское военно-авиационное училище. На следующий день—22 июня 1941 года—фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз...

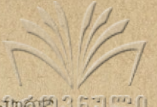
В тяжелые дни Великой Отечественной войны ученики спецшколы в массовом порядке подавали заявления, требуя немедленной отправки на фронт. Командованию с большим трудом удавалось удерживать их—ведь стране нужны были хорошо обученные кадры авиаторов.

Большим притоком молодежи республики в нашу спецшколу ознаменовался следующий учебный год. Здесь царил подлинно боевой дух. Этому во многом способствовала система обучения и воспитания, высокий уровень которой обеспечивал квалифицированный преподавательский состав. Особенно серьезное внимание уделялось изучению русского языка, математики, физической подготовке учеников. И тут нельзя не вспомнить заслуги в этой области мастера спорта Ш. Мерквиладзе, ныне заслуженного учителя Грузинской ССР, директора спортшколы.

Укреплению чувства высокого патриотизма учеников во многом способствовало присвоение Тбилисской спецшколе ВВС имени Героя Советского Союза Чичико Бенделиани, о мужестве и отваге которого слагались песни. Воспитанники спецшколы мечтали быть такими же бесстрашными авиаторами, каким был офицер Бенделиани.

И действительно, многие вчерашние спецшкольники героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны. В боях с фашистскими захватчиками приняли участие свыше двухсот наших питомцев. Следуя примеру Чичико Бенделиани, они достойно выдержали суровые испытания войны. Так, выпускник школы Т. Мгебришвили участвовал в освобождении Белоруссии, Прибалтики, Польши и Чехословакии, в штурме Берлина. За образцовое выполнение боевых заданий он был награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги».

На личном счету другого бывшего нашего спецшкольника Г. Канкава было 38 боевых вылетов и два сбитых самолета. Его наградили медалью «За бое-

вые заслуги». Выпускник спецшколы С. Еприкян участвовал в боях за освобождение Минска, в штурме Кенигсберга. Он стал кавалером ордена Отечественной войны 2-й степени, медалей «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и другие. За освобождение Украины, Крыма, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии героически сражался Г. Алавердов, по окончании летной школы направленный на 4-й Украинский фронт. За отличное выполнение заданий командования этого летчика наградили орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Славы 3-й степени и тремя медалями.

Лейтенант Г. Гогитидзе в 1943 году в кровопролитном сражении за освобождение Киева получил тяжелое ранение, но не оставил поля боя и с честью выполнил боевую задачу. Участвовал он и в боях за взятие Берлина, за освобождение Праги. На груди летчика сиял орден Отечественной войны 1-й степени.

Не перечислить всех, кто ратными подвигами на фронтах Великой Отечественной войны прославил родную спецшколу. Вот лишь некоторые имена: Н. Жданов, Е. Азрумов, И. Дворцов, В. Сергеев, А. Зигман, Н. Ломтагидзе, Г. Пулария, Г. Мачаидзе, Н. Лобжанидзе, Г. Попхадзе, В. Двали, Ф. Бухникашвили, И. Арутюнов, В. Девидзе, Ш. Адамашвили, Г. Чхенкели и другие.

Бывшие спецшкольники-бенделиановцы всегда тепло вспоминают годы, проведенные в стенах своего учебного заведения, командно-преподавательский коллектив, подготовивший за 15 лет существования специальной школы (1940—1955 гг.) 1350 молодых воинов, направленных в авиационные училища и военно-инженерные академии страны. Половину из них составили местные национальные кадры. Лучшие стали преподавателями: профессор, доктор технических наук, полковник-инженер Мелик-Пашаев, кандидат технических наук, полковник-инженер Санадзе, подполковник-инженер Даушвили...

Многие воспитанники Тбилисской спецшколы ВВС успешно учились в военных академиях. Ленинградскую военно-инженерную Краснознаменную академию имени А. Ф. Можайского успешно окончили В. Аксенов, К. Аниси-

мов, Р. Месропов, Р. Белокопылов, В. Блинский, И. Иваненко, В. Бездетов, Г. Килиджан, Ю. Тер-Акопов, Э. Цатуров-Стальский, Н. Самошкин, Г. Николайшвили и другие.

Многие бывшие ученики спецшколы и сегодня служат в военно-воздушных силах Советской Армии. Иные трудятся в Гражданском воздушном флоте, управляют самолетами: Герой Социалистического Труда Б. Чимакадзе, летчики Ш. Кацитадзе, К. Курганидзе, О. Асламазашвили, Ш. Деданашвили, Э. Норманидзе, А. Харабадзе, А. Умур-вешашвили, Э. Чачава, О. Тавадзе, Р. Чанадири, О. Каджая, А. Кураташвили и многие другие. Верные традициям воспитавшей их специальной школы, они своим трудом славят родную авиацию, любимую Отчизну.

Хотелось бы вспомнить имена офицеров В. Нануашвили, Б. Ахаладзе, А. Дохияна, С. Давитяна, З. Зинченко, Ш. Катамадзе, М. Жилищина, Р. Церцвадзе, Б. Кекелия, З. Ломидзе, В. Бабова, К. Хунцария и многих других. Все они и сегодня достойно выполняют свой воинский долг перед Советской Родиной, воспитывая личный состав в духе пролетарского интернационализма, советского патриотизма, в духе преданности Коммунистической партии, нашему правительству и социалистической Родине. В совершенстве владея современной боевой техникой, они умело руководят подчиненными.

На каких только участках не трудятся сегодня наши бенделиановцы! Не могу не удержаться, чтобы не назвать их добрых имен—А. Манелашвили, братьев Н. и Г. Майсурадзе, Г. Дарчия, Т. Иоселиани, И. Даварашвили, Героя Социалистического Труда В. Папинашвили, Р. Мирцхулава, Х. Арчешашвили, Н. Хунцария, А. Кулиди, А. Асатурова, К. Ушверидзе, В. Сулакаури, З. Автандилишвили, Г. Садзаглишвили, Ш. Бенделиани, Г. Церава, Г. Напетваридзе, Г. Попхадзе, Р. Чемяя, В. Бухникашвили, М. Мирианашвили, М. Каландарашвили и других. Всем им замечательную закалку дала Тбилисская спецшкола ВВС имени Героя Советского Союза гвардии майора Чичико Бенделиани.

ОСОБЫЙ ТАЛАНТ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Иродиону Кавжарадзе
 80 лет

Испытываешь особое волнение, когда, поздравляя юбиляра — писателя и общественного деятеля, — оценивая и обозревая общеизвестные плоды его творчества и труда, можешь вспомнить и что-то сугубо личное, некогда связанное тебя с этим человеком.

В том возрасте, когда с юношеской жадностью поглощаешь и с особой пользой воспринимаешь шедевры мировой литературы, мне довелось впервые прочитать в прекрасных переводах Иродиона Кавжарадзе жемчужины французской прозы — «Рене» и другие повести Шатобриана, «Поля и Виргинию» Бернардена де Сен-Пьера, «Гобсека» и «Полковника Шабера» Бальзака. И в дальнейшем, каждый раз, когда под переводом с французского ли, русского или украинского стояла подпись Иродиона Кавжарадзе («Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого, «Дубровский» А. С. Пушкина — сам этот перечень говорит за себя!), я испытывал двойную радость — и от самой вещи, и доставленную родным, грузинским ее звучанием.

В кабинет этого глубоко уважаемого человека пришлось постучаться мне где-то на рубеже 1944—45 годов, когда мне понадобились помощь и рекомендация Союза писателей Грузии для поступления в Московский Литературный институт имени Горького. Не забыть мне ласку и заботу, заинтересованность в судьбе молодого человека, начинающего литератора, которую тогда проявил Иродион Евстафьевич.

Прошло с тех пор четверть века с лишним, и я не раз бывал восхищенным свидетелем его такого же доброжелательного, активно-заинтересованного участия в больших и малых делах и потребностях молодых и пожилых, неведомых еще никому и всемирно прославленных писателей, обращавшихся к нему за помощью, советом, консультацией. Безотказность дружеской и деловой подмоги, простота и неподчеркнутая естественность каждой доброй его услуги стали нами восприниматься как нечто само собой разумеющееся — а как же иначе? Это ведь наш Иродион! И если в сложном и динамическом организме, каковым является коллектив Союза писателей Грузии, если в естественном процессе его роста, мужания, смены его руководства, подъёмов и временных спадов в его работе, был и есть человек, литератор, работник, который олицетворял и олицетворяет преемственный дух добра, культуры, чуткости, деловитости, без чего всем нам было бы худо, то это в первую очередь он — Иродион Кавжарадзе.

Скромность его образцова и показательна. Опубликовав первый свой рассказ полвека назад в «Журнале Галактиона Табидзе», вступив на путь литературного творчества с благославления великого грузинского поэта, создав с тех пор многие отличные произведения (лучшие из которых собраны в книге рассказов «Адам и Ева», «Дедушка Ермиле»), не прекращая на протяжении десятилетий плодотворной переводческой работы (от Бальзака до Фучика, от Пушкина до Гончара, а наряду с ними творения армянских, азербайджанских, абхазских, осетинских писателей!), Иродион Кавжарадзе всегда стоял без устали и на своем служебно-организационном, общественно-литературном посту

в Союзе писателей, никогда не требуя ни от кого помощи и внимания к себе (а кто в этом не нуждается?), но всегда готовый одарить любого из нас своим вниманием, своей помощью.

Для того чтобы воплотить в себе все эти качества, мало обладать чисто литературным дарованием, тут необходим особый талант человечности и некая организаторская «струна» в душе, неиссякаемая душевная энергия. Именно об этом писал недавно один из выдающихся мастеров грузинской литературы, живой классик грузинской прозы Серго Клдиашвили: «...Сильно и искренне должен любить человек среду, в которой он находится, чтобы столь преданно и с такой самоотдачей служить ей... Он сам писатель, создатель многих произведений прозы, вдохновенно написанных рассказов, доставляющих истинное удовольствие, и вот уже полвека, как он, помимо чисто творческой работы, без устали впряжен в ежедневную практическую работу в Союзе писателей Грузии... Пожелаем же нашему верному и любимому другу еще долгих лет работы как в родном ему Союзе писателей, так и за своим рабочим письменным столом, вносящим своими книгами вклад в грузинскую литературу».

От души присоединяемся и мы к этому доброму пожеланию.

Георгий Маргвелашвили

Дорогой Иродион Евстафьевич!

От всей души поздравляем Вас с восьмидесятилетием со дня рождения. Около шестидесяти лет Вы известны как прозаик и переводчик. Много сделано Вами для сближения и обогащения братских литератур нашей страны. Благодаря Вашим переводам широкие круги грузинских читателей ознакомились с «Севастопольскими рассказами» Л. Н. Толстого, с прозаическими произведениями А. С. Пушкина, с рядом произведений писателей союзных республик и зарубежных авторов.

Мы также ценим Вашу многолетнюю организаторскую деятельность в Союзе писателей Грузии.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
СОВЕТ ПО ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

ДРУГУ-ЛИТЕРАТОРУ

Редкий дар до самых преклонных лет оставаться молодым дан не многим. Его обладатели, как правило, люди щедрой, чистой, доброй души. Люди, имеющие свой кумир — любимое дело, которому они преданы беспредельно и служат бескорыстно. Люди, которые честно и добросовестно выполняют свой долг, которые бесшестно на своем посту.

Таков и наш юбиляр — Иродион Евстафьевич Кавжарадзе. И сегодня, когда ему 80, — он, как всегда, у дел, спокойный, полный творческих сил и энергии. Пусть так будет еще много, много лет!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ
КОЛЛЕКТИВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ»

Единство народов, единство литератур

Недавно на прилавках книжных магазинов появилась книга Игоря Богомолова и Романа Миминошвили «Дружба братских литератур» (издательство «Мецниереба», Тбилиси, 1972). Ее авторы стремятся определить место грузинской литературы в литературах народов СССР, ту роль, которую братские республики сыграли в развитии духовной культуры грузинского народа. Задача эта, бесспорно, сложная. «Для того чтобы подсчитать количество взволнованных, проникновенных произведений, посвященных грузинскими писателями братским народам, — говорится в книге, — по всей вероятности, потребовалось бы счетно-вычислительное устройство. Но даже оно не смогло бы определить степень чувств, питаемых представителями нашей литературы к братским народам, столь глубока, всеобъемлюща и многогранна их любовь».

Каждое произведение является частью души писателя. Более того, каждое произведение истинного художника — частица души его народа. В этом убеждаешься, когда знакомишься как с лучшими образцами грузинской литературы, так и с произведениями многонациональной советской поэзии. А именно из этого и складывается любовь и дружба наших народов.

Читая книгу, видишь, сколь прочны братские связи литератур народов СССР. На большом фактическом материале авторы проводят мысль, что в основе взаимосвязей наших литератур лежит единство наших народов на их пути к общей цели.

«Советская грузинская литература, — писал народный поэт Грузии Георгий Леонидзе, — развивается вместе со всеми литературами народов СССР. Мы учимся друг у друга, перенимаем все лучшее, искренне приветствуем каждое новое достижение собратьев по литературному труду». И. Богомолов и Р. Миминошвили попытались это положение подтвердить многочисленными фактами.

Как большое достоинство книги отметим, что в ней рассмотрены взаимосвязи грузинской литературы с литературами всех союзных республик. В ней, помимо вступления и заключения, — шестнадцать глав, посвященных взаимосвязям грузинской советской литературы с литературами братских республик. Отдельные очерки касаются взаимосвязей грузинской литературы с литературами народов Северного Кавказа и некоторых других автономных республик и областей нашей Родины. И если в нашем литературоведении достаточно хорошо разработаны вопросы грузино-русских, грузино-украинских, грузино-белорусских, грузино-армянских, грузино-азербайджанских, грузино-таджикских литературных взаимосвязей, то все, что связано с такими республиками, как Молдавия, Туркмения, Латвия, Литва и другие, представляет собой новую страницу в истории взаимосвязей литератур этих народов с грузинской литературой.

Книга «Дружба братских литератур» не претендует на сугубо научный подход в исследовании взаимосвязей. Это сборник научно-популярных очерков, объединенных одной темой. И хотя основное внимание в нем уделено отношениям, сложившимся в советский период, авторы постоянно обращаются к многовековым традициям, которые в прошлом связывали грузинскую духовную культуру с культурами других народов. Грузинский народ и его древнейшая культура веками были связаны с судьбами других народов. В силу своего географического положения Грузия издревле была центром, соединяющим многие народы мира, постоянно находясь в тесных контактах с непосредственными соседями и с передовыми очагами цивилизованного мира. Прибегая к интересным документам, авторы показывают, что истоки грузинской письменности, как многих литератур народов СССР, уходят корнями в седую старину, что именно на этой благодатной интернациональной почве выросла, окрепла и расцвела в новую эпоху

дружба грузинской литературы с литературами советских республик.

В книге подчеркивается, что развитие грузинской советской литературы, как и литератур союзных республик, характеризуется общей благородной тенденцией: верно служить нерушимому единению народов Советского Союза. Эта тенденция ярко отразилась в прониковенных строках крупнейшего грузинского поэта Галактиона Табидзе:

Народ бессмертен и велик.
Он всех побед творец,
Какое счастье, что возник
Такой союз сердец!

Книга построена на обширном фактическом материале. Прежде всего рассмотрены произведения грузинских писателей, посвященные братским республикам. Это в первую очередь циклы: Т. Табидзе «В Армении», Г. Леонидзе «В Миргороде», С. Чиковани «Свет Севана», Р. Гветадзе «Песни о Белоруссии», К. Чичинадзе «Путешествие в Среднюю Азию», И. Мосашвили «На Украине», И. Нонешвили «На земле Казахстана», Х. Берилава «Русское сердце», Т. Чиладзе «Латвийская тетрадь» и так далее.

Рассмотрены также произведения представителей братских литератур и среди них — М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина, Н. Тихонова, М. Бажана, П. Тычины, А. Малышко, Н. Рыбака, О. Новицкого, М. Рыльского, Я. Купалы, Я. Коласа, П. Глебке, П. Бровки и многих, многих других.

Наряду с художественными произведениями в сборнике широко представлены документальные материалы (письма, выступления, литературно-критические статьи, опубликованные в газетах и журналах, мемуарная литература). Некоторые из них публикуются впервые (это воспоминания М. Хведоровича о поездке в 30-е годы группы белорусских писателей в Грузию, Б. Кербабаява — о встречах с Г. Леонидзе, А. Рошки — о пребывании в Грузии, рассказ И. Крецу о работе над переводом поэмы Руставели и др.).

Приводятся примеры литературных параллелей, сопоставляются темы и их творческое решение в произведениях мастеров пера различных национальностей. В этом аспекте анализируются произведения И. Гришашвили «Грузинские цитрусы — Украине», М. Турсун - заде «Шофер», У. Лахта «Рица» и другие.

Книга по стилю своему очень лирична, воспринимается не как литературоведческое исследование, а как беллетристическое произведение. Нет сомнения в том, что многонациональный читатель по достоинству оценит эту работу, как первую попытку проследить взаимосвязи грузинской литературы с культурами всех народов и некоторых народностей Советского Союза в их огромной общности и цельности. И пусть иные очерки в сборнике носят фрагментарный характер, пусть неравноценны материалы, относящиеся к различным литературам. Ценность книги «Дружба братских литератур» этим не умаляется, поскольку это первая попытка систематизировать все сведения на такую тему, своего рода «энциклопедия в миниатюре» о связях грузинской литературы с литературами других советских народов, и, надо полагать, она послужит доброй службой литературоведам.

Р. Миминошвили и И. Богомолов наметили пути исследований, подняли проблемы, хотя и имеющие уже место в литературоведении, но в таком широком аспекте, в котором они еще никогда не решались. Эта книга вдохновляет на кропотливый сбор материалов, тщательную их систематизацию как по связям отдельных писателей — представителей различных союзных республик с Грузией, так и по общности мотивов их творчества, призывает уточнять отдельные моменты процесса развития взаимосвязей, чтобы это легло в основу истории науки о взаимосвязях грузинской литературы с братскими литературами.

Настало время приступить к планомерному, более полному, всестороннему и углубленному осмыслению процесса взаимосвязей и взаимодействия грузинской литературы со всеми литературами братских республик, найти наиболее верные методологические и методические предпосылки для сопоставления творчества писателей из братских республик. Ведь в творчестве советских писателей — наших современников — во многом решаются общие проблемы, выявляются те закономерности, которые и определяют их идейную общность. Поэтому так настоятельно и ощущается необходимость продолжить поиски авторов книги, создать новые работы, в которых всесторонне выявлялись бы те черты, которые делают писателей братских республик «хорошими и разными».

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

«ПЕСНЬ ЛЮБВИ»: НАХОДКИ

И ПОТЕРИ

В наш век — век технического прогресса, ускоренного темпа жизни и деятельности — любовь, как вечный огонь, согревает и сосредоточивает внимание на прекрасном в человеке. Поэзия любви возвышает чувства, приводит в движение все лучшие стороны человеческой натуры.

Книга лирических стихов — это не просто сборник, облегчающий соприкосновение сразу со всем многонациональным сердцем страны, это лучи солнца, зажигающие в нас собственный свет.

Многонациональная лирика собрана в двух томах под названием «Песнь любви» (Изд-во «Молодая гвардия», Москва, 1972). В первом — русская, во втором — национальных республик.

Предисловие к первому тому сборника написано поэтично, в духе самой книги. Предисловие ко второму тому как бы продолжение первого; оно насыщено и многими интересными фактами из взаимосвязи литератур; в нем подчеркивается единство семьи многоязычного народа.

Разделам национальной лирики предшествуют очерки под поэтическими названиями типа: «Всяк сущий в ней язык» (РСФСР), «Синеокая отчизна» (Белоруссия), «На холмах Грузии», «Там, где зимают лебеди» (Туркменистан) и т. д. На 3—5-й страницах каждого очерка даны общие сведения о природе, истории, культуре, письменности, сети образования, экономике и природных богатствах края. Написано это с большой симпатией к каждому народу.

В первом томе (раздел русской лирики) представлены не только гениальные, но также второстепенные и даже третьестепенные поэты России. Он составлен с целью показать все богатство русской лирики, все грани ее, тона и полутона, все оттенки от первых робких ростков зарождающегося чувства до трагедийно-величественных его вершин. Конечно, небезынтересно знакомиться и с неизвестными именами поэтов, видеть «под одним переплетом гениев русской поэзии и начинающих поэтов, поэтов еще без книг и имен» (Л. Озеров). Но на такую полно-

ту представления могут претендовать и другие национальные литературы. А как выглядит в этом сборнике, к примеру, любовная лирика поэтического Кавказа?

С Руставели, например, сборник знакомит маленьким отрывком «Послание Таризла к возлюбленной» в переводе Н. Заболоцкого. Если это «лучшая поэма о любви, которая когда-либо была создана в Европе, огненный мост, связующий небо и землю» (К. Бальмонт), можно было бы отыскать в ней также отрывки в переводах К. Бальмонта и П. Петренко. Это только обогатило бы книгу. Если отрывок из поэмы приводится здесь в одном переводе, выбор можно было бы остановить на К. Бальмонте, так как из существующих полных переводов «Витязя в тигровой шкуре» — бальмонтовский первый, ставший литературным фактом и русской поэзии. Несмотря на расхождение с оригиналом, этот перевод отмечен талантом большого мастера. Имя Бальмонта благодаря ему навсегда связано с грузинской поэзией. Поэтому включение его перевода в сборник явилось бы закономерным проявлением благодарности народа человеку, потрудившемуся столь вдохновенно и бескорыстно. И еще: для представления лирики Руставели более уместно было бы, на наш взгляд, привести «Послание Нестан-Дареджан к ее возлюбленному».

Нельзя не заметить также, что стихи поэтов национальных республик, как и очерки к этим разделам, отдаляются от конкретной задачи книги. Если в первом разделе собрана исключительно любовная лирика, то во втором часто встречаются произведения чисто патриотического содержания, посвящения (больше Пушкину), гимны природе родных краев. В то же время в сборник не вошли, например, такие шедевры современной грузинской любовной лирики, как «Мери» Галактиона Табидзе или «Кивчагское свиданье» Георгия Леонидзе. В новом издании книги могли бы найти место также и другие лирические стихотворения уже представленных грузинских поэтов, а также стихотворения большого писателя нашего времени Константина Гамсахурдиа и некоторых других современных грузинских поэтов, лирика которых обогатит и украсит любое издание подобного характера. Таковы, например, стихи лауреата премии имени Руставели Мурмана Лебанидзе, мужественная ли-

рика Ладо Асатиани и Джансуга Чаркваниани, воплощенная в стихах нежность Марики Бараташвили и Нази Киласония, душевность Отара Челидзе.

И еще одно пожелание — в книге подобного лирического направления хотелось бы заострить внимание на обзоре литературного процесса края, на ее поэтических традициях. И если уже касаться истории, то правильно квалифицировать события. В очерке же о Грузии (стр. 472) есть строки, не выражающие характера народа, не соответствующие исторической действительности: «... Кто не нападал на эту многострадальную землю... римляне, арабы, персы, монголы, турки... Родовая месть, феодальные междоусобицы, национальная рознь, фанатическая религиозная неприязнь, кровавые похищения сыновей и дочерей — все это отзывалось стоном, криком, вековой печалью в сердце народа и в его поэзии». Неверно также считать, что грузинский город металлургов — Рустави носит это имя в честь гениального поэта. Город этот был основан еще в IV веке при царе Вахтанге Горгасале. Только в XIII веке, после окончательного уничтожения монголами, Рустави перестал существовать.

Естественно, что в одном издании, где поэзия одного народа звучит на его родном языке, а других народов — в переводах, сила воздействия всех этих стихотворений на читателя не равна, ибо даже при наличии высокого мастерства переводчика «гипноз языка» в переводе зачастую оказывается утраченным. Поэтому неплохо было бы предпослать переводным стихам образец строфы, стиха или изречения, напечатанного на национальном языке. Это, помимо всего, украсило бы книгу, как украшают ее гербы и

орнаменты, придавая национальный колорит соответствующему разделу.

В силу своей интимности лирическая поэзия сближает читателя с личностью поэта. С целью восполнить утраченное переводом нам кажется необходимым снабдить комментариями и примечаниями и второй том сборника, начинающийся поэзией РСФСР. У всех вошедших в нее автономных республик и областей, национальных округов — своя литература. Но пушкинская строка — «всяк сущий в ней язык» — указывает на кровное родство людей, населяющих страну от Москвы до Владивостока. Поэтому не логично ли было представить любовную лирику всей этой ведущей многонациональной республики в одном разделе? Такое размещение материала подчеркнуло бы и неделимость нашей многонациональной страны.

Поскольку в первом томе имена поэтов сопровождаются примечаниями в конце книги, думается, следовало бы сделать тоже и в отношении авторов, представленных во втором томе, тем более что о таких поэтах, как Мажит Гафури, Сукур Курбан, Жамсо Тумунов, Кизям Мегнев, Санджи Калиев, Алмари Виртанен, Сергей Чавайи, Никул Эркай, Серафим Попов, Мэвла Колый, Степан Сарыг-оглы, Нурдин Музаев, Сеспель Мишиши, Алексей Кюндэ, и многих других мы знаем очень мало или вовсе ничего не знаем. Это тем более необходимо, что книга способствует также обогащению наших познаний о личности тех малоизвестных поэтов, которые в ней представлены. Знакомство же с творчеством раскрывает личность автора, а знакомство с личностью дает ключ к его творчеству.

Лия АНДГУЛАДЗЕ

Свидетельствуют «Приметы»...

Книга М. Заверина «Приметы» — несколько необычна, если соотносить ее с привычным, распространенным типом литературоведческого исследования. Дело прежде всего в чрезвычайно широком научно-культурном диапазоне авторских интересов. На страницах книги эпизоды истории русской литературы девятнадцатого века соединяются с фактами истории Египта, сведения о первичных организмах — с анализом классической грузинской лирики, проблемы антропологии — с искусствоведческой полемикой. Да, эта необычность сразу обращает на себя внимание, эта развет-

вленность творческих задач бросается в глаза. Однако можно ли сказать, что исследователя занимает как бы сама яркость столь разнообразной изучаемой им «фактуры», «сенсационность» параллелей и сопоставлений? Думается, нет. И причина тут одна, самая важная и единственная: М. Заверин увлеченно размышляет о закономерностях движения литературы и искусства, о закономерностях, исторически, гносеологически подготавливающих движение художественных форм человеческого сознания. Перед нами книга — исполненная теоретического пафоса, книга широкой

направленности и серьезных обобщений. В ней есть «центр» авторских интересов, есть излюбленные внутренние темы, есть постоянно развиваемые проблемы социально-нравственного и эстетического характера.

Два принципа, полагает автор, прощупываются в истории литературы, в истории культуры (и даже в материальной «предыстории» культуры) — два принципа, которые — упрощая, конечно, авторскую мысль, — можно обозначить словами: «самоотверженность» и «самоутверждение». Эти принципы — как полюсы — противопоставляются друг другу, находясь одновременно в прочной диалектической взаимосвязи. За ними как бы скрывается голос «общего» и «частного», «целого» и «отдельного». Нельзя не признать серьезности, внутренней правомерности такой постановки вопроса.

Правомерно, на мой взгляд, конкретизирует эту общую мысль автор применительно к литературе, к живым формам бесконечно развивающегося искусства. «Субъективность» и «объективность», то же самое «целое» и «отдельное», находят свои формы эстетического существования и развития: лирику и эпос. Лирика и эпос сменяют друг друга исторически. Картина истории литературы представляет собой некую «батальню», в которой побеждает то одна, то другая сторона. Нет, автор не упрощает, не сводит дело к голой схеме. Он прекрасно понимает, что силы «накапливаются» постепенно, подготавливаемые ходом общественного сознания, что возможно и известное «сосуществование» (даже в творчестве одного ху-

дожника). Но он говорит о тенденции, о важнейших тенденциях. В свое время в журнале «Вопросы литературы» (1970 год, № 5) я опубликовал рецензию на сборник статей М. Заверина «В ожидании эпоса». И в той книге автор развивал свои излюбленные идеи, но еще недостаточно убедительно, полно. По-моему, сравнительно с прежней книгой сделан весьма уверенный шаг вперед.

Все это не означает, разумеется, что книга М. Заверина, так сказать, бесспорна, что мы имеем дело с истинной «в последней инстанции». Напротив — работа эта как раз и «начинена» изнутри дискусионностью, полемичностью. Что касается проблем биологических, антропологических, думается, им должны дать оценку специалисты, поскольку я — как ученик — лишь заинтересованно знакомлюсь с этими проблемами, но не имею морального права даже в малейшей степени быть тут «третьей стороной». Проблемы же литературные, эстетические весьма «остро отточены» М. Завериним и, естественно, могут вызвать и возражение. Книга далека от «гладкости», от благозвучности канонических стандартов. Это — страстное, глубоко выношенное мнение профессионального критика, литературоведа, писателя — мнение развернутое, аргументированное, составляющее «внутри себя» систему. Мнение это может и должно быть высказано так, чтобы его услышал читатель, любитель литературы и искусства. Книга М. Заверина примет полезное участие в современном литературном процессе.

Лев АНТОПОЛЬСКИЙ.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1973 ГОД

ПРОЗА

- Авалиани Л. Экзамен. VII, 39.
 Арсенавили К. Зеленый двор. IX, 27.
 Агладзе А. Мышка-Норушка. XII, 34.
 Бежанишвили Р. Последний перегон.
 Окончание. I, 11.
 Гогичаишвили Г. Дежурная третьего эта-
 жа. IV, 31.
 Гецадзе А. От станции до станции. I, 28.
 Гогова А. Если можешь, иди вперед! VI,
 22.
 Думбадзе Н. Дидро. VIII, 30.
 Давиташвили М. Командарм. XI, 58.
 Зедгинидзе Э. Весеннее половодье. IX,
 7; XI, 16; XII, 10.
 Канделаки Н. Болгарские дневники. III,
 20; IV, 40.
 Кикнадзе Б. Художник из Мирзаани.
 V, 21.
 Кобидзе Р. Натиа. VI, 31.
 Клдидашвили С. Манко. XI, 12.
 Кетелаури С. Воловья слеза. VII, 45.
 Лезгишвили Р. Возвращение. III, 28.
 Ломидзе А. Ожидание. VIII, 37.
 Мрелашвили Л. Дороги полны неочи-
 данностей. II, 10; III, 10; IV, 14.
 Панджикидзе Г. Снежный день. IX, 23.
 Петерс В. Одиннадцатый шаг. Празднич-
 ный обед. V, 35.
 Урджумелашвили В. Божья коровка.
 Продолжение. I, 36; II, 18.
 Угулава И. Подарок. V, 31.
 Халваши Ф. Двоюродный брат. XI, 53.
 Чиджавадзе О. Самоубийцы. V, 7; VI,
 16; VII, 32; VIII, 8.
 Челидзе Л. Тот Боксерский Год. XI, 35.

ПОЭЗИЯ

- Абашидзе Г. Вновь повторяется. V, 5.
 Раздумья у берегов Ингури. XII, 5.
 Абашидзе И. Погода: ветра в долине
 Риони. VI, 14.
 Амашукели Р. Великая Отечественная.
 1942 год. В горах проснулась талая
 вода... V, 5.
 Асав Р. Коста в Кахетии. II, 5.
 Берулава Х. Твой голос живой. VII, 11.
 Галактион в втором съезде писате-
 лей. X, 43.

- Гегечкори Г. Скалистые дороги Уплисци-
 хе. Спокойный старец, великий, стран-
 ный. Беседа с самим собой. Когда
 случится пережить... Тень. Однажды
 в детстве, когда смеркалось... I, 9.
 Габескирия В. Фронтвик в селе. II, 5.
 Камин. Сказанное экспромтом. Гроза.
 Озерная птица. Поездка в загородном
 автобусе. Ежевичные кусты. Брату.
 Эпитафия. IV, 8.
 Гришавили И. Любовь. Триолеты о
 шайтан-базаре. IV, 6.
 Горганели В. Партийный билет. V, 2-я
 стр. обложки.
 Гулия Д. Человек. Москва. Наш Кавказ.
 Великий Тарас. В скалах, как жили-
 ще птицы... Счастлив тот, кто может
 все сказать... Никто из нас в судьбе
 земной... VI, 11.
 Гурешидзе Н. В Армении. IX, 6. Старой
 гвардии большевики. Рядом с нами
 они... XII, 9.
 Габричидзе Н. Зоя. III, 6.
 Исаев-Аварский А. Родина души. Горец!
 Я бы хотел в твою дверь постучать-
 ся... V, 6.
 Каландадзе Г. В зале публичной библио-
 теки. I, 8. Стих Галактиона. X, 83.
 Кавтарадзе Г. Хлеб, хлеб. II, 9.
 Киласония Н. Как хочется мне перед
 колыбелью... III, 5.
 Кахидзе М. Я — забытая твердыня...
 Ты, ворона-горемыка... III, 6.
 Каладзе К. Кузнецы. VIII, 5.
 Каландадзе А. Встреча. XII, 9.
 Карамян М. Возмужание. Журавли уле-
 тели. IV, 13.
 Квливидзе М. К Грузии. IX, 6.
 Карский Ю. И все сильнее звучанье
 гордых строк... VII, 31.
 Ломия К. Абхазские строки. I, 10.
 Луговская М. В доме Симона. Не обра-
 стешь, пожалуй, жиром... Я ловлю
 крутящиеся листья... VI, 14.
 Лордкипанидзе З. Вдали от тебя. Что
 дает мне силы. Вечером. Упрек сне-
 жинки. XI, 10.
 Мариджан. Новогоднее. I, 2-я стр. об-
 ложки. Восьмидесятая весна. III, 5.
 Мревлишвили М. Книжечка моих сти-
 хов. III, 5.
 Микаэлян П. Тбилиси, Садовник. IV, 13.

- Миндадзе Б.** Каменными гулками торцами... VII, 16.
- Межиров А.** На полях перевода. X, 83.
- Маргиани Р.** Из книги «Хроника юных лет». X, 48. «Из книги братства». Аул Пада. Дад. Матенадаран. Надпись на книге Исаакяна. XI, 8—9.
- Нонешвили И.** Через времени меридианы. VI, 30. Галактиону. X, 83. Октябрьское знамя. XI, 2-я стр. обложки.
- Нишнянидзе Ш.** Коммунисты. VIII, 2-я стр. обложки.
- Окунев Ю.** Мариджан. VII, 15.
- Онания Г.** Науке. Такому не бывать. Изюминка. IV, 12.
- Подхишвили М.** Бывает все. Бывает иногда... VIII, 7.
- Сулаберидзе Л.** У Севана. III, 7. «Уж тень от вершин...». X, 62.
- Табидзе Г.** Дмитрию Гулиа. Дмитрию Гулиа — переводчику «Витязя в тигровой шкуре». VI, 13. Маяковский. VII, 6. Знамена. Родина. Не жалуйся на время. По Брюсову. Видение города. Осенний день. Свеча. Лакмэ. Параллель. Довин-Довли. Белый пеликан. Вот и смеркается. «Когда в Цицамури убили Илью...». Родной ветер. Вesper. Поля. Спокойное море. «О, друзья, наша тайная вечеря...». У ЗАГЭСа. Золотые шкуры. «Волны Мтквари журчат, как эклоги...». «Ложится первый луч зари...». «Не оставь его, как сироту...». «Так лодочник у старого причала...». Реймс. Симфония цветения. Надпись на книге «Манон Леско». Встреча. «К чему мне стих, когда средь суеты...». Ода Никордминде. Девятая симфония. «О пальмовая ветвь, о вестница покоя...». Из дому вышла в ночь. «Тень каштана скользит по стеклу...». Весна моя, подольше царствуй. X, 5—28.
- Табатадзе А.** Голуби. «Первой проталине из-под влажного снега...». XI, 11.
- Тихонов Н.** Песня о лесе. IX, 6.
- Цховребов В.** Чабан. XI, 11.
- Цвижба Ш.** Большое и малое. XII, 33.
- Челидзе О.** Амиран-гора. Продолжение. I, 5; II, 5.
- Чиковани С.** Зедазени. «Голос твой Кура заглушит на миг...». VI, 52.
- Чарквани Д.** Вместе с солнцем. X, 42.
- Шенгелия А.** Настал великий день. V, 5. Куаши Гола. VIII, 5. Звонят солнечные колокола. Чхороцху. Ореховое дерево. На Тетрони. Нива. XII, 7.
- Шанишавили С.** Пусть всюду звучит колокол мира. У каждого цветка свое имя. Пусть никто не думает. IX, 5.
- Гумбаридзе Г.** Батальон капитана Цобашидзе. V, 62.
- Кавтарадзе К.** II съезд РСДРП и создание партии нового типа. V, 78.
- Кикалишвили В.** Кузница авиаторов. XII, 84.
- Лежава А.** Грузинские революционеры на Северном Кавказе. I, 90.
- Лежава Г.** Интернационализация социально-классовой структуры населения Абхазской АССР. XII, 78.
- Майсурадзе Д.** Партия и литература. VIII, 66.
- Шаматава П.** Всегда на переднем крае. V, 57.

**КРИТИКА
И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

- Абашидзе Г.** Певец революции. III, 72. Негасимое пламя высокой поэзии. VI, 53. Грузия — колыбель поэта. VII, 53.
- Абашидзе И.** Слово о народном поэте. X, 84.
- Абзианидзе З.** Опережая жизнь. VI, 58. Размышления о судьбе человека. IX, 42. Поэт и Вечность. X, 73.
- Асатиани Г.** Большие ожидания. VII, 61; VIII, 50.
- Антокольский П.** Светлой памяти поэта-друга. VI, 56.
- Банадзе В.** Разговаривая с детьми доверительно и просто. I, 56.
- Беридзе Д.** Из творческого опыта переводчика. V, 51. Сохраняя музыку оригинала. X, 80.
- Барамидзе А.** Звезда венгерской поэзии. III, 69.
- Бенашвили Г.** Преодоление. X, 89.
- Бондарев С.** Принесение сонета. XII, 55.
- Вардосанидзе Г.** Эхо молодых голосов. VIII, 42.
- Васадзе А.** Верность «семицветной музе». XI, 71.
- Гвердцители Г.** Преодоленная высота. V, 39; VI, 36. Широкая панорама грузинского села. XII, 43.
- Гозалишвили Ш.** Поэзия борьбы и свободы. V, 44.
- Гамкрелидзе А.** Хранилище древнейших рукописей. VI, 85.
- Джибути В.** Два эскиза к портретам. III, 40. Ответственность современника. IV, 11.
- Джибладзе Г.** Поэзия прежде всего. X, 8.
- Жгениш Б.** Поэтическая энциклопедия эпохи. X, 18.
- Имедашвили К.** Письмо переводчику. I, 49. На распутье истории. IX, 34.
- Иовашвили Д.** Некоторые штрихи беллетристики Арчила Сулакаури. I, 52. Агабо Богверадзе и его горе-сыновья. XI, 75.
- Кутатели А.** Доброе перо. VI, 34.
- Карелишвили Е.** Путь драматурга. XII, 51.

ПУБЛИЦИСТИКА

- Незабываемая миссия мира. VI, 5.
- Верным курсом Октября. XI, 5.
- Беседа с секретарем ЦК КП Грузии В. М. Сиралзе. VI, 49.
- Бабалашвили И. Братская помощь. V, 66.

- Карамян М. Наш друг Маари... XII, 61.
 Клдншвили С. В последние годы. VI, 55.
 Лаперашвили В. «...Пьеса, идентичная
 всему ходу революции». VII, 24.
 Лордкипанидзе И. В гуще эпохальных
 событий. X, 64.
 Мирцхулава Б. «Дар песенный и жизнь
 мою Отчизне отдаю». III, 31.
 Мирцхулава А. Мы читали ему свои
 стихи. VII, 10.
 Маргвелашвили Г. Чудо рождения поэ-
 та. X, 41.
 Мегрелидзе И. Галактион в Ленингра-
 де. X, 62.
 Маргиани Р. Орел, взлетевший высоко.
 X, 86.
 Натрошвили Г. Наше сегодня, наше зав-
 тра. IX, 30. Голос в защиту мира.
 X, 39.
 Осваивая великое наследие. Беседа с
 Д. М. Тухарели. VII, 26.
 Тихонов Н. Любовь народа. X, 5. Певец
 радостного мира. VI, 54.
 Усахов М. «Мне дано любить родную
 землю...». XI, 80.
 Хихадзе Л. Восприятие художественно-
 го творчества в инонациональной сре-
 де. III, 37.
 Хинтибидзе А. Основоположник совре-
 менной грузинской поэтики. X, 68.
 Цицишвили Г. Итоги минувшего лите-
 ратурного года. II, 31. Сверкающий
 талант. X, 87.
 Чачава Н. Светло, образно, музыкально.
 V, 37.
 Шанидзе А. Бессмертие. IV, 88.
 Шелля И. Логика реальности против
 логики идей. XII, 64.

ОЧЕРК

- Бранловская Л. Над Ингури идут дожди.
 II, 73.
 Джапаридзе Р. Море, покорное челове-
 ку. I, 60; II, 68; III, 45.
 Донжашвили Т. В горах Мта-Тушети.
 IX, 46.
 Микава Н. Саперы не ошиблись ни ра-
 зу. VIII, 58.
 Сихарулидзе Э. Бессмертие Форэ. XI, 65.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- Долидзе Ф. «Самый культурный человек
 на Руси...». XII, 74.
 Джинчарадзе Д. Грузия в творчестве
 П. А. Павленко. IV, 71.
 Джагахишвили Г. Поэт-демократ Н. В.
 Симборский на Кавказе. V, 75.
 Джибути В. Нет для дружбы преград.
 IX, 59.
 Дидебулидзе З. Корни братства уходят
 в глубь веков. IX, 61.
 Златкин М. «Когда книга сближает на-
 роды». I, 84; II, 48.

- Кошут С. По дорогам Грузии. II, 63.
 Лордкипанидзе О. «Все пережитое, пред-
 ставляется мне сновидением...». VII,
 73.
 Мегулишвили Н. «Угрюм-река» на гру-
 зинском...». XII, 78.
 Новиков М. Леонидзе забыть невозмож-
 но. XI, 90.
 Ревизишвили Ш. Немецкий поэт XIV века
 в Грузии. III, 43.
 Рехвиашвили С. Священный закон
 дружбы. XI, 86.
 Цицишвили Г. Горький и грузинская об-
 щественность. VII, 68.

ИСКУССТВО

- Домрачева Л. Роль марксистско-ленин-
 ской идеологии в формировании лич-
 ности актера. V, 79.
 Закарая П. Певец природы. XI, 92.
 Иоселлиани Д. Малый театр — Серго
 Амаглобели — Эдвард Гордон Крэг.
 IV, 66
 Цицишвили Г. Актер, патриот, гражда-
 нин. III, 86.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ

- Дудучава М. Об особенности познава-
 тельной сущности художественного
 творчества. I, 68.
 Джаши И. Эстетика Грузии за 50 лет.
 I, 77.
 Хавтаси Г. О восстановлении целостно-
 сти мира в поэзии. VI, 62.

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- Бардосанидзе Г. Безобразная красавица.
 II, 86; III, 76; IV, 77.
 Горгидзе М. Из дневниковых записей.
 VII, 17.
 Гудиашвили Л. Встреча в Париже.
 VIII, 9.
 Долидзе Ф. Я знал Маяковского. VII, 21.
 Погосян Р. «Пируз». VI, 73.
 Привалова Э. Слово об учителе. IV, 89.
 Светлов М. Я расскажу о нем. VII, 12.
 Тоидзе А. Его тянуло к тбилисцам.
 VII, 13.
 Шаик А. Страницы прошлого. VI, 79;
 VII, 92; VIII, 83; IX, 71.

НАУКА

- Гугушвили Паата. Социологические ас-
 пекты всеобщего языка. VIII, 85.

В МИРЕ КНИГ

- Андгуладзе Л.** «Песнь любви»: находки и потери. XII, 90.
- Антопольский Л.** Свидетельствуют «Приметы»... XII, 91.
- Богомолов И.** Укрепляя научную базу русского литературоведения в Грузии. V, 95.
- Вирсаладзе Е.** «Старшая Эдда» на грузинском языке. IV, 91.
- Гокиели Ф.** Книга о мировоззрении великого поэта. IX, 95.
- Кошут С.** По критериям правды жизни. VIII, 93.
- Лордкипанидзе Д.** Вклад в историографию советской педагогики. III, 90.
- Ломтатидзе Л.** О грузинском советском театре. IX, 89.
- Пирадов Б.** Горький в Азербайджане. I, 95.
- Султанов К.** Но не скудеет в сердце нежность. IX, 92.
- Тухарели Д.** О Горьком — друге грузинского народа. VI, 95. Единство народов, единство литератур. XII, 88.
- Тварадзе Р.** Трагические маски. IX, 86.
- Фризман Л.** На рубеже двух сфер. III, 92.
- Цицишвили Г.** Ценное исследование об истории грузинского театра. IV, 93.
- Элизбарашвили Н.** Книга о нашем землейке. V, 93.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Гачечиладзе А.** Еще одно малоизвестное свидетельство современника о М. Ю. Лермонтове. III, 95.

- Паустовский К.** Ван-Боотен. (Публикация И. Адеишвили). IX, 78.
- Сукнасова И.** Материалы из творческой лаборатории В. С. Грина. V, 87.
- Сумбатов-Южин А. И.** в воспоминаниях современников. VIII, 91.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- Барамидзе А.** Верный призванию ученого. VIII, 55.
- Слова дружеского приветия.** К 60-летию академика АН Груз. ССР Георгия Джибладзе. VIII, 57.
- Лебанидзе М.** Служитель Ее Величества Книги (к 75-летию Марка Златкина). XI, 93.
- Маргвелашвили Г.** Щедрость души, щедрость дара (к 60-летию Эммануэла Фейгина). IV, 75. Особый талант человечности (к 80-летию Иродиона Кавжарадзе). XII, 86.

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

- «Верю своему герою». Беседа с писателем Н. Думбадзе. V, 70.
- Утверждать добро, чтобы преобразовать человека к лучшему. (Писатель Р. Инанишвили отвечает на вопросы критика Д. Титмерия). VIII, 63.

О КЛАССИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

- Киланава Н.** Служа высоким идеалам. XII, 75.

Сдано в производство 22 ноября 1973 г. Подписано к печати 24 декабря 1973 г.
6 печ. листов, ул. листов 8,4. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

6.41/2

საქართველოს
საქართველოს

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

ბაქ. ქ. ც-ის გამომცემლობა